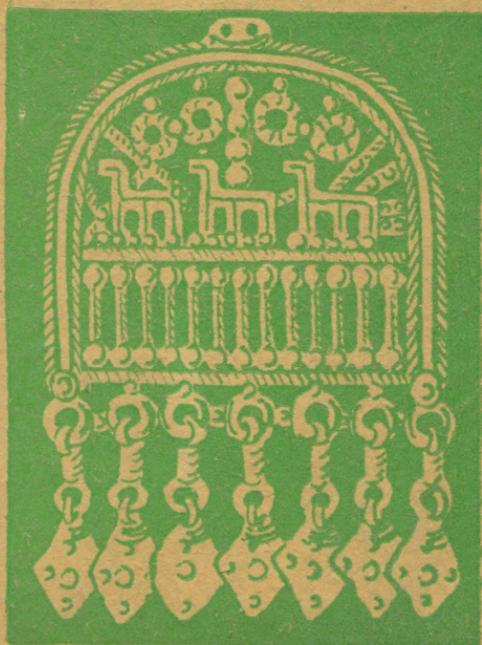

Г. А. Архипов

**МАРИЙСКИЙ
КРАЙ
В ПАМЯТНИКАХ
АРХЕОЛОГИИ**

Г. А. Архипов

**МАРИЙСКИЙ
КРАЙ
В ПАМЯТНИКАХ
АРХЕОЛОГИИ**

МАРИЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Йошкар-Ола 1976

Примерно 30 тысяч лет назад человек впервые появился на территории Марийской АССР. Сначала он поселился по берегам рек и озер, ловил рыбу и охотился в лесах. Затем он постепенно расселялся на более возвышенные места, создавая свои поселения. Человек начинает заниматься земледелием, ремеслом, металлургией и т. д. В результате изменения окружающей среды у человека возникают представления и понятия о природе, устанавливаются определенные нормы поведения в коллективе, возникает искусство.

Об этом и о многих других сторонах жизни и деятельности человека в Марийском крае с периода заселения до XIX в. включительно можно узнать из предлагаемой книги, написанной в основном на новейшем археологическом материале.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Она может быть использована археологами, историками, этнографами, краеведами и студентами-историками вузов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человек, заинтересовавшийся прошлым своего края, народа, обращается к книгам и учебникам, к документам, хранящимся в различных архивах. В нашей стране богатые библиотеки и образцовые архивы могут удовлетворить любознательного читателя.

История как наука располагает источниками двух типов: письменными и вещественными. Конечно, легче написать ее по письменным источникам, если они сохранились. А как быть, когда историк не располагает ими: их просто никогда не было. Письменность появилась всего каких-нибудь 5—6 тысяч лет назад, а человечество существует, как теперь известно по последним данным, около двух миллионов лет. И вот для изучения прошлого человечества до появления письменности ученый пользуется вещественными памятниками, которые изучаются археологией. В то время, когда историк с бумагой и карандашом идет в архив для поиска новых документов, археолог кроме бумаги и карандаша берет лопату и идет «копать» памятники — остатки производственной деятельности и духовной жизни человека. К ним относятся прежде всего поселения и погребения. Это самые крупные из памятников археологии. Сюда же относятся различные мастерские и горные выработки, производственные и культурные сооружения, отдельные находки орудий труда, украшений, произведения искусства и т. д.

Жизнь древнего человека наиболее полно отражается в характере поселений и захоронений. Если остатки поселений дают нам сведения о быте наших предков, об их хозяйственной деятельности, о планировке жилых и общественных помещений, о характере общественного строя, то захоронения дают информацию о мировоззрении, о религиозных представлениях и верованиях, т. е. о духовной жизни человека.

Да и трудно разделить производственную и духовную жизнь древнего человека. Как указали К. Маркс и Ф. Энгельс, «производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей...»¹ Кроме того, по остаткам костяков можно определить возраст, внешний вид, рост и пол погребенного. В могильных ямах чаще всего вещи сохраняются в целом виде, что очень важно для установления технологии их производства и назначений. Вещь — важнейший исторический документ, в котором скрыты мысли и дела исчезнувших поколений человека.

Практически археологические памятники, таким образом, дают нам сведения о всех сторонах жизни древнего человека. В них отражаются события мирной трудовой созидательной деятельности и события грозных лет разрушительных войн и отдельных набегов. Как образно выразился Сент-Экзюпери, «земля дает нам больше знаний, чем все книги».

У некоторых людей иногда возникает вопрос: а насколько надежны археологические источники при реконструкции истории древности? Насколько верно отражают эти источники прошлое народа, края?

На это можно ответить словами К. Маркса: «Таковую же важность, какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда те только мерило развития человеческой силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»².

Крупнейшие историки мира высоко оценили археологические источники. Например, академик С. А. Жебелев писал: «...Вещественный памятник является в противоположность письменному памятнику не просто отражением или воспроизведением прошлой жизни, но частью самой этой жизни. Вещественные памятники — непосредственные свидетели материального или духов-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 24.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

ного состояния культуры данной эпохи». Английский археолог Гордон Чайлд отметил, что «...археология имеет дело преимущественно с повседневными предметами практического применения, приспособлениями и изобретениями, такими, как дома, осушительные каналы, топоры и т. д., которые сами по себе оказали значительно более глубокое влияние и на жизнь гораздо большего числа людей, чем любое сражение или заговор...» А еще раньше, в I в. до н. э., великий римлянин Лукреций Кар писал об истории человеческой культуры:

«А незадолго перед тем изображены были и буквы. Вот отчего мы о том, что до этого было, не знаем. Иначе, как по следам, истолкованным разумом нашим».

Надежность археологических источников в последние 15—20 лет проверялась применением так называемых методов естественных наук. И что интересно, результаты применения новейших методов не опровергают выводов, сделанных чисто традиционным археологическим методом, а, наоборот, дают уточнения, дополнения. В настоящее время методы естественных и технических наук все шире используются при расшифровке тайн материала о прошлом.

При археологической разведке используются потенциометры (чувствительные приборы), определяющие электропроводность в местах предполагаемых древних поселений или захоронений. Магнитный инструмент помогает определить места гончарных печей, железных предметов, места древних костров, пожарищ и т. д.

На больших площадях поиски таких объектов ведутся с самолета, используя аэрофотосъемку. Это дает эффективные результаты на болотах, на больших распахиваемых и заросших травой полях и лугах.

Поиски археологических памятников требуют много времени и сил. Но еще более трудоемка работа по раскопке этих памятников и обработке материала. Крупный русский академик А. А. Спицын писал, что раскопки — это труд, нередко тяжелый и всегда ответственный. Использование механизмов и машин в археологии допустимо только при удалении земли из раскопа или иногда при снятии большой толщины балласта, не содержащего древних вещей. А когда разбирается культурный слой (так называется земля, где встречаются ве-

щи), даже привычная для археолога лопата становится «грубым» орудием. И тогда на вооружение идут нож, скальпель и мелкие кисточки, ибо время не пощадило древних вещей, и до нас они доходят чаще всего в сильно разрушенном виде.

Камеральная обработка археологического материала — один из важных и ответственных этапов работы. Прежде всего надо определить время существования того или иного памятника, того или иного предмета. Здесь опять-таки на помощь археологу, кроме сравнительно-типологического анализа, приходят естественные науки. Это — палеоботаника, палеозоология, геология, дендрохронология, химия, физика и т. д. О некоторых из них мы будем говорить дальше в нашей книжке. Не менее, а может быть, более важно установить назначение древних орудий труда, технологию их изготовления, определение химического и структурного состава вещей и т. д. И здесь археология использует ряд новых методов: это функциональный, или трассологический (трасса — «след»), спектральный и химический анализы. Для исторических выводов используются данные палеоантропологии, остеологии, палеопатологии, этнографии, фольклора, языкознания и даже достижения новой науки — генетики. В подсчетах и сравнениях массового материала раскопок исследователю помогают электронно-вычислительные машины (ЭВМ) и различные методы математического анализа.

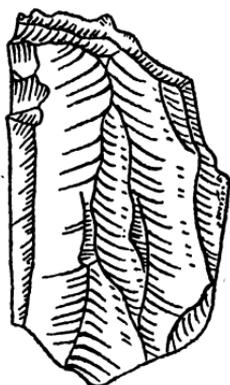
Такая археологическая работа в Марийской АССР систематически ведется с 1956 г., с организации Марийской археологической экспедиции Марийского научно-исследовательского института. За это время выявлено и изучено несколько сот памятников. Раскопки продолжаются, открываются новые памятники. В руки ученых идут новые материалы, и постепенно шаг за шагом, страница за страницей раскрывается богатая история наших предков.

В предлагаемой читателю книге сделана попытка раскрыть основные вехи древности нашего края, показать, как прошлое марийского народа и его предков отражено в археологических памятниках и что еще предстоит сделать археологам в изучении истории края.

Глава I

ЗАСЕЛЕНИЕ КРАЯ ЧЕЛОВЕКОМ

(палеолит
и мезолит)

Каждого любознательного человека интересует вопрос: как глубоко в древность уходит история своего края, иными словами, в какое время появился первый человек на территории его края. Такой вопрос стоял и перед нами, археологами, когда начала работать Марийская археологическая экспедиция. Но поиски наидревнейших следов человека очень затруднительны. Экспедиция, организованная в 1956 году, проработала уже несколько лет. За это время мы проехали и прошли пешком не одну сотню километров, а остатков поселений самого древнего человека так и не было. Между тем по находкам верхнепалеолитического времени в Татарской АССР можно было предположить, что в Марийской республике должны быть памятники этого же времени. И вот в 1958 году стало известно о находках бивня мамонта в обнажениях левого берега реки Большая Юнга в 20 м ниже впадения в нее ручья Кожважка. А. Х. Халиков, начальник Марийской археологической экспедиции, при осмотре места находок этого бивня собрал несколько костей ископаемых животных, в том числе обломки бивня мамонта, шейный позвонок и лопатку шерстистого носорога, ключицу бобра, ребро лошади и трубчатые кости быка и медведя. Причем на некоторых из них были заметны следы слома, надреза, зарубки. Эти находки заинтересовали археологов. В 1959 году это место было осмотрено крупным специалистом по палеолиту ленинградским археологом А. Н. Рогачевым и казанским геологом К. С. Андриановым. Теперь уже было найдено несколько десятков кремней и осколки

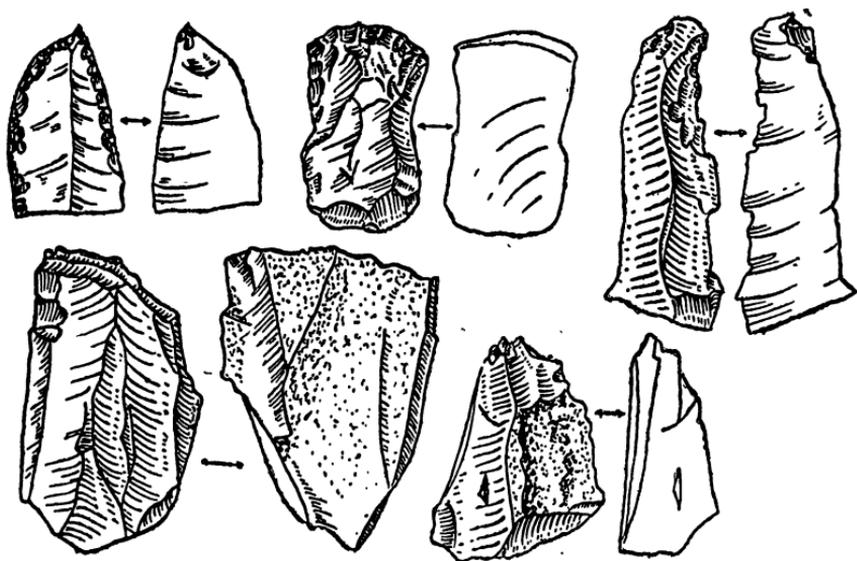
костей животных. Здесь же были и углистые включения. Стало ясно, что здесь мы имеем одно из древнейших мест поселения человека, получившего название Юнга-Кушергинская стоянка.

По геологическим условиям, определенным К. С. Андриановым, культурные остатки залегают в нижних горизонтах первой надпойменной террасы р. Большая Юнга, формирование которой относится к вюрмской стадии оледенения. Геология, таким образом, сказала свое слово о времени существования этой стоянки.

Но важно также знать, что дает палеоботаника. Для этого в процессе раскопок были взяты пробы для пыльцевого анализа. Результаты этого исследования помогают ученым воссоздать ландшафт того времени, определить характер климата. Суть этого метода заключается в следующем. Растительный мир расточает в громадном количестве пыльцу — зачатки будущей жизни. Пыльца, или пылинки, разных растений сотнями тысяч и миллионами рассеиваются в воздухе, но оплодотворяется лишь только ничтожная часть их. Остальные оседают на землю, попадают на дно водоемов и постепенно покрываются наслоениями пыли, ила, песка, глины и т. д. Практически эти пылинки есть в любом месте. Обнаружить их можно только под микроскопом, так как пылинки (пыльцевые зерна) настолько малы, что измеряются они сотыми и тысячными долями миллиметра (микронами).

Образцы грунта Юнга-Кушергинской стоянки были подвергнуты исследованию в лаборатории пыльцевого анализа Геологического института Казанского филиала Академии наук СССР. Эти анализы показали, что в культурном слое стоянки преобладают пыльца травянистых растений (55,7% злаки, лебедовые, пестроцветные), значителен процент древесных (главным образом хвойных — сосна, лиственница, ель). Из лиственных обнаружена лишь пыльца ивы.

По данным этого анализа можно нарисовать следующую ландшафтную картину. Представьте себе современный рельеф правобережья Марийской республики: на открытых пространствах растет низкая растительность степного характера — злаки, маревые и разнотравье. На относительно возвышенных местах (водоразделах) видны редкие сосны, местами встречаются

Каменный инвентарь. Юнга-Кушергинская стоянка.

лиственница и ель, а вдоль речек — заросли ивы и березы. Относительно скудная растительность объясняется холодным и сухим континентальным климатом с малым количеством осадков в летние месяцы, приближающимся к типу тундровых.

Климатическим условиям соответствовал и животный мир. Здесь мы могли бы встретить таких крупных животных, как лось, северный олень, лошадь, медведь, носорог и мамонт. Здесь же можно было вспугнуть птицу, крупную полевку или степную пеструшку. Кости животных и грызунов из культурного слоя определены в лаборатории зоологии Биологического института Казанского филиала АН СССР. На этих животных и охотились первобытные наши предки на берегу р. Большая Юнга.

Найденные при раскопках кремневые орудия труда и отходы от производства также относятся к периоду верхнего палеолита. Это прежде всего ядрища (нуклеус), очень похожие на нуклеусы из стоянки Костенки IV Воронежской области. Листовидное острие, концевой

скребок, резцовый скол также имеют аналогии в верхнепалеолитических стоянках Костенковского района.

Более многочисленны кремневые отщепы, всего их 33 экземпляра. Люди, жившие на Юнга-Кушергинской стоянке, пользовались местным кремневым сырьем, которое обнаружено экспедицией в 500 м от стоянки, ниже по течению реки Большой Юнги. Здесь найдены крупные желтаки кремня диаметром до 25 см, по цвету и структуре аналогичные кремням стоянки.

Юнга-Кушергинская стоянка — пока единственный памятник эпохи палеолита в Марийском крае. Правда, здесь же, в Горномарийском районе, в 1959 году были обнаружены и выяснены условия залегания еще трех местонахождений кремневых отщепов и скопление костей четвертичных животных у деревень Верхнее Акчерино, Пертнуры и Янгосово. Эти находки в какой-то мере позволяют говорить о существовании и других групп палеолитических людей. Возникает вопрос: откуда пришли сюда самые первые люди? Ведь Среднее Поволжье не входит в зону становления человека, и оно не является очагом распространения нижнепалеолитических людей. Пока что ответ на этот вопрос может быть один: с Костенковско-Боршевского палеолитического региона на Дону, где, как мы уже отметили, имеются аналогичные кремневые орудия и нуклеусы. Этот ответ может считаться достоверным, если мы учтем, что древний человек с Дона добирался и в более восточные районы, вплоть до Прикамья и Печорского края.

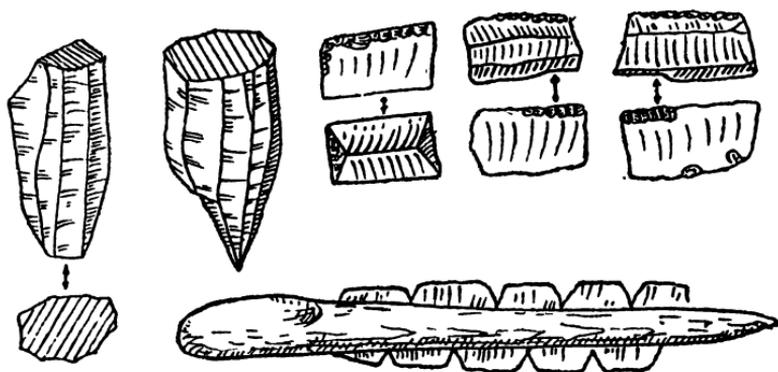
Как объяснить, что Юнга-Кушергинская стоянка — единственная в нашем крае да еще с небольшим культурным слоем и без следов жилища? Ведь на верхнепалеолитических стоянках Дона открыты и изучены многочисленные жилища. Можно предложить следующую гипотезу. Древний человек у д. Юнга-Кушерга (близ с. Еласы) появился в самом конце палеолита, примерно 30—20 тыс. лет назад. В это время ледники последнего крупного вюрмско-валдайского оледенения начали уже таять. Причиной тому — резкое повышение температуры. По многочисленным данным специалистов, изучающих древний климат, примерно 12—14 тысяч лет назад сильно прогрелись и воды Мирового океана, а значит, потепление началось намного раньше. Ведь, чтоб потеплела вода в Ледовитом океане, надо было растопить лед

многокилометровой толщины. (Интересные данные по характеристике эпохи палеолита и мезолита приводятся в книге Г. Н. Матюшина «У колыбели истории». М. 1972).

Огромные изменения климата привели к изменению растительного и животного мира, а также человека. Богатая приледниковая растительность намного оскудела. Питавшиеся травами мамонты (один мамонт за день съедал до 100 килограммов растительной пищи) уходили дальше на север, но и там условия для них были неблагоприятные: их встречали суровые холодные моря Севера. Мамонт был обречен на вымирание, и примерно 12—14 тысяч лет назад он вовсе исчез. Вслед за отступающим ледником на север перекочевали и северные олени. И палеолитический человек, который питался в основном мясом мамонта и оленя, тоже шел на север за стадами мамонтов и оленей. По-видимому, Юнга-Кушергинская стоянка и является остатком временного стойбища людей, передвигавшихся к северу.

На какое-то время, возможно, Среднее Поволжье опустело. Смена климатических и природных условий привела и к смене людей. Примерно 12 тысяч лет назад в нашем крае появляется другая группа людей и останавливается на берегу Волги у бывшей деревни Русская Луговая Волжского района (сейчас эта деревня входит в черту г. Волжска). Место поселения этой группы названо Русско-Луговская II стоянка (здесь есть несколько стоянок каменного века). Она была открыта в 1954 году А. Х. Халиковым. Раскопана Марийской археологической экспедицией в 1956 году. Самым важным и интересным здесь было открытие остатков жилища — землянки размером примерно 7×4 м в верхней части котлована жилища, а на уровне пола — 5,3×3 м. Котлован был вырыт в песчаном прунте, поэтому стенки землянки изнутри были укреплены бревнами, подпертыми вертикальными столбами. Крыша, очевидно, была двускатная. Обогревалось жилище двумя очагами, расположенными у входа и у задней стены. Дно очагов сильно прокалилось и было заполнено углистым песком и пережженными костями.

Эта стоянка по сравнению с Юнга-Кушергинской дала значительно больше материала (950 предметов), состоящего из орудий труда и отходов производства:

Нуклеусы, ножевидные пластины и способ их использования.

пластины, отщепы, осколки, отдельные орудия. Изготовлены эти предметы из белого, реже цветного кремня. Характерным для Русско-Луговской II стоянки является совместное бытование орудий труда, сделанных из двух различных типов заготовок, это — ножевидные пластины и орудия из них и орудия на отщепах. Причем первых несколько больше: 54%. Из ножевидных пластин сделаны ножи, скребки, скобели. Эти же пластины служили и вкладышами составных орудий. Из отщепов изготавливались скребки, резцы и другие скоблережущие орудия. Есть одно крупное орудие из мелового кремня, обработанное с двух сторон грубой отщепкой. Аналогичный материал обнаружен на Курманаевской и Широкундышской стоянках в Марийской АССР. Вместе с другими средневожскими памятниками они характеризуют позднемезолитическую культуру нашего края.

Был проведен пылевой анализ по почвенным пробам Русско-Луговской II стоянки. Преобладала пыльца сосны — 59%, травянистых оказалось всего 16,6%, а ели — 9%, мхов — 16,4% и 4% папоротника. Интересно, что результаты этих анализов хорошо согласуются с данными, приведенными М. И. Нейштадтом для характеристики Среднеуральского района. Он также отмечает господство сосны в VII—V тысячелетиях до н. э. Это время соответствует бореальному климатическому периоду.

Известно много вариантов мезолитической культуры Евразии. Происхождение и историческое содержание этих вариантов различно. Необходимо определить место и Русско-Луговской II стоянки. Исследователь этого памятника А. Х. Халиков в своих публикациях неоднократно отмечал, что по своим формам и типам материал стоянки содержит характерные черты каменных орудий памятников как Окского, так и Волго-Уральского мезолитических районов. Истоки культуры позднего мезолита Средней Волги А. Х. Халиков находит в местной культуре развитого мезолита. Однако он отмечает большую близость ее к памятникам Приуралья и Сибири, чем к памятникам бассейна Оки и Верхней Волги, ссылаясь на крупные кремневые орудия с оббивкой по краю. С этим выводом не совсем согласен другой исследователь мезолитических памятников Среднего Поволжья и Прикамья М. Г. Косменко.

Эпоха мезолита в истории человечества ознаменована многими достижениями в освоении природы. Это прежде всего появление новых видов орудий труда, новых способов охоты и т. д. Все это дало возможность полнее использовать природные ресурсы, чем в предшествующую эпоху. Прежде всего меняется характер охоты в связи с исчезновением мамонтов и носорогов. Загонная форма охоты на этих крупных животных постепенно теряет свое значение. Лось, медведь, кабан выслеживаются небольшими группами взрослых охотников, вооруженных луком и стрелами. Лук и стрела были изобретены еще в эпоху верхнего палеолита, но главное распространение получили в мезолите. А на мелкого зверя люди охотятся поодиночке. Наряду с луком и стрелами широко применяются разнообразные ловушки, западни, силки. Большую роль начинает играть рыболовство. При этом применяются не только гарпун или лук, но появляются впервые разнообразные сети, рыболовные крючки. Также впервые в эпоху мезолита были сделаны долбленный челн и весло. Запасы пищи мезолитического человека пополняются и собирательством. Широко распространившиеся после ледника леса богаты различными ягодами, кореньями и травами. Возможно, и в наших краях в эпоху мезолита человек впервые познакомился с дикими злаками. Пока что человек был занят так называемым присваивающим ви-

дом хозяйства, но уже в эпоху мезолита были зачатки нового его вида — производящего, когда человек не только пользуется тем, что есть в природе, но и сам производит. Правда, в лесных районах, в отличие от более южных лесостепных и степных районов, переход от присваивающей формы хозяйства к производящей шел медленно, без скачка, но все, что было изобретено человеком в эпоху мезолита, получило дальнейшее развитие в последующую эпоху — эпоху неолита, или новокаменного века.

В целом уровень развития производительных сил в мезолите был настолько высоким, что позволял отдельным группам людей (общинам) перейти к оседлой жизни до возникновения земледелия и скотоводства. В лесной зоне устойчивым источником пищи было в основном рыболовство. Жилище такой группы людей и было изучено нами у д. Русская Луговая в 1956 году.

Для эпохи мезолита можно наметить три своеобразные хозяйственные зоны: Средиземноморье (с преобладанием собирательства и примитивного животноводства), зона лесных охотников и рыболовов Евразии (сюда входит и Марийский край) и зона приморских культур рыболовов и охотников на морского зверя.

Глава II

РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ

(неолит)

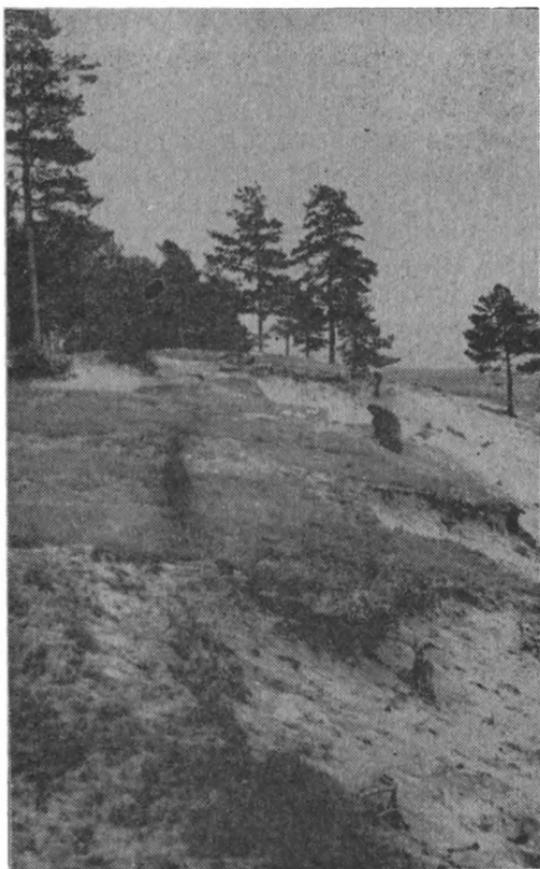

Марийский край можно назвать краем рек, озер и лесов. Если посмотреть на нашу республику сверху, то видно, как на зеленый ковер лесных массивов жемчужинами вкраплены голубые озера и синими лентами прорезают эти леса многочисленные большие и малые реки. И если бы мы смогли на машине времени вернуться на 5—7 тысяч лет назад на берега наших рек и озер, мы увидели бы то там, то здесь небольшие группы людей с повязками из шкур на бедре, с копьями, мотыжками, рыболовными снастями и другими орудиями в руках. Здесь же, вероятно, увидели бы и их жилища в виде полужемлянок или шалашей. Сделать этого, естественно, мы не сможем. Но мы можем побродить по берегам рек и озер и найти немало свидетельств (или вещественных источников, как говорят историки) былого жительство первобытных людей. Особенно их много на песчаных дюнах боровых террас или на открытом месте, т. е. там, где ветер постоянно передувает песок с места на место. В результате скрытые некогда под песками остатки материальной культуры выдуваются и оказываются на поверхности дюн. Это разрушается культурный слой поселений эпохи неолита, или новокаменного века. Частыми находками на дюнах являются обломки глиняных горшков (керамика, как их называют археологи) и кремневые сколы и отщепы, а иногда и целые орудия. И когда в 1956 году мы шли маршрутами в поисках древних стоянок и мест захоронений, то за 10—12 дней набирали целый рюкзак этой керамики и кремневых кусков. А брали мы не всегда все, что находили. Опи-

сывая все находки, снимая планы местностей этих находок, мы обследовали все реки Марийской АССР и даже в соседних районах Кировской и Горьковской областей. В результате на археологическую карту Марийской АССР нанесли не один десяток стоянок эпохи неолита.

Новокаменный век (неолит) в наших краях датируется V — концом III тысячелетия до н. э. Эта эпоха характеризуется дальнейшим изменением природных условий, хотя оно не идет резкими скачками, как в эпоху палеолита. Эпоха неолита соответствует атлантическому и началу суббореального климатических периодов (все-го для лесной полосы СССР, Скандинавии и Англии палеоклиматология установила шесть послеледниковых периодов: арктический, субарктический, бореальный, атлантический, суббореальный и субатлантический). Атлантический период характеризуется влажным и теплым климатом. На тундру и степь наступает лес. Появляются ольха, смешанные леса (дуб, вяз, липа). А в суббореальный период климат в целом умеренно теплый и сухой. В конце периода наступает похолодание. Получают широкое распространение злаковые. Но климат не был одинаковым и постоянным на всем протяжении эпохи неолита. Специалисты выделяют три фазы увлажнения. В зависимости от этого и менялась топография (т. е. месторасположение) стоянок. Фаза повышенной увлажнения, соответствующая рубежу V и IV тысячелетий до н. э., характеризовалась сильными дождями: уровень воды на реках и озерах повышался, и люди в это время селились на высоких дюнах боровых террас. Затем до середины III тысячелетия, до конца атлантического периода, господствовала фаза пониженной увлажнения. Стоянки древних людей появляются в низких местах, на дюнах речных пойм. А в конце эпохи неолита большинство стоянок снова располагается на высоких местах, так как с наступлением суббореального периода наблюдается небольшое увлажнение климата, а затем устанавливается сухой климат. Все эти изменения климата отразились и на местоположении неолитических стоянок нашей республики. Например, Русско-Луговская II стоянка (второй, верхний слой) расположена на высокой дюне боровой террасы.

Неолит известен многими крупными достижениями в развитии первобытной техники. Появляются новые виды

Неолитическая
стоянка у д.
Полянка.

орудий из камня различных пород, новые приемы его обработки. Широко распространившиеся каменные топоры, тесла, долота, предназначенные прежде всего для обработки дерева, изготовлены новым приемом — шлифованием. Заготовка топора делалась прежним способом скола, но затем тщательно шлифовалась рабочая часть или все орудие. Склад таких заготовок был найден экспедицией на Старо-Мазиковской III стоянке в Моркинском районе. Шлифование позволило человеку, во-первых, использовать новые породы камня (диорит, змеевик, нефрит, шифер, сланец), во-вторых, делать эти орудия более совершенными.

Применение топоров намного увеличило силу воздействия человека на природу, повысив производительность труда. Изготовить топор было не так уж трудно. Экспериментальные работы ленинградского археолога С. А. Семенова показали, что топор из сланца даже неопытный человек может сделать за 2,5—3 часа, из диорита — за 15—20 часов, из кремня — за 30 часов. Каменные топоры были эффективны и в труде. Например, таким топором можно выдолбить лодку за 10 дней, а срубить дерево толщиной в 25 см потребовалось всего 15 минут. Для сравнения: медным топором такое же дерево срубали за 5 минут, стальным — за 2—3 минуты.

С помощью каменных топоров делали не только лодки, но и лыжи, сани. В наших местах дерево в грунте не сохраняется, поэтому деревянных изделий в памятниках не найдено. Но при раскопках торфяников на Урале, в Коми АССР были обнаружены деревянные весла, полозья саней, остатки лодок и других более мелких поделок.

Для увеличения эффективности топора важно было удачно закрепить его в рукоятке. Все найденные в неолитических, да и более поздних памятниках шлифованные топоры имеют отверстия посредине. Отверстия эти сверлили с помощью деревянной палки или чаще всего твердой костью, подсыпая песок. Вставленная в это отверстие и завязанная жилой или плоской кожи деревянная рукоять придавала древнему топору почти современный вид. Поэтому техника сверления, наряду с шлифованием, в эпоху неолита становится одним из распространенных способов изготовления каменных орудий.

Выше уже было отмечено, что даже на поверхности неолитических стоянок можно найти много обломков глиняной посуды. Действительно, керамика — самая массовая находка в большинстве поселений, и она дает массу сведений о древнем производстве, о возросшем опыте древнего человека в использовании природных ресурсов, даже о мировоззрении наших предков. Изготовление глиняных горшков свидетельствует о преднамеренном изменении качества естественного материала. Глина, подвергнутая обжигу, принимает новое качество, она становится твердой и способной сохранять приданную форму. Древняя посуда изготовлялась вручную. В

настоящее время археология детально изучила все аспекты этого древнего вида производства. Использование методов естественных наук позволило раскрыть многие секреты древнего гончара. И, по-видимому, в изготовлении горшков самым трудным был процесс обжига.

Керамика—одно из важнейших изобретений эпохи неолита. Некоторые археологи эпоху неолита называют даже эпохой керамики. Керамика—основной носитель информации о древней эпохе, и ее значение для науки неопределимо. В дальнейшем мы еще не раз вернемся к этому источнику информации.

Другим важнейшим изобретением неолитического человека является производство ткани. К сожалению, остатки ткани в археологических памятниках того времени не сохранились, но косвенные данные позволяют делать такой вывод. В неолитических памятниках многочисленны так называемые пряслица из камня или глины. Это—кружочки с отверстием в центре и, как предполагают специалисты; они насаживались на деревянное веретено и служили в качестве маховика, придавая вращению веретена равномерный и длительный характер. Волокно для изготовления ниток вырабатывалось чаще всего из конопли и крапивы. Позднее, очевидно, с появлением скотоводства, люди научились делать и шерстяные волокна.

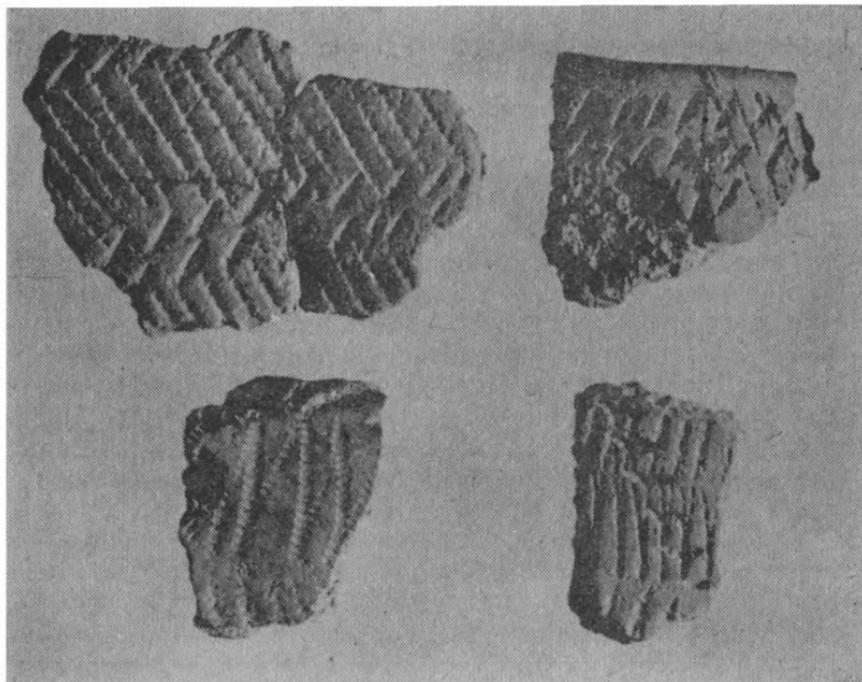
Неолитическая эпоха более разнообразна в культурном отношении, чем эпоха палеолита и мезолита. Для Марийского края эта эпоха характеризуется уже сплошным расселением людей по берегам рек и озер. И в это время можно различить некоторые особенности в материальной культуре памятников западных и восточных районов. Если в мезолите еще трудно категорично говорить о характере материальной культуры (то ли она ближе к Волго-Окским, то ли к Волго-Камским памятникам), то в неолите такого колебания не может быть. Теперь одного взгляда на археологический материал достаточно, чтобы сказать, что западные памятники бассейнов рек Ветлуги, Большой и Малой Кокшаги и примыкающей к ним части Волги заметно отличаются от более восточных памятников нашей республики. Первые составляют восточную часть большого культурного ареала, известного в археологии как балахнинская культура. Памятники этой культуры близ г. Балахна

современной Горьковской области были изучены раскопками Б. С. Жукова еще в 1916—1917 годах. Затем значительная площадь была вскрыта в 1932 году О. Н. Бадером, который вместе с М. В. Воеводским и предложил назвать эту культуру балахнинской (по названию города).

Марийская археологическая экспедиция провела раскопки на Русско-Луговской 1, Удельно-Шумецкой V и Майданской стоянках балахнинской культуры. Наибольшая площадь раскопана на Русско-Луговской 1 стоянке, расположенной недалеко от описанной уже мезолитической стоянки. Эта стоянка занимает песчаную дюну на мысу второй (надлуговой) террасы левого берега р. Волги и возвышается над поймой р. Волги на 8 м. С востока, юга и запада дюна была окружена пойменными озерами, в настоящее время пойма заполнена водами Куйбышевского водохранилища. Остатки материальной культуры размещались в светло-сером гуммированном песке мощностью от 12 до 30 см. В раскопанной части стоянки обнаружены остатки двух неглубоких очажных ям. Основной материал с культурного слоя представлен керамикой (1750 фрагментов), кремневыми отщепами и сколами и каменными орудиями. Найдены и небольшие обломки костей животных (в основном зубы), принадлежащие лосю.

Посуда изготовлена вручную из местной глины. В глину примешивали крупнозернистый песок с тем, чтобы она при обжиге не растрескивалась. Для балахнинских племен характерна именно эта примесь. Разные племена использовали для отощения глины различную примесь. Сосуды с этой стоянки довольно крупные. Большинство из них имеет диаметр горла 28—34 см. Есть обломки и от меньших сосудов с диаметром горла 14—22 см, но их очень мало. Форму сосудов, которая характерна для Русско-Луговской I стоянки, да и для других стоянок балахнинской культуры, археологи называют яйцевидной.

В неолите нет ни одного глиняного сосуда, на стенках которого не было бы орнамента (т. е. узора). И здесь вся поверхность сосуда от горла до дна орнаментирована. Узоры представляют собой оттиски гребенчатого или зубчатого штампа в сочетании с одним или двумя рядами глубоких круглых ямок с коническим

Керамика. Старо-Мазиковская III стоянка.

дном. В данном случае очень важно знать форму ямок, ибо разные формы ямок и разной формы дно (коническое, плоское или др.) характеризуют посуду разной культуры, так же как и формы и размеры зубчатого штампа. Важно также и то, как располагаются на поверхности сосуда элементы орнамента. В данном случае характерным следует считать косо поставленные гребенчатые оттиски, разделенные на зоны рядами глубоких ямок.

Довольно большим количеством представлены каменные орудия. Среди них три долота и 20 обломков и заготовок, тесло, ножи и скребки, наконечник дротика.

Благодаря раскопкам в 1961 году Удельно-Шумецкой V стоянки в Юринском районе, в левобережье Волги, мы можем характеризовать жилища балахнинских племен Марийского Поволжья. Оно имело прямо-

угольную форму размерами 14,4 м в длину и 8,8 м в ширину. Пол был углублен от древнего дневного уровня на 40—50 см. Вдоль стен были нары, на полу располагался очаг. Земляные стены жилища укреплялись продольно сложенными бревнами, прижатыми к стене вертикально поставленными столбиками. В северо-западной стороне край жилища имел углубленный выступ — яму-хранилище, характерную и для других неолитических жилищ этого региона. Жилище имело выход к краю террасы, т. е. к водоему. Крыша полуземлянки была двускатная, в средней части опирающаяся на слегу, положенную на столбы в центральной части.

Керамика с Удельно-Шумецкой V стоянки аналогична керамике балахнинской культуры: та же сплошная гребенчато-ямочная орнаментация, те же формы. Близкую керамику имеет нижний, частично разрушенный слой на Майданской стоянке.

Русско-Луговская I, Удельно-Шумецкая V и Майданская стоянки относятся к первой половине III тысячелетия до н. э., к развитому этапу балахнинской культуры по периодизации А. Х. Халикова.

Если посмотреть на карту памятников балахнинской культуры в Марийском крае, то можно отметить групповое размещение их. Одна группа, немногочисленная, находится в районе г. Волжска, вторая, многочисленная, густо размещена в устье р. Ветлуги и вдоль Волги, на запад и восток от поселка Юрино, и по р. Ветлуге. Среди них назовем Полянские II и IV стоянки, Майданскую и еще Удельно-Шумецкие II, III, IV, стоянки, Выжумские I и II на Ветлуге. К ним примыкают стоянки в Горьковской области и дальше вплоть до устья р. Оки.

На втором этапе развития балахнинская культура достигает наивысшего развития и занимает наибольшую территорию, продвигаясь, в частности, и на восток, в пределы марийского Поволжья. Но к этому времени вся западная часть Среднего Поволжья была уже занята племенами, которые известны в археологии под названием племен волго-камской культуры. Памятники этой культуры изучены довольно хорошо не только Марийской, но и Камской археологической экспедициями под руководством О. Н. Бадера.

Волго-Камская неолитическая культура входит в зо-

ну уральского неолита. Наибольшее сосредоточение памятников Волго-Камского неолита наблюдается в устье Камы. В Марийской республике ныне известно всего 9 стоянок и 2 местонахождения этой культуры. По размещению их на карте республики можно выделить так же две группы: одна в окрестностях д. Старое Мазиково Моркинского района на левом берегу р. Илети, другая — в левобережье Волги в районе пос. Дубовая и д. Отары. Широкундышская стоянка с нижним слоем, относящимся еще к мезолиту, также имеет неолитический материал и она пока что единственная в отдалении от Волги на р. Большой Кундыш.

Самой древней по времени из неолитических стоянок является Русско-Луговская II стоянка. Культурный слой этой эпохи лежит выше мезолитического и отделен стерильным, т. е. не содержащим культурных остатков, песком. Стоянка ее исследователем А. Х. Халиковым отнесена к концу V—началу IV тысячелетия до н. э. Предполагается, что в основе неолитической культуры, представленной Русско-Луговской II стоянкой, лежит местная мезолитическая культура. Этому мнению придерживаются и А. Х. Халиков, и О. Н. Бадер. Столь далекая древность указанной стоянки подтверждается не только характером кремневых изделий, но и отсутствием керамики. По существу, если признать одним из признаков неолита наличие керамики, то Русско-Луговская II стоянка выходит за пределы этой эпохи. Но отнести ее к мезолиту тоже нельзя. Дело в том, что в каменном инвентаре стоянки имеются вещи, неизвестные в более раннюю эпоху. Это прежде всего крупные асимметричные долота и тесла с горбатой спинкой и плоским брюшком; подобные долота появляются во всей лесной зоне Европы и Азии в ранних неолитических памятниках еще до появления керамики. Для мезолита же не характерны крупные каменные орудия (их еще называют «макролитами» в отличие от мелких каменных орудий мезолитической эпохи, называемых «микролитами»). Отсутствие керамики в ранненеолитических стоянках определило и название этой эпохи—докерамический неолит. Если мезолит считают переходной эпохой от палеолита к неолиту, то докерамический неолит можно считать эпохой становления неолита, сохраняющей еще значительные черты мезолита.

О характере жилища докерамического неолита в Среднем Поволжье можно судить по остаткам полуземлянки, изученным В. Ф. Черниковым в Горьковской области. Форма этой полуземлянки подквадратная, размерами 5×5 м, с одним выходом. На полу жилища несколько очажных пятен. Стены, очевидно, укреплялись деревянными плахами, подпертыми столбами.

Следующий этап — раннекерамический, датируемый серединой IV тысячелетия до н. э., в Марийской АССР представлен двумя местонахождениями в районе д. Полянки в Юринском районе и двумя стоянками — Дубовская и Отарская III, открытыми в 1960 году П. Н. Старостиным. Раскопки на этих памятниках не проводились, поэтому характеристика их затруднительна.

Наиболее изученными памятниками неолита в Марийской АССР являются стоянки у д. Старое Мазиково Моркинского района. Здесь на песчаных дюнах, на краю низкой надлуговой боровой террасы левого берега р. Илети, располагались четыре стоянки, занимая площадь протяженностью около 1200 м. На двух из них произведены раскопки, а две другие, к сожалению, разрушены выдувом дюны.

Наиболее результативными были раскопки Старо-Мазиковской III стоянки. Площадка стоянки возвышалась над поймой р. Илети на 3—4 м. Остатки материальной культуры размещались в коричневато-желтом слабо гуммированном песке. Толщина этого культурного слоя в среднем 40 см. Каких-либо следов жилищ не обнаружено, однако в пределах раскопа площадью в 436 кв. м обнаружены четыре ямы, заполненные углистыми остатками. Размеры их невелики, диаметром в 25—65 см. Можно предположить, что эти ямы использовались в качестве временных костров.

Другие двадцать четыре ямы предназначались, очевидно, для хозяйственных нужд и использовались, в основном, как хранилища запасов пищи. Ямы, вырытые в песке и не имеющие каких-либо укреплений, использовались, по мнению крупного советского археолога А. Я. Брюсова, не более 5—6 лет. Этим, очевидно, объясняется и многочисленность ям на относительно небольшой площади.

Интересной является яма глубиной около 50 см, размерами 125×140 см. Стенки, особенно у дна, были про-

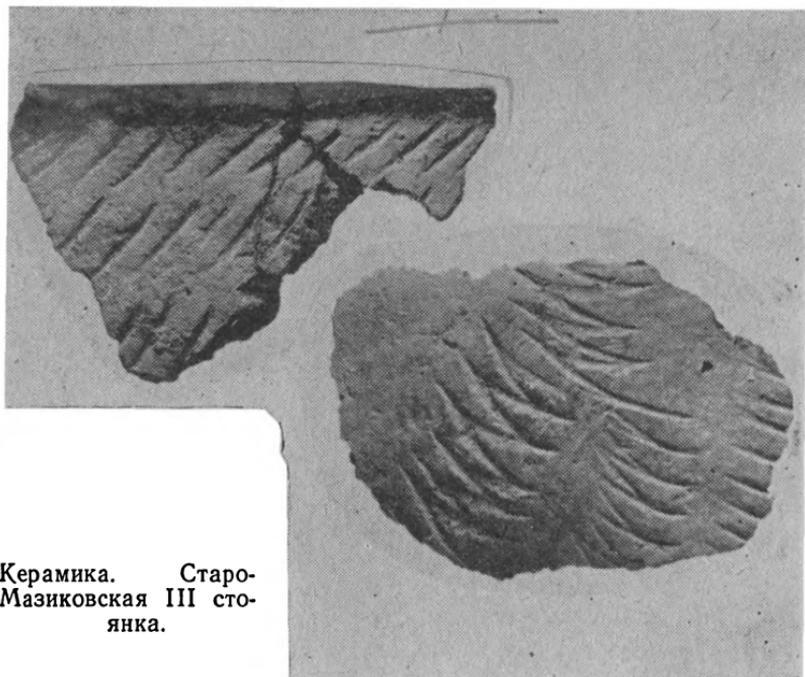
калены, а на самом дне в куче лежали заготовки каменных орудий, среди них 6 долот из окремнелого известняка, 16 обломков и одна целая заготовка ножей из зеленовато-серого сланца, 2 плоских куска песчаника. Долота очень крупные: самое большое длиной 28,5 см при ширине рабочей части 6,5 см и толщине 4,5 см. Обработанные крупными сколами и отеской, они не полировались и не имеют следов сработанности. Очевидно, мастер, сделав заготовки, сложил их в яму до надобности. В яме окремнелый известняк долго сохраняет свои качества, тогда как на открытом воздухе без шлифовки его поверхность подвергается быстрому выветриванию. Здесь мы встречаемся уже с фактом глубокого знания свойств материала, в данном случае окремнелого известняка.

Подобные «клады» или склады заготовок известны и в других местах, они описаны и в археологической литературе.

Наибольшее количество находок представлено керамикой. Всего найдено 2261 фрагмент и лишь один целый сосуд. Сосуд этот стоял в яме, заполненной гумусом (перегноем). Форма его вытянуто-полуяйцевидная с острым дном. Эта форма наиболее характерна для неолитической эпохи. Внешняя поверхность сосуда сплошь орнаментирована отпечатками косо поставленного зубчатого штампа.

Такой орнамент преобладает и на других фрагментах. Правда, это не единственный способ украшения сосудов. Нередко отпечатки зубчатого штампа, расположенные зонами, поясками, разделяются глубокими коническими ямками. Вообще зональность расположения орнамента является характерной чертой украшения сосудов. Даже сосуды, украшенные только зубчатым (гребенчатым) штампом, и те имеют зоны, выполненные штампом различного вида: короткие вертикальные, косые или более длинные горизонтальные линии. Часто зубчатый штамп дает отпечатки так называемой «шагающей гребенки» или реже «отступающей лопаточки».

Довольно большое количество кремневых орудий, их заготовок и отходов их производства (отщепы, сколы), говорит о местном производстве этих орудий непосредственно на стоянке. Основная масса орудий выделана из крупных кусков или отщепов кремня. В коллекции

Керамика. Старо-Мазиковская III стоянка.

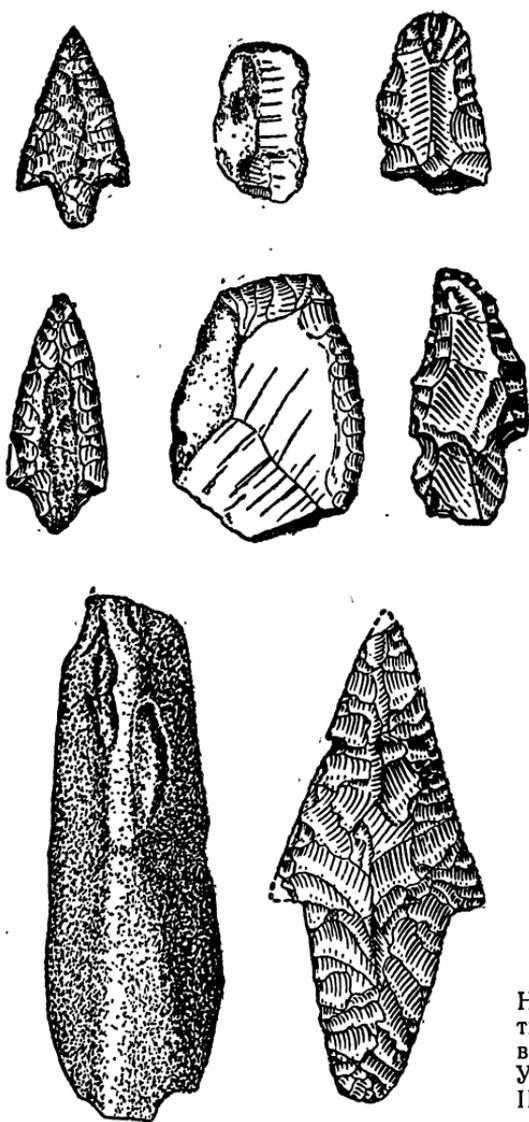
преобладают изделия из плиточного кремня коричневатого цвета. За сырьем не надо было ходить далеко. В 4 км от Старо-Мазиковских стоянок ниже по течению Илети и в 50 м к юго-западу от д. Старый завод были нами найдены выходы кремневых пород на склоне возвышенности, образующей мыс, ограниченный с одной стороны р. Шалевкой, с другой — р. Кровной.

В период существования Старо-Мазиковской стоянки кремневая индустрия достигла высокого уровня. Орудия труда с этой стоянки можно уже подразделить на ряд групп по функциональному назначению. В частности, орудия для обработки дерева, кожи и кости — топоры, долота, тесла, стамески, скребки, скобели, проколки и сверла. Здесь же орудия охоты и рыболовства (наконечники стрел и дротиков, рыболовный крючок) и орудия для обработки камня (отбойники, ретушеры, шлифовальники и песты). По этому набору орудий легко представить характер хозяйства неолитического населения Марийского края, и мы еще раз можем убедиться

в справедливости слов К. Маркса о том, что по останкам средств труда можно изучить исчезнувшие общественно-экономические формации. Если эпоху мезолита, по мнению многих ученых, можно считать периодом своеобразного экспериментательства, периодом усиленных поисков новых орудий, новых способов добычи пищи, то эпоху неолита можно назвать эпохой расцвета каменной индустрии, эпохой дифференцированного использования орудий труда, охоты и рыболовства. И действительно, кто не знает сейчас, в век научно-технического прогресса такие предметы, как сверло, долото, тесло и т. д. А ведь прототипы всех этих современных инструментов возникли несколько тысяч лет назад, и они создавали условия для технического прогресса всех последующих эпох. Здесь мы видим наглядный пример того, как человечество разумно использует все лучшие достижения предшественников. В этом отношении археология делает великое дело, предоставив специалистам—историкам развития техники массовый и нередко первоклассный материал. Благодаря археологии стали известны многие достижения и секреты производства древних народов, и они вошли в непреходящий фонд человеческих знаний.

Вернемся на берега Илети, на Старо-Мазиковскую стоянку. Обитатели этой стоянки орудия для обработки дерева и кости изготовляли из крупных кусков светлого кремневого известняка или доломита. Как правило, изготовлялись они приемом первичной отески или оббивки с последующей шлифовкой, чаще только рабочей части. Типичны для этого времени асимметричные, с плоским брюшком, выпуклой двухгранной или трехгранной спинкой долота. Тесла от долот отличаются более широким, слегка округленным лезвием. Интересны топоры из светло-зеленого сланца и кремневого опала дымчатого цвета. По размеру они невелики. Судя по тому, что они изготовлены из материала не местного происхождения, можно считать их привозными вещами, свидетельствующими о торговых связях племен Марийского края с соседними и более дальними племенами.

Многочисленны ножи из плитчатого или желвачного кремня. Они отличаются совершенством форм, тщательностью отделки. Среди них ножи с округлым лезвием и прямой спинкой. В археологии их называют ножами

Наконечники стрел, дротик, скребки, скребковидные ножи и долото. Удельно-Шумецкие I и II стоянки.

«полулунной» или «сегментовидной» форм. Есть ножи и других форм: с прямым лезвием и острым концом; овальные, когда лезвиями являлись оба боковых края; с двумя лезвиями, из которых одно прямое, другое с закругленным углом. Некоторые ножи имеют форму

кинжала — двулезвийные с выраженной рукояткой. Свообразными являются так называемые скребковидные ножи, изготовленные, как правило, на коротких массивных отщепках с заостренным лезвием. Разнообразие форм ножей свидетельствует, очевидно, о дифференцированном их использовании.

В большом количестве на Старо-Мазиковской III стоянке найдены скребки. Их более 100 экземпляров. Рабочая часть некоторых скребков располагалась на концах небольших отщепов желвачного или плитчатого кремня. У других рабочая часть находится по боковым краям отщепов. Соответственно называются они концевыми и боковыми скребками.

От скребков отличаются скобели: у них рабочая часть имеет выемку — одну или несколько.

Необходимыми орудиями труда в древности были и такие небольшие вещи, как проколки и сверла. Проколки имеют гонкое острие, обработанное ретушью. Сверло от проколки отличается более массивным, обработанным ретушью острием. Причем ретушь располагается на острие по спирали.

Орудиями охоты являются наконечники стрел и дротиков. Форма стрел листовидная, обе стороны обработаны отжимной ретушью. Некоторые из них сбоку имеют шипы. Дротики, в отличие от стрел, более массивны, крупнее размерами.

Уникальной находкой является кремневый рыболовный крючок. Форма его дугообразная, в центре выпуклого края заостренный шип. Один конец заострен, другой служил для привязывания к леске. Подобные крючки — редкая находка для эпохи неолита. Есть каменный крючок из Марийской же АССР, относящийся к эпохе бронзы.

Как видно из описанного, кремневый инвентарь Старо-Мазиковской III стоянки довольно разнообразный. Выходы кремня предполагают и местное изготовление орудий, о чем свидетельствуют и орудия для обработки камня. Это прежде всего отбойники из небольших кусков плитчатого кремня. Использовали их, по всей вероятности, для черновой обработки мелких кремневых предметов. Для окончательной обработки орудий использовались ретушеры, изготовленные преимущественно из плитчатого кремня и реже из желвачного. У рету-

шеров, в отличие от отбойников, заостренные под углом края. Здесь же имеется несколько небольших наковаленок, три терочника из небольших гранитных валунов и гальки. Уникальным орудием является массивный молот из небольшого гранитного валуна с желобчатым перехватом. Назначение всех этих орудий объясняется их названием.

Характерными для стоянки являются немногочисленные обломки сланцевых плиточек и заготовки четырех предметов. Темно-зеленый сланец в Поволжье известен в выходах юрских отложений коренных пород. Но в районе стоянки таких отложений нет, поэтому можно считать, что эти плиточки были привезены сюда.

Как мы уже отмечали, на территории Марийской АССР имеются памятники двух неолитических культур. Эпоха неолита характеризуется формированием этнических общностей, получивших дальнейшее развитие и приведших к образованию современных народов. В Марийском крае в эту эпоху были племена, входящие в две этнокультурные группы: волго-камскую и балахнинскую. Граница между этими группами в начале III тысячелетия до н. э. проходила в бассейне реки Иеть. Но она не была постоянной. В более раннее время, еще в самом начале неолита волго-камские племена доходили до устья р. Оки. Здесь была найдена керамика, аналогичная камскому неолиту. Но уже в начале III тысячелетия до н. э. прибрежные районы р. Волги от Оки до устья р. Иети были заселены небольшими группами балахнинского населения. Поскольку племена этих двух культур оказались на одной территории, то начинается процесс контакта между ними, приведший к взаимоассимиляции, т. е. взаимного проникновения культур. И, действительно, при описании материалов из памятников нашего края мы часто говорили: орудия из плитчатого кремня, орудия из желвачного кремня, керамика остродонная, круглодонная и т. д. Археологи не случайно обращают на это внимание и высчитывают проценты соотношения этих типов орудий. Дело в том, что орудия из плитчатого кремня больше характерны для волго-камской культуры, а из желвачного кремня — для балахнинской. Украшение керамики ямочными вдавлениями в сочетании с зубчатым штампом характерно для балахнинцев. Даже характер зубчатого штам-

па может определить культурную принадлежность керамики. Например, для балахнинской культуры больше характерны оттиски крупнозубчатого штампа, а для волго-камской культуры этот же узор выполнен мелкозубчатым штампом, да и располагается на сосуде по-иному, нередко узоры выполнены техникой «отступающей лопаточки», «шагающей гребенки» и т. д., чего нет на сосудах балахнинских племен. Даже примесь в тесте может быть одним из признаков, иногда и определяющим, культурной принадлежности керамики, а, следовательно, и всего памятника. Предполагается, что волго-камские племена, занимавшие первоначально прибрежье Волги, под натиском балахнинцев ушли на север, и одна из групп поселилась на р. Илеть у современной д. Старое Мазиково. Но и это не спасло их. Влияние балахнинцев продолжалось, и мы имеем смешанную культуру на этих стоянках, хотя преобладающими являются волго-камские черты.

Как считает А. Х. Халиков, экспансия балахнинцев не привела к их победе. И уже на исходе неолитической эпохи все Среднее Поволжье вновь становится территорией волго-камских племен, а балахнинцы были ассимилированы.

На этом можно расстаться с неолитической эпохой, ибо в конце III тысячелетия на территории края появляются племена, уже знакомые с металлом, в первую очередь, с медью и бронзой. В этом, очевидно, немаловажную роль сыграли более южные племена, хозяйство которых было более прогрессивным, и они были уже знакомы с металлом. Начинается эпоха бурных событий, больших передвижений племен. Наступает эпоха металла.

Глава III

ПЕРВЫЕ МЕТАЛЛУРГИ

(бронзовый век)

Казалось бы, что человек в эпоху неолита достиг очень многого. Он научился делать более совершенные, чем раньше, орудия труда, стал менее зависим от природы, устанавливал контакты с соседними племенами. Но такова уж закономерность развития человеческого общества, что оно не стоит на месте. Древний человек, привыкший наблюдать за явлениями природы, испытывать свойства каждого предмета, обнаружив однажды кусок самородной меди, пытался скалывать отщепы, как от кремневого желвака. Но удары не откалывали отщепов, а расплющивали этот кусок. Считается, что так человек впервые узнал свойства меди — способность коваться. Наряду с этим, также, очевидно, случайно, стало известно и другое свойство меди — способность плавиться в костре и принимать любую форму. Среди специалистов нет единого мнения, которое из указанных свойств стало раньше использоваться человеком: холодный или горячий способ обработки меди.

Медь, хотя и уступает по своей твердости кремню и другим породам камня, имеет огромные преимущества перед ними. Даже холодной ковкой можно изменить форму медного предмета, а расплавленная медь может принять любую форму. Кремневый нож с острым лезвием очень быстро покроеется выщербинами и заломами и восстановить его уже нельзя. Лезвие ножа из меди, хотя и быстро притупляется, но его легко подточить. Кроме того, рабочий эффект медных орудий намного выше. Опыты упоминавшегося археолога С. А. Семенова подтвердили это. Например, сосну в 25 см толщиной в при-

ангарской тайге каменным топором свалили за 15 минут, а медным за 5—в три раза быстрее! С. А. Семенов это объясняет тем, что угол клина у медного топора был 20° , а у каменного— 45° , в результате он плохо входил в дерево. Намного эффективнее при опытных работах оказались медный нож, медная пила. Медное сверло в 22 раза быстрее просверливало березовое полено, чем кремневое. Были проведены и другие опыты, и все они показали, что медь намного лучше, чем камень.

Период распространения медных орудий в археологии называется меднокаменным веком, или энеолитом (энеус — медный, литос — камень). Этот период в истории человечества был недолгим, и в разных областях Евразии был он в разное время. Вскоре медный век уступает более прогрессивному этапу развития производительных сил и общества в целом — бронзовому.

В основе бронзы лежит медь, а примесь бывает разная. Древнейшими являлись мышьяковистые бронзы, т. е. сплав меди с мышьяком. И именно с этого сплава начинается век бронзы. Однако мышьяковистая бронза уступает место оловянистой меди.

Олово с этого времени становится основной примесью к меди. А затем в качестве примеси появляются свинец, цинк, сурьма, серебро. До 15% олова в меди придавал сплаву золотистый оттенок, а если сюда добавляли еще и сурьму, то вещь становилась серебряистой. Однако самым распространенным в Евразии после оловянистой меди был тройной сплав — медь + олово + свинец. И уже в пору распространения железных изделий в Европе в качестве примеси к меди появляется цинк.

Широко распространено мнение, что появление бронзы, прежде всего сплава меди и олова, было вызвано тем, что плавка металла происходила легче, чем при плавлении чистых медных минералов. Ведь точка плавления бронзы ($700\text{—}900^\circ$) ниже, чем чистой меди (1084°). Но это не совсем так. Как показали многочисленные анализы сплавов, в действительности мастер выплавлял чистую медь, а уже затем при изготовлении вещей кузнец-литейщик подкладывал в тигель с расплавленной медью олово, свинец и другие металлы. Это можно объяснить следующими соображениями. При плавке добавка примеси была нерентабельной, так как

в результате сильного выгорания большое количество олова исчезало. Кроме того, еще более важным было, пожалуй, то, что полученная таким образом бронза не позволяла литейщику менять концентрацию олова во время изготовления вещей. А от этого зависело свойство бронзы: меньше олова — сплав мягче, больше олова — прочнее сплав. Для разных категорий вещей требовалась разная бронза.

Современная археология пользуется многочисленными методами в изучении остатков древнего производства. Наиболее эффективными являются методы естественных наук, в том числе и спектральный анализ. В большинстве лабораторий с помощью этого метода разрешается две основные группы вопросов:

1) выявление рудных источников металла, определение металлургических центров и путей распространения металла от места выплавки и т. д.;

2) история употребления различных металлов, появление искусственных сплавов металлов и их развитие. В Советском Союзе в Институте археологии АН СССР имеется специальная лаборатория под руководством доктора исторических наук Е. Н. Черных. В последние годы в этой лаборатории проведены анализы металла из памятников и с территории Марийского края. Этими исследованиями установлено, что почти все культуры, относимые нами к эпохе бронзы, знали только изделия из чистой меди. Е. Н. Черных предложил выделить эпоху меди как этап развития человечества, характеризующийся употреблением в быту орудий из чистой меди, без применения искусственных сплавов, в отличие от эпохи бронзы, когда употребляются изделия из искусственных сплавов.

На территории Марийского края первыми племенами, обладавшими металлическими орудиями и навыками в их изготовлении, были племена балановской культуры. Они же первыми в Среднем Поволжье приступили к разработке многочисленных выходов медистых песчаников Нижнего Прикамья, Среднего Поволжья. Именно в этот период, не позже рубежа III—II тысячелетий до н. э., и совершился переход местных племен от каменного века к эпохе раннего металла. В качестве источников сырья использовались месторождения руд в виде медистых песчаников пермских отложений Нижней

Камы и Вятки. Во время разведок мы обнаруживали такие залежи в правобережье Вятки.

Эпоха раннего металла в нашем крае ознаменована качественными изменениями в развитии не только экономики и производства, но и во всех остальных сферах деятельности местных племен. В эту эпоху население края освоило такие производственные отрасли хозяйства, как мотыжное земледелие и домашнее скотоводство. Резко возрастает, по сравнению с предыдущей эпохой, роль обмена, появляются многочисленные импортные вещи. Выделяются на местах специальные мастера — литейщики. Все это привело к изменению и в общественном строе — замкнутые родовые общины постепенно разрушаются, и на смену им приходят патриархальные отношения.

Эпоха раннего металла в Марийском крае характеризуется и большими изменениями в составе племен. Появляются пришлые племена, такие, как балановские, абашевские и другие, оказавшие большое влияние на местные племена и ускорившие их переход к использованию металлических орудий труда.

Вопрос о первых племенах, ознакомившихся с металлом, в археологии нашего края вызывает до сих пор много споров. Теперь уже установлено, что из местных племен первыми познакомились с металлом волосовцы. В литературе их до недавнего времени причисляли к неолитическим племенам. Это подтверждали тем, что ранние памятники не имеют металлических изделий, а их появление в период расцвета этой культуры объясняли результатом обмена.

Вероятно, этот вопрос остался бы долго дискуссионным, если бы не интенсивное исследование памятников волосовской культуры в нашей республике экспедицией Марийского научно-исследовательского института в последние годы. Для выяснения характера металлических вещей и остатков металлообработки нами были переданы их образцы для спектрального анализа. Химический состав этих образцов определялся в той же лаборатории Института археологии Академии наук СССР в г. Москве аспирантом С. В. Кузьминых под руководством Е. Н. Черных. Как установлено этими исследованиями, на волосовских поселениях существовал свой еще маломощный и невыразительный очаг металлообработки, бази-

рующийся на месторождениях медистых песчаников Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Литейщики усвоили такие формы медных изделий, как ножи, тесла, шилья и, возможно, изобрели форму примитивного втульчатого наконечника стрелы из листовой меди. Материалы с волосовских поселений отражают этап становления местного металлопроизводства в Среднем Поволжье.

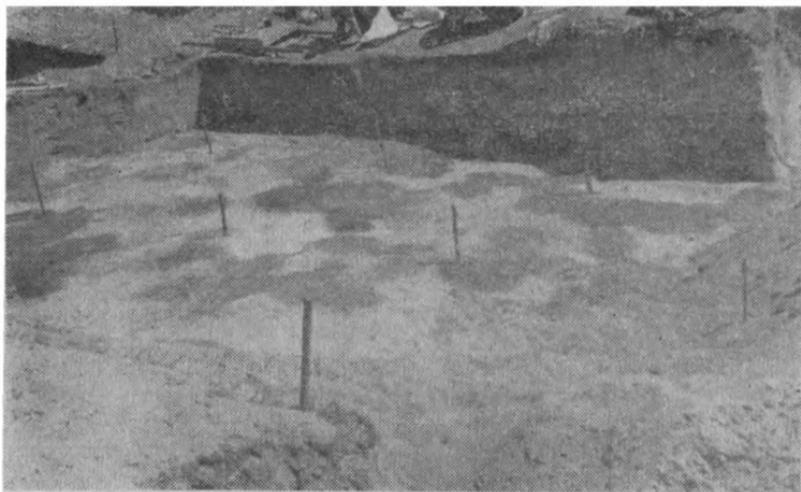
Как выясняется теперь, волосовцы были довольно мощным племенным объединением, заселившим почти всю современную Марийскую республику. Они занимали все Поветгужье, включая и левобережье Волги в пределах современного Юринского, Горномарийского районов. Вторая группа волосовцев жила в бассейне Большой Кокшаги, в пределах современного Медведевского района, и по Волге недалеко от устья Большой Кокшаги, в Звениговском районе.

Наиболее ранним из этих памятников является Майданская стоянка в Юринском районе, расположенная в 200 метрах к юго-востоку от центра д. Майдан на дюнном всхолмлении поймы левого берега реки Волги. Дюна возвышается над поймой на 9—10 м. Площадь стоянки около 3000 кв. м. На поверхности заметны 12 впадин, расположенных в два ряда. Они оказались остатками от жилищ. За три полевых сезона (1961, 1966 и 1974 гг.) раскопано 4 из них, расположенных рядом. Все они были соединены между собой переходами.

Жилища имели прямоугольную форму, размерами 7,5×7 м, 8×7 м, 9×6 м и 8,4×8,4 м. Пол углублен на 50—70 см. Таким образом их можно назвать полуземлянками. Стены котлована укреплялись рядами бревен, прижатых столбиками. На полу жилищ были очаги — кострища (по несколько в каждом жилище), хозяйственные ямы. По бокам землянки были, очевидно, деревянные нары. Крыша была двускатная, при раскопках на полу были заметны ямы от опорных столбов.

По типу жилища Майданской стоянки, как и других стоянок волосовской культуры, напоминают жилища эпохи неолита, в чем можно усмотреть преемственность культур.

При характеристике материальной культуры, как мы уже отмечали раньше, прежде всего обращается внимание на керамику. И на Майданской стоянке керамика —

Пол жилища волосовской культуры. Мазарское поселение.

самый массовый материал, она довольно разнообразна. Многообразие форм сосудов, орнаментов объясняется характером памятника, вернее его промежуточным положением во времени: здесь много еще черт неолитических, но с преобладанием характеристик эпохи раннего металла. Это наблюдается прежде всего в форме сосуда. Во-первых, вытянуто-полуяйцевидная, приближающаяся к котловидной форма в сочетании с горшковидными с плоским или уплощенным дном. Первая форма характерна больше для эпохи неолита, вторая — бронзы. Во-вторых, форма краев горла сосуда. К неолитическим традициям относятся сосуды, края горла которых по толщине равны стенкам и имеют плоский срез или чуть закруглены. Новым явлением следует считать расширение или утолщение краев горла по сравнению со стенкой во внешнюю или внутреннюю сторону, а более поздние формы характеризуются утолщением в обе стороны или же сильно отогнутым краем, образующим Г или Т — образную форму. Последние являются типично волосовскими сосудами.

Второй момент, который необходимо иметь в виду при характеристике керамики, это — характер орнамента на ней. Орнамент на сосудах нанесен мелко-, средне-

и крупнозубчатым штампом, образующим узоры из диагональных оттисков, зигзагов, сетки, вертикальных рядов, елочки, косых под углом друг к другу рядов, сложный узор из ромбов, пересекающихся линий и др., заштрихованных ромбов и четырехугольников. Иногда встречаются и ямки различных форм. Нередки оттиски навитой на стержень веревочки, так называемый шнуровой орнамент.

Характерной особенностью орнаментальной системы является переход от горизонтальной зональности к вертикальным или диагональным полосам в сочетании с горизонтальными линиями.

К керамическим изделиям относятся глиняные поделки — диски круглых и овальных форм с отверстиями и без отверстия. Края их шлифованные, часть из них имеет орнамент, выполненный теми же зубчатыми штампами, что и на сосудах. Очевидно, изготовлялись они из обломков горшков. Диаметры поделок-дисков от 3 до 10 см, толщина 0,9—1,2 см. Назначение их не совсем пока ясно. Но следует отметить, что такие диски в наших краях встречаются только в волосовских памятниках.

Волосовцы имели свои специфические формы каменных орудий. Это прежде всего долота, трехгранные в сечении, с плоским брюшком и высокой спинкой. Такая форма долот, как уже отмечалось выше, была известна и в неолите. Но у волосовцев лезвия их имеют узкий и длинный желобчатый выем, чего нет у долот эпохи неолита. Довольно часто встречаются тесла, клиновидные топоры, мотыжки, молот-пест и другие крупные орудия (макролиты). Большинство крупных орудий изготовлено из валунного кремня коричневатых оттенков и окремневого белого известняка. В качестве сырья использовался и плотный кварцит, иногда гранит и песчаник. Другая характерная черта каменного инвентаря Майданской стоянки — антропоморфные и зооморфные фигурные кремни. Подобные встречаются и на других волосовских памятниках.

Большое место среди каменных орудий занимают скреблящие и режущие инструменты. Причем и здесь можно назвать типичные волосовские формы. Это скребковидные ножи. Названы они так потому, что форма их напоминает одновременно и скребок и нож. Осо-

бенностью их является приостренное лезвие. Кроме того, встречены ножи одно- и двулезвийные, с прямым или слегка выпуклым лезвием. Есть и с вогнутым лезвием, близкие к так называемым саблевидным ножам. Вместе с тем, нужно отметить и ножевидные пластины, характерные больше, как мы уже знаем, неолитической эпохе.

Большое разнообразие имеют скребки и скобели. Почти все они изготовлены из прочных цветных кремневых пород. По форме лезвия делятся на несколько типов: концевые, боковые, угловые, т. е. рабочая часть их располагается в соответствующих названию местах. Скобели, как мы уже отметили, в отличие от скребков, имеют выемчатое лезвие.

Как характерный признак волосовской культуры необходимо отметить дублированные и комбинированные орудия. К последним относятся проколки-скребки и проколки-скобели. Из наконечников стрел наиболее характерными для волосовцев являются подромбические и подтреугольные с намеченным черешком. Такую же форму имеют и дротики. Встречаются наконечники стрел и вытянуто-листовидной формы.

В коллекции находок с Майданской стоянки имеются редкие, в то же время важные для датировки предметы. Это янтарная подвеска овальной формы с отверстием для подвешивания. Происхождение подобных подвесок связывают с Прибалтикой, и там имеются аналогии подвеске из Майданской стоянки. В Прибалтике такой формы подвески датируются второй половиной или концом третьего тысячелетия до н. э. Следовательно, и наша Майданская стоянка может быть датирована этим же временем.

Поскольку Майданская стоянка относится к самому раннему этапу волосовской культуры в Марийском крае, то, естественно, встает вопрос о происхождении населения, оставившего эту стоянку, а, следовательно, и всей волосовской культуры. Дело в том, что памятники волосовской культуры занимают большую территорию, включая сюда, кроме Среднего и Верхнее Поволжье, среднее течение реки Оки и бассейн рек Мокши, Вады и верхней Суры, примерно в пределах современной Мордовской АССР. Поэтому вопрос о происхождении волосовской культуры выходит за рамки древней истории

Марийского края. В связи с этим мы не будем останавливаться на этой проблеме и приведем мнение А. Х. Халикова по этому поводу. Он пишет: «...волосовские племена — непосредственные потомки волго-камских неолитических племен — при формировании своей культуры впитали некоторые черты и инкультурных образований: балахнинской, рязанской (на Средней Оке — Г. А.) культур, и, возможно, более южных культур типа поздней днепро-донецкой. Причем эти посторонние включения более сильными были в западных (среднеокских) районах, тогда как на Средней Волге более устойчивыми были традиции местных волго-камских племен». Иными словами, в основе волосовцев на Средней Волге лежит волго-камская неолитическая культура с учетом определенного участия в этом процессе населения позднебалахнинской культуры. Возможно, этим участием и объясняется орнаментация ранневолосовской керамики оттисками перевитой веревочки. Ограничиваясь этими положениями, мы должны все же отметить, что вопрос о происхождении волосовской культуры нуждается в дополнительном исследовании и, возможно, дополнительных раскопках ранневолосовских поселений.

К развитому этапу волосовской культуры относятся раскопанные нами в последние годы Уржумкинская, Руткинская и Ахмыловская стоянки или поселения. Причем на этих стоянках вскрыта значительная площадь. Руткинское и Ахмыловское поселения раскопаны полностью, на них соответственно было 5 и 8 жилищ, а на Уржумкинской стоянке изучено 4 жилища. Из этих памятников более результативной следует считать Уржумкинскую стоянку в том отношении, что здесь найдено наибольшее количество остатков медной металлообработки. Остановимся несколько подробнее на описании этого памятника, тем более, что он расположен в некотором отдалении от памятников приустьевой части Ветлуги.

Уржумкинское поселение, открытое еще в 1960 г. П. Н. Старостиным, расположено на краю надлуговой террасы близ д. Уржумка Звениговского района. Место для поселения было выбрано на мысу, образованном крутым поворотом на север надлуговой террасы. Высота ее от современного уровня воды в старице Волги 5—6 м. Место поселения в настоящее время удалено от Волги

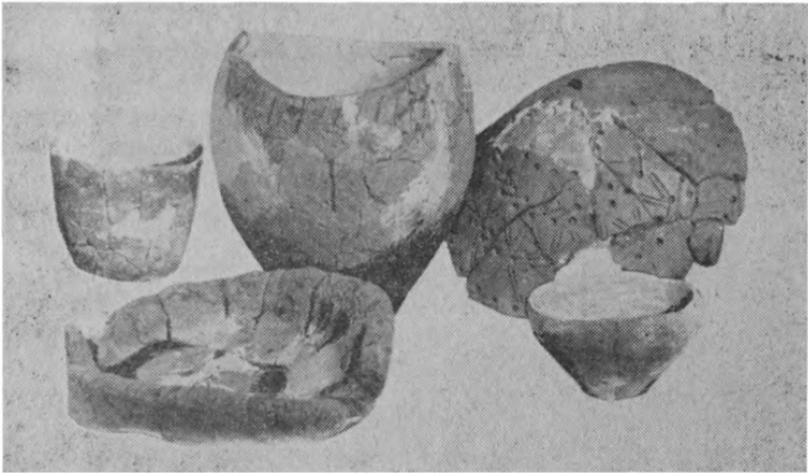
на 700—800 м. По словам старожил, вся терраса в недавнем прошлом была сплошь покрыта смешанным лесом.

Жилища на поселении располагались компактно: четыре из них вдоль края террасы, три поблизости от них, образуя как бы второй ряд. Используя этнографический термин, можно сказать, что планировка поселения «кучевая».

Если суммарно характеризовать жилища на Уржумкинском поселении, то можно отметить следующее: четырехугольная слегка вытянутая форма, размерами 12x9 м, 11x9 м, 14x8,5 м и 10x5 м; полуземляночный тип с углубленным на 40—100 см в землю котлованом; ровные стенки котлована, во избежание осыпи крепившиеся зажатыми между кольями бревнами; двускатная крыша покоилась на продольных балках, лежащих на опорных столбах; несколько углубленных выходов и переходов; в каждом жилище центральное расположение очагов и наличие хозяйственных ям внутри полуземлянки; наличие деревянных нар (лежанок) по углам и вдоль стенок; лежанки обогревались при помощи ям, выкопанных непосредственно под нарами, в которые засыпались горящие угли.

Керамика Уржумкинского поселения представлена фрагментами (обломками) толстостенных сосудов; обломками тиглей и несколькими глиняными поделками. Обитатели поселения изготовляли кругло- и плоскодонную посуду из глины с примесью органических остатков (растительная труха в большинстве случаев и реже толченая раковина), песка и шамота. Посуда легкая, пористая. С внутренней стороны ее заглаживали щепкой или специальным штампом, выравнивая неровности. Более мягким предметом заглаживали и наружную поверхность. Толщина стенок 0,5—1,2 см. По форме выделяются сосуды с прикрытым горлом, с чуть закругленными или утолщенными во внешнюю сторону краями. По количеству несколько больше сосудов баночной формы, а преобладают численно горшки нескольких разновидностей. И всего два сосуда имели форму чаши.

Интересно отметить размеры восстановленных сосудов. Самый большой из них имел диаметр горла 52 см при высоте 56 см и диаметре дна 15 см. Судя по некоторым обломкам керамики, крупные сосуды были неред-

Тигель и глиняные горшки. Уржумкинское и Ахмыловское поселения.

ки. А самый маленький сосудик имел диаметр горла всего 4 см, высоту 3,5 см и диаметр дна всего 2 см. В среднем же размер глиняной посуды соответствует размерам диаметров около 20 см, высоты около 20—25 см при диаметре дна в пределах 7—15 см.

Большинство посуды орнаментировано. Самым распространенным является отиск зубчатого штампа. Преобладает среднезубчатый штамп, встречаются отпечатки мелко- и крупнозубчатого штампа. Орнаментальные узоры состоят из простых вертикальных, горизонтальных и диагональных линий по всему полю, иногда заходя и на внутреннюю сторону. Встречаются и сложные узоры из пересекающихся линий, зигзагов, «елочки», заштрихованных ромбов, квадратов и т. д., т. е. система орнаментирования сосудов особенно не отличается от узоров керамики Майданской стоянки.

Значительный процент (около 30) орнамента состоит из прорезных линий, составляющих рисунок, близкий рисункам, выполненным зубчатым штампом. Несколько сосудов украшены вертикальными рядами глубоких круглых ямок и ямок, сделанных пальцем руки.

Встречаются и округлые диски из стенок сосудов с отверстием в центре, подобные дискам с Майданской стоянки.

Каменный инвентарь представлен орудиями охоты и рыболовства, обработки кожи и дерева, орудиями для обработки камня и дробления руды, терочными плитами и терочниками. Наиболее многочисленную группу составляют орудия скобле-режущего характера. Каменные орудия выполнены на крупных отщепах кремня и редко других пород. Количественно преобладают скребки с округлым и прямым рабочим лезвием и с двумя или тремя обработанными краями. Среди скребков имеются и комбинированные орудия: скребки-скобели и скребки-резчики. Остальные каменные орудия повторяют тот набор, который известен нам и по Майданской стоянке. Это — скобели, скребла, резчики, ножи, проколки, сверла, вкладыши, наконечники стрел и дротиков, долота, тесла и стамески. Правда, некоторые виды каменных инструментов несколько отличаются от майданских. Например, большинство ножей имеют широкую спинку и прямое лезвие. Часть их имеет несколько лезвий. Обработаны лезвия струйчатой ретушью. Некоторое отличие имеют и наконечники стрел. Ромбической формы стрелы имеют слабовыраженные защипы. Такие же защипы имеют и наконечники дротиков.

Несомненный интерес для решения проблемы становления и развития ранней металлургии меди на территории Среднего Поволжья представляют остатки меднолитейного производства на поселении. Уржумкинское поселение дало уникальную серию остатков металлообработки и набор металлических изделий. Оно является пока единственным по насыщенности остатками меднолитейного производства среди остальных волосовских памятников Средней Волги и Оки.

На поселении найдено свыше 200 фрагментов от тиглей (глиняные чаши) для выплавки металла. Часть тиглей восстановлена полностью, другие частично. Восстановленные тигли имеют следующие размеры: продольный разрез 22—24 см, поперечный— 16—17 см, высота стенок 4—5 см. Есть тигли и с несколько меньшими показателями размеров. Большинство тиглей имеют застывшие капельки меди, что свидетельствует об их использовании. Лишь один тигель не был еще использован, и он был найден раздавленным землей.

Кроме отдельных капель, кусочков меди и медных шлаков на поселении найдено около двадцати предме-

тов. Самым крупным медным изделием является тесло: длина его 6,4 см, ширина рабочей части 3,8 см, противоположного конца—1,9 см, толщина—0,4—0,6 см и толщина лезвия 0,8—0,9 мм. Лезвие заточено с одной стороны. Тесло это, вероятно, изготовлено из куска меди техникой проковки. Медные тесла известны и с других волосовских поселений, некоторые из них близки по форме теслу с Уржумкинского поселения.

Самыми многочисленными в коллекции являются медные шилья—проколки. Их около десяти. Все они разной формы и размеров, что свидетельствует о еще неустоявшейся традиции в изготовлении медных изделий. Преобладают четырехгранные в сечении, постепенно сужающиеся к концам. Один конец—рабочая часть, другой—для насадки, очевидно, деревянной ручки. Есть шилья и с расплюснутым верхним концом. Длина шильев—от 4 до 6,5 см, ширина граней—от 0,2 до 0,6 см. Шилья-проколки также известны на других волосовских памятниках.

В одном из жилищ (№ 2) в очажной яме был наконецник стрелы, выкованный из медной пластины, свернутой в трубку. Длина его—4,5 см и ширина пера—1 см, сечение полой втулки 0,6 см. Подобные наконечники стрел пока не известны.

Найдено одно украшение, сделанное из меди техникой проковки. Это подвеска-лунница дисковидной формы. Диаметр ее—3,4 см, максимальная толщина—0,4 см, а по краям—0,1 см. Аналогичные подвески имеются в памятниках Прикамья.

Было несколько обрывков проволоки диаметром 0,1—0,2 см и длиной до 4 см. Назначение проволоки могло быть самое разнообразное. Одно из них—для стягивания трещины на глиняных сосудах. Кусочек такой проволоки торчал в отверстии фрагмента сосуда. Для стягивания трещин использовались и специально выкованные из меди скобы. Такая скоба была найдена вместе с фрагментами орнаментированной стенки.

Судя по описанным вещам из меди, мы можем заметить их небольшие размеры и неустоявшиеся формы. Несмотря на это, уверенно можно сказать, что металл широко использовался волосовским населением. На всех памятниках волосовской культуры Марийского края найдены или тигли (Руткинская, Ахмыловская II, Юрин-

ская, Выжумская II стоянки) и изделия из меди (Удельно-Шумецкая V, Ахмыловская II, Уржумкинская стоянки).

Спектральный анализ медных изделий и капсль меди в тиглях вышеуказанных памятников показал значительную близость с металлом из памятников балановской культуры. Некоторые специалисты предполагают, что волосовцы могли познакомиться с металлообработкой именно у балановских племен. Е. Н. Черных считает, что балановский (фатьяновский) металлургический очаг базировался на вятско-казанской группе месторождений медистых песчаников Приуральского горнометаллургического центра. Волосовские племена, ознакомившись с металлообработкой у балановцев, впоследствии также могли пользоваться этим месторождением.

В первой четверти II тысячелетия до н. э. на археологическом материале Марийского Поволжья наблюдается проникновение балановских племен. Волосовские племена под натиском балановско-фатьяновских племен покидают все правобережье Волги и Оки. С этого времени волосовцы сосредотачиваются в западной и северо-западной части своей территории, свидетельством чему являются Выжумские I и II стоянки на Ветлуге в Юринском районе, верхние горизонты Удельно-Шумецкой V стоянки, Удельно-Шумецкие I и IV, Сутырские I и II стоянки. Почти на всех этих памятниках отмечается появление раннебалановской керамики. Волосовские же племена, проникнув на западе в гущу балахнинских племен, занимают их территорию и ассимилируют позднебалахнинское население.

Так выглядит приближенная к действительности схема этнических взаимоотношений к середине II тысячелетия до н. э. в Среднем Поволжье. С появлением балановских племен изменяется дальнейший ход развития местных племен. Волосовская культура, продолжавшая развитие волго-камской неолитической культуры, сыграла определенную роль в истории населения лесостепной и лесной зон всей Восточной Европы. На базе ее происходило формирование ряда культурных образований: приказанской, поздняяковской, чирковско-сейминской и других.

Балановские племена, появившись на берегах Волги, в первую очередь вошли в контакт с волосовцами. Од-

нако часть их прошла далеко на север и некоторое время сохранили в чистом виде свои культурные особенности. Марийская археологическая экспедиция обнаружила и изучила несколько памятников с чистым балановским комплексом. Часть из них располагалась в Кировской области, часть в Марийской АССР недалеко от границы с Кировской областью. В Новоторъяльском районе Марийской АССР к северу от д. Павлушаты был балановский могильник. Он занимал высокий участок левого берега р. Немды в 100—120 м от нее. К сожалению, могильник разрушен известняковым карьером и экспедиция могла изучить лишь одно захоронение. По-видимому, такой же могильник был у д. Соза-Курбатова Яранского района Кировской области. К сожалению, этот могильник также разрушен распашкой. Захоронения балановцев у д. Синцово Лебяжского района Кировской области находились под курганом. Остатков костяка здесь не было, но следы интенсивного кострища могут говорить об обряде трупосожжения. Около деревни Новоселово Куженерского района было поселение балановцев. Здесь на пашне найдены обломки сосудов балановского типа.

Этими и некоторыми находками единичных вещей такого типа ограничиваются чисто балановские комплексы.

Тесные контакты балановцев с местными волосовскими племенами завершились формированием новой культуры, получившей название чирковско-сейминской. Начало процесса формирования материальной культуры чирковско-сейминских племен хорошо прослеживается на широко раскопанном памятнике—поселении Галанкина гора. Существует легенда, объясняющая название этого места. Во времена Степана Разина здесь скрывался грозный атаман-разбойник Галанька, сподвижник Стеньки Разина. Он был грозен, смел и долгое время люди боялись появляться в этих местах. А ямки, которые были заметны на поверхности, считались остатками жилища войска Галаньки.

Поселение обнаружено в 1958 г. Марийской археологической экспедицией. Расположено оно в 1,2 км к юго-западу от здания школы д. Майдан Юринского района на мысу второй надлуговой террасы левого берега р. Волги. Терраса возвышается над поймой на 16 м. Мыс, проросший крупным сосновым лесом, с юго-востока

и северо-запада имеет крутые склоны, а на северо-востоке полого опускается на первую надлуговую террасу. На поверхности поселения были замечены 12 впадин, оказавшиеся остатками полуземлянок, четыре из них были раскопаны в 1959 и 1966 гг. Эти ямы, конечно, не остатки жилищ атамана Галайки, а соединенные между собой переходами жилища II тысячелетия до н.э. В плане и по конструктивным особенностям полуземлянки очень напоминают жилища волосовских поселений.

Все изученные полуземлянки имели четырехугольную форму (размер их 11x7,7 м; 11,5x8,3 м; 17,5x8 м; 11,75x8,76), пол их углублялся на 50—70 см от края. Песчаные стены котлована обложены бревнами, прижатыми к стене столбами, были и нары вдоль стен, а на полу размещались очаги-кострища не менее трех в каждом жилище. А. Х. Халиков допускает и деревянный настил на ровном полу.

В результате раскопок получено большое количество остатков материальной культуры и это прежде всего фрагменты керамики (их более 13 тысяч). По этим обломкам удалось восстановить форму около 400 сосудов. Наибольшее количество (280 экз.) представлено сосудами волосовского типа, характеризующиеся уже известными нам признаками (горшковидные формы, плоское или уплощенное дно и Г-образные венчики). Правда, есть несколько сосудов, отличающихся от волосовских наличием налепного валика в верхней части. Эта новая черта появляется, очевидно, на этапе существования описываемого нами поселения. Размеры сосудов разные: 30—40 см, 15—20 см, 30—50 см. Узоры на посуде составлены рядами косо поставленных ногтевидных либо клиновидных нарезок. Располагались они параллельными рядами или горизонтальной елочкой. Иногда эти ряды соединены косыми рядами нарезок. Подобный тип орнамента встречается на поздневолосовских памятниках Средней Оки. Несколько архаический вид керамике придают встречающиеся на некоторых сосудах узоры, нанесенные оттисками «шагающей гребенки», известной нам еще по волго-камской неолитической керамике. Более сложные узоры имеют сосуды с налепными валиками. Сами валики наложены в виде горизонтальных рядов, иногда с вертикальными ответвлениями, или крупных зигзагов и треугольников. Эти валики украшены

оттисками короткого зубчатого штампа или насечками. Резной и гребенчатый штамп имеется и на остальной части сосуда.

Вторая группа керамики резко отличается от волосовской. Во-первых, изготовлены они из хорошо отмученной глины с примесью песка в тесте. Во-вторых, форма их совершенно не похожа на волосовскую. Среди них есть шаровидные амфоры и сосуды с цилиндрическим или отходящим раструбом от тулова горлом. Подобные типы характерны для балановских племен. Причем и волосовские и балановские типы керамики бытуют одновременно. Следовательно, на этом поселении жили люди с разными культурными традициями. А если мы примем во внимание то, что глиняная посуда изготовлялась женщинами (это доказано археологическими и этнографическими материалами), можно сделать вывод, что в волосовском поселении жили женщины, выходцы из балановской среды. Налицо, таким образом, экзогамный (внешний) брак: мужчины-волосовцы женились на женщинах-балановках. Причем были и обратные явления, когда женщины-волосовки оказались в балановской среде. Например, на Васильсурском городище в Горьковской области (это недалеко от Галанкиной горы), основанном балановцами, имелись обломки керамики поздневолосовского типа. Все это — свидетельство тесных брачных контактов, приведших к нивелировке (смешению) культурных традиций. А это привело к возникновению новой культуры, новых традиций, сочетающих в себе черты слагаемых культур. И уже на поселении Галанкина гора имеются признаки этого процесса. И, как всегда, в таких случаях сигнализаторами являются все те же обломки керамики (поистине незаменимый материал при решении многих вопросов древней истории). По форме эти сосуды приближаются к балановской керамике, а по примеси в тесте и орнаменту сохранили традиции волосовцев. Этот тип керамики получил наибольшее распространение в последующих по времени памятниках, давших название новой археологической культуре — чирковской-сейминской.

Летом 1957 г. наша экспедиция приехала к д. Новые Чирки Оршанского района. Интерес к окрестностям этой деревни был вызван тем, что здесь в том же 1957

году разведочный отряд экспедиции на пашне нашел несколько фрагментов лепной керамики, кремневые отщепы и орудия труда.

Место это располагается в 1,5 км к югу от деревни Новые Чирки на суглинистом возвышении мыса, образованного левым берегом старого русла р. М. Кокшага и правым берегом р. Кордемка. Дюна возвышается над поймой реки М. Кокшага на 6 м.

Заложенный на этом месте раскоп показал, что здесь мы имеем остатки двух разновременных памятников. Нижний, а, следовательно, древний, слой очень слабо насыщен вещевыми остатками. В центральной части раскопа были остатки жилища подпрямоугольной формы размерами 14x4,5 м. По сохранившимся деталям можно предположить наличие временного жилища эпохи балахнинской культуры. Этот слой, очевидно, не имеет отношения к верхнему второму слою, так как между ними была стерильная, т. е. чистая прослойка светло-серой супеси.

В северной части раскопа верхний слой достигает толщины в 20—30 см. Остатков жилищ на этом поселении не найдено. Но интересным является скопление обломков глиняной посуды вместе с сырыми костями животных и отделимыми орудиями. Это скопление занимает площадь 320x180 см, где были остатки 17 глиняных сосудов, остатки четырех медвежьих челюстей, несколько зубов лося, пережженные кости животных (в том числе медведя). Здесь же были кремневые скребки и наконечники стрел, медные шилья, глиняные кружки с отверстиями и т. п. Среди глиняной посуды была целая миниатюрная круглодонная чашечка и один сосудик с фигурным верхним краем. Судя по характеру материала и расположению различных находок, можно предположить с определенной долей вероятностей ритуальное значение данного объекта.

Остатков материальной культуры было очень мало. Из фрагментов керамики удалось выделить всего около 30 сосудов. Изготовлены они из глины с примесью толченой раковины. Почти все круглодонные, лишь один сосуд баночной формы имел плоское дно. Большинство сосудов (24 из 30) продолжают традиции балановских бомбовидных сосудов: выпуклое и округлое тулово, переход в расширенное раструбом горло обозначен резко.

Дно округлое с небольшим валиком, окруженным резными насечками.

Чирковское поселение первое из исследованных, относящихся к новой культуре, давшее ей название. Подобные типы керамики встречались и раньше на других памятниках, расположенных, в частности, на знаменитой Сейминской дюне в Горьковской области. Отсюда и название новой культуры — чирковско-сейминская.

Наиболее выраженные керамические комплексы содержали именно Сейминские памятники и раскопанное в 1957—1958 годах Марийской археологической экспедицией Кубашевское городище близ г. Санчурска в Кировской области. На городище вскрыта большая площадь — 1136 кв. м (вся площадь городища 1700—1800 кв. м). На поселении вскрыты остатки пяти жилых сооружений, сосредоточены они в центральной части площадки. Изученные жилища являлись остатками наземных срубных домов, в некоторых чертах они еще сохраняют волосовские строительные традиции: соединительные крытые переходы между домами, простые круглые очаги в небольших ямах. Но здесь же имеются и балановские строительные традиции: дома типа срубов с плоскими крышами.

Как и на Галанкиной горе, на Кубашевском городище выделяются три типа глиняной посуды. Наибольшее количество (36 из 85 сосудов, или 42%, из общего числа) представлено сосудами, близкими по форме, орнаментации и составу глиняного теста поздневолосовской группе керамики поселения Галанкина гора. На втором месте (30 экз.) стоят сосуды балановского типа (так называемого атли-касинского этапа). И третья группа, подлинно чирковско-сейминская, насчитывает 19 сосудов, т. е. около четверти всей посуды. Вот как описывает ее исследователь памятника А. Х. Халиков. Посуда изготовлена из глины с примесью толченой раковины, круглодонная. Часть сосудов имеет слегка выпуклое тулово, четкий переход от тулова к цилиндрическому или слегка расширенному горлу. Орнамент, выполненный в основном оттисками мелкозубчатого штампа, образует узор в виде змейки, горизонтальных или вертикальных зигзагов, горизонтальных полос, заштрихованных треугольников, «лестнички» и т. п.

Такая керамика найдена и на Васильсурском поселении (нижний слой), она составляет основную массу керамики Сейминского могильника.

Чирковско-сейминские племена занимали территорию с разными географическо-природными характеристиками. Памятники, расположенные по Волге и в низовьях Оки, представлявших основные пути обмена населения лесной полосы Восточной Европы, имеют все важнейшие типы металлических орудий бронзового века (Сейминский могильник). Несколько меньше изделий из меди в памятниках лесных районов (Кубашево). Однако в целом у чирковско-сейминских племен металлические орудия получают широкое распространение, поэтому, очевидно, памятники даже северных районов (Чирки) содержат мало кремневых орудий.

Говоря о судьбах чирковско-сейминских племен, несмотря еще на многие неясности в этом вопросе, следует признать факт участия их в формировании западного варианта ананьинской культуры. На Богородском городище на р. Ветлуге и «Ройском шихане» на Вятке, — памятниках раннего железного века, найдены фрагменты керамики чирковско-сейминского типа.

Балановские племена не были единственными пришлыми скотоводческими племенами в Марийском Поволжье. Вслед за ними здесь появляются тоже скотоводческие племена абашевской культуры. С их появлением на лугах и полях правобережной части Марийской республики и северо-восточных районах края то там, то здесь возникли земляные холмы высотой 1—2 м. Эти холмы сохранились и до нашего времени. Конечно, сейчас никто, кроме археологов, не может сказать, что это за холмы. Однако, народ всегда старается как-то объяснить любое явление природы, любой объект на родной земле. Появляются легенды и предания, сохраняющиеся в памяти народной и передающиеся из поколения в поколение. Такими легендами были упомянутые уже об атамане-разбойнике Галаньке, легенды о кладе, зарытом пугачевцами. А есть легенда, где героем является марийский богатырь Онар, который настолько велик, что шаги его равны несколькимстам метрам или даже километрам. Шагая по лесам, полям и лугам, Онар время от времени стряхивал землю со своих лаптей. И на этом месте образовывались холмы, и в народе они называ-

ются Онар чонга (холм Онара) или курганы. Так вот эти холмы на марийской земле не что иное, как курганы, оставленные абашевскими племенами еще во II тысячелетии до н. э., точнее третья и последняя четверть II тысячелетия. Под этими курганами абашевцы хоронили своих умерших сородичей. Трудно было не заметить эти курганы и нам, археологам. Сейчас в Марийской республике известно более двадцати абашевских курганных могильников. Сосредоточены они в двух компактных группах. Одна из них размещается на высоком правом берегу Волги, между реками Сурой и Свягой. Вторая занимает районы Волго-Вятского междуречья в пределах верховий малых притоков Волги и Вятки. Обращает на себя внимание то, что курганы в обеих группах занимают высокие сухие места, удаленные от поймы крупных рек. Абашевцев принято считать земледельцами-скотоводами, однако расположение их могильников вдали от пойменных лугов не совсем увязывается с такой характеристикой хозяйства. К сожалению, пока известно всего два поселения абашевских племен. Изучение места жительства их помогло бы полнее характеризовать общественно-экономический строй этих племен.

В горной части нашей республики известны три группы абашевских курганов и одиночный — Пепкинский. Раскопаны по несколько курганов в Виловатовской II, Миняшкинской группах. Полностью раскопан Пепкинский курган. Не изучена пока Паратмарская группа. Восемнадцать групп известно в северо-восточной и центральной части Марийской АССР. Из них раскопки производились в десяти группах (Туруновская, Сретенская, Шукшиерская, Мари-Кугунурская, Троицкая, Прокопьевская, Семейкинская, Тапшерская, Вильяльская, Нартасская). Ждут своих исследователей Абаснурская, Акашевская, Великопольская (кстати, эта группа расположена на лугах), Студеноключевская, Алексеевская, Русско-Колянурская, Шинурская, Сосновская и Кугланурская. В целом надо отметить, что абашевская культура изучена довольно хорошо на всей территории расселения племен этой культуры. А они занимали довольно обширную область. Абашевские курганы, кроме Чувашско-Марийского Поволжья и Волго-Вятского междуречья, встречаются на Дону, на Южном Урале. Отно-

сятся они, правда, к разному времени: наиболее ранние — на Дону, наиболее поздние — на Южном Урале. А поволжская группа считается промежуточной между ними и пришла на Среднюю Волгу с юго-запада. Соответственно и курганы в горных районах Марийской республики древнее, чем северо-восточная группа.

Особенно интересным и единственным в своем роде является Пепкинский курган, расположенный у д. Пепкино, вправо от дороги из города Козьмодемьянска к Московско-Казанскому тракту. Здесь до лета 1960 г. возвышался приметный издали одинокий курган высотой около 1,5 м. После снятия насыпи кургана выявилась огромная могильная яма в 12 м длиной и около 3 м шириной, несколько уменьшившаяся ко дну (10,2x1,6). Она была обложена досками, а сверху перекрыта накатом из деревянных плах. На перекрытии были обломки глиняных сосудов, литейные формы, углистые пятна. А в насыпи вместе с землей встречались угольки, обломки костей животных (корова, кабан, медведь) и мелкие человеческие кости. Кроме этой большой могильной ямы были еще две по краям (мужские и женские захоронения), а между ними — круглое темное гуммированное пятно диаметром 1 м, глубиной почти столько же. Можно предположить, по аналогии с курганами в Чувашии, что здесь был столб, возможно, идол. Все это вместе с большой ямой ограждалось девятью вертикально поставленными по краям кургана столбами.

Центральная яма глубиной 60—70 см содержала остатки 27 мужских костяков положенных на подстилку из бересты в характерной для абашевцев позе — на спине с подогнутыми и приподнятыми в коленях ногами — и 2 отдельных черепа. Можно уверенно говорить о том, что погребение было совершено одновременно и причина гибели — жестокая схватка с врагом. Почти на каждом костяке имеются следы смертельной травмы. Преимущественно в районе грудной клетки в тринадцати костяках торчали однотипные наконечники стрел с черешком и боковыми шипами, воткнувшиеся в большинстве случаев со спины. Сильным выстрелом из лука был пробит череп одного из костяков. У 11 костяков черепа вообще отсутствовали, очевидно, они были унесены врагами в качестве трофея, а у 7 костяков черепа,

отрубленные в древности, были просто приставлены или положены около верхней половины костяка. Почти все черепа имеют следы тяжелых травм. Эти черепа были переданы на исследование в Центральный институт криминалистики. По данным анализа, четыре черепа имеют следы удара бронзовым топором с острым лезвием. В большинстве случаев удары были нанесены сзади по вискам, темени или затылку. У ряда костяков к тому же были травмированы позвончики, реже кости рук и ног.

Причиной одновременной гибели мужчин могла явиться засада или же внезапное нападение ночью. Помощь пришла слишком поздно, но соплеменникам все же удалось отбить нападение врагов, подобрать погибших и похоронить в братской могиле.

Этот трагический случай нанес непоправимый удар целой родоплеменной группе, так как фактически была перебита вся взрослая мужская часть. По этнографическим материалам Сибири племена, находящиеся примерно на том же уровне, что и люди, погребенные под Пепкинским курганом, насчитывали около 100 человек, самое большее их могло быть 200—300. По определению палеоантропологов, возраст убитых абашевцев был 18—25 лет (лишь один был в возрасте 30—35 лет, металлург-меднолитейщик); люди такого возраста могли составлять 1/3 или 1/4 всей родовой группы.

Несмотря на трагичность случая, большинство погребенных сопровождалось вещами. Уникальным является набор инструментов меднолитейщика: прекрасная литейная форма для отливки вислообушного топора, плита-наковальня, каменные молоты различной величины, тигли для плавки металла, шлифовальники и т. д. Этот кузнец был человеком, выделяющимся не только своим мастерством, но и недюжинной силой. По определению известного антрополога и археолога М. М. Герасимова, почти десять последних лет своей жизни он был одноглазым. Вместе с другими костяками были кремневые наконечники стрел, 20 глиняных сосудов, 25 костяных и несколько медных поделок. Сосуды, изготовленные из глины с примесью толченой раковины, делятся на две группы: крупные круглодонные, приближающиеся по форме к колоколовидным, и остроресберные небольшие сосудики абашевских форм.

Набор костяных изделий состоит из цилиндрических колец, тупиков-гладилок, долотцев, игольников и иголок, шильев и своеобразных застежек-булавок.

Из металла (меди) сделаны височные подвески, браслеты, подвески в виде многолепестковых розеток и т. п., шило и два кольца с заходящими концами. Все эти вещи также являются типично абашевскими.

В целом погребальный инвентарь носит архаические черты, поэтому Пепкинский курган следует считать одним из ранних памятников абашевской культуры в Марийском Поволжье. Очевидно, первая группа абашевцев встретила сопротивление населения, уже обитавшего здесь. Таким населением могли быть балановцы, появившиеся несколько раньше (они остались здесь и после ухода абашевцев в левобережье Волги), и родственные им чирковско-сейминские племена.

Абашевские племена имели довольно устойчивый погребальный обряд. Все захоронения совершались под курганом. В группе насчитывается от 1 до 48 курганов, причем в правобережье курганные группы больше (10—48), чем в левобережье (1—10). Курганные насыпи круглые или овальные, диаметры в первой группе (правобережной) от 10 до 30 м при высоте от 1,5 до 2 м, во второй группе (левобережье) диаметр от 6 до 10 м (максимум 12 м) при высоте до 1 м. По количеству захороненных под одним курганом правобережные отличаются большим числом (от 3 до 15), а левобережье — меньшим числом костяков (чаще всего 1, редко 2, и лишь в кургане № 4 Туруновской группы было 6 погребений). Все эти показатели свидетельствуют о многочисленности абашевцев в правобережье, в левобережье плотность была намного ниже. Это объясняется или рассредоточенностью расселения или переходом только части абашевцев на левый берег Волги. Меньшее количество в одной группе в левобережье Волги может объясняться еще и тем, что при переселении более крупные родовые объединения делились на более мелкие патриархальные роды. Абашевское время—это время становления патриархальных отношений, и такие преобразования в родовой организации могли быть.

Под курганом костяки лежали в могильных ямах, углубленных на 60—80 см. Размеры ям разнообразные, зависели, очевидно, от возраста и роста погребенных,

хотя большая часть их короче роста человека (мы помним, что покойника клали с подогнутыми ногами). В правобережных курганах встречаются захоронения не в ямах, а прямо на погребенной почве, или же в ямах меньшей глубины. Как в той, так и в другой группе на дне ям были подстилки из бересты или дерева.

Большая часть погребенных лежала головой на восток с небольшими отклонениями к югу или, иногда, к северу. В Волго-Вятских могильниках отклонения на юг больше. Здесь встречаются погребения с южной или даже юго-западной ориентацией. Другой особенностью правобережных курганов является обряд трупосожжения. Это совершенно новый обряд для абашевцев.

Большую роль в погребальном обряде абашевцев играл огонь. Нередко встречались насыпанные на труп кучки углей.

Могильные ямы не засыпались сразу землей, а сначала делали настил из деревянных плах или досок, опирающихся на края могильной ямы. В случае, когда яма была очень мелка, этот настил устанавливался на вертикальных столбах, забитых по углам ямы. Засыпав на настил тонкий слой земли, ставили сюда глиняный сосуд с поминальной едой, иногда даже разводили жертвенный костер. Ритуальные кострища располагались и на верхнем уровне погребенной почвы около могил. Возможно, эти кострища связаны с появлением элементов трупосожжения в погребальном обряде Волго-Вятского района.

В завершение после сооружения курганной насыпи совершались поминальные обряды.

Частыми находками в захоронениях абашевцев являются глиняные сосуды. Вся посуда вылеплена от руки из глины с примесью толченой раковины или растительной трухи. По форме их можно разделить на три группы: со сферическим туловом, отличающимся друг от друга формой горла или вообще без горла (чашевидные); острорезерные и баночной формы плоскодонные сосуды.

Посуда орнаментирована в основном так называемым геометрическим узором: горизонтальные и вертикальные линии оттисков зубчатых штампов; заштрихованные треугольники, ромбы, прямоугольники, расположенные в шахматном порядке; здесь же горизонтальные

оттиски шнура и др. Причем и в орнаментации посуды можно отметить черты, характерные только левобережным и только правобережным памятникам.

После глиняных сосудов наиболее частыми находками являлись различные металлические украшения. Уникальными являются остатки богато расшитых медными бляшками и пронизями головных уборов и одежды. Остановимся на описании двух головных уборов: из погребения I кургана № 2 Виловатовской II курганной группы Горномарийского района и из погребения кургана Вильяльской I группы Новоторъяльского района.

В Виловатовской группе головной убор, очевидно, состоял из кожаной шапочки, нижняя полоса которой длиной 40 см и шириной 3-3,5 см была богато оформлена медными накладками, пронизями и подвесками. Центральную часть этой полосы занимает лента шириной 3 см и длиной 25,5 см, на которую пришиты сверху два ряда шнура, обернутого медной проволокой, ниже три ряда полушарных бляшек, расположенных в шахматном порядке, еще ниже — три ряда навитых на шнурок медных проволочек, разделенных через равные промежутки вертикальными полосками кожи. К этой ленте на кожаных шнурках подвешены в центре медная бляшка в виде розетки, у правого виска очковидная подвеска, у левого виска — пара розеток. В околоушной части головного убора кожаная полоска шириной 3,5 см и длиной 7 см украшена двумя рядами коротких отрезков навитой на шнурок проволоки и одним рядом полушарных бляшек; пространство между верхним и нижним рядами заполнено змейчатой витой проволокой, являющейся продолжением второго ряда витой проволоки верхней части центральной полосы. Сзади на затылке, очевидно, располагались вертикальные пронизи, с гофрированными концами.

Под этим же курганом в других погребениях были остатки еще двух головных уборов с украшениями, характер которых близок к украшениям описанного головного убора.

Более сложные украшения были в погребении под курганом I Вильяльской курганной группы. Реконструкция шапочки и расположение украшений могут быть представлены в следующем виде: кожаная шапочка в налобной части украшалась полоской кожи с

нашитыми в нижней части двумя рядами прерывистых спиралек и гладкой пронижи, ограниченные снизу редко намотанной медной спиралью. По бокам этой налобной полоски выше спиралек располагалась «змейка» тоже из спиралек. На лоб между глаз свисали три розетки. К центральной налобной полоске пришит кусок широкой кожи, украшенный полушарными и щитовидными бляшками. Полушарные бляшки, образуя в передней части розетку, расходятся тремя рядами к затылку, а щитовидные бляшки располагаются по краям куска кожи. На затылке был помещен еще кусок кожи с чередующимися многорядными полушарными бляшками и перевитой медной проволочкой.

В этом же погребении обнаружены и остатки нарукавных украшений в виде полоски кожи, украшенной прерывчатыми рядами перевитой медной проволочки с завершением из трех полушарных бляшек.

А. Х. Халиков отмечает, что все эти уборы по деталям оформления, узорами и композиции весьма сходны между собой. Кроме того, детали узоров на головных уборах близки элементам орнамента на глиняной посуде: «змейка» убора соответствует зубчатому узору на сосудах; ряды полушарных бляшек — рядам полушарных ямок; витая проволочка — рядам зубчатых оттисков; короткая витая проволочка — коротким горизонтальным и вертикальным отрезкам; вертикальные отрезки с завершением из полушарных бляшек — вертикальным «лестничкам» или метопам с полушарными ямками; розетки из полушарных бляшек — розеткам из полушарных ямок и т. д. Поэтому можно уверенно считать, что узоры на посуде и одежде абашевского населения являлись племенными узорами прежде всего.

В связи с этим естественно встает вопрос: отразилась ли материальная культура абашевцев, в частности система и типы украшений костюмов и глиняной посуды в следующих археологических культурах?

Анализируя материалы раскопанных в 20—30 годах абашевских курганов, П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков пришли к выводу, что абашевские традиции оказались устойчивыми в ананьинской культуре эпохи раннего железа, а затем и в материальной культуре народов Поволжья в конце первого тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э. К этим традициям они отнесли жен-

ский головной убор в виде венчика (кожаных полос), состоящего из бляшек и спиралек, с косником сзади, сложившийся еще в абашевские времена. Такие головные уборы имеются в относящихся к финно-угорским народам пьяноборских, рязаноокских, тамбовских и поволжских могильниках. Присоединяясь к этому мнению крупнейших советских археологов, мы можем отметить, что эти традиции можно проследить и в украшениях головного убора и женского костюма древних марийцев IX—XI вв. и хотя абашевские племена на средней Волге были сравнительно недолго (примерно с XV по XIII вв. до н. э.), все же их культура вошла существенным элементом древней истории и культуры Волго-Камья.

Абашевские племена, очевидно, под натиском более южных срубных и приказанских племен покидают среднюю Волгу и обосновываются на Южном Урале.

И балановские, и абашевские племена являются пришлыми для Среднего Поволжья. Хотя они оказали большое влияние на развитие местных племен, все же в дальнейшей истории края ведущую роль сыграли местные племена, и, в первую очередь, — волосовские. Поздние памятники волосовской культуры легли в основу формирования новых археологических культур Волго-Камья эпохи бронзы. В частности, в восточных районах расселения волосовцев на их базе возникает приказанская культура при известном воздействии более южных ираноязычных ранних срубных племен. Волосовская основа приказанской культуры замечается по форме керамики, фактуре теста и орнаментации. Соединенные полуземлянки также характерны для обеих культур. Желобчатые долота и тесла, наконечники стрел и ножи, концевые скребки и другие орудия из камня по форме одинаковы в обеих культурах.

Сходный с процессом формирования приказанской культуры шел процесс возникновения поздняяковской культуры тоже на волосовской основе на западе, в среднем течении р. Оки.

Таким образом, в середине II тысячелетия до н. э. на волосовской основе возникают чирковско-сейминская, приказанская и поздняяковская культуры, близкие между собой основными чертами материальной культуры на ранних этапах развития. Приказанская культура, сформировавшись примерно в XVI веке до н. э., просущест-

вовала до начала I тысячелетия до н. э. и претерпела ряд этапов в своем развитии. История приказанских племен — это история их расселения на север, восток и запад под натиском срубных племен. В Марийской республике нет памятников самого раннего этапа приказанской культуры. На втором ее этапе развития появляются две стоянки — поселения Уржумкинское и Кокшайское в Звениговском районе. В последующем этапе возникают поселения у с. Сидельниково в том же районе и Волжское на Волге. В верховьях Большой Кокшаги экспедицией изучена Широкундышская стоянка с керамикой приказанского типа. Для заключительного, четвертого этапа развития приказанской культуры характерно максимальное территориальное расселение. В Марийском крае, кроме указанных, появляются Ахмыловское (Горномарийский район), Мари-Луговские I и II поселения (Звениговский район) и другие.

Если на первом и втором этапах приказанской культуры встречаются глиняные сосуды только с плоским дном, то с третьего этапа появляется круглодонная посуда, больше характерная для прикамского района. На последнем этапе происходят изменения и в домостроительстве. Появляются и становятся характерными изолированные дома наземного или полужемляночного типа прямоугольной и квадратной форм со столбовыми конструкциями стен и очагами, расположенными по продольной оси жилищ, как это было изучено на Ахмыловском поселении в 1962—63 годах. Заключительный этап приказанской культуры смыкается с ранними памятниками эпохи железа.

Примерно такова же история поздняяковских племен на западе, только у тех до конца остаются плоскодонные сосуды и появляется керамика с так называемой «текстильной» обработкой поверхности (как бы отпечатки текстиля). Поздняяковские племена в момент наибольшего продвижения на запад приказанских племен входят в контакт с ними и оказывают на них свое влияние, что особенно ярко выявляется на керамике приказанских форм наличием «текстильной» обработки. В дальнейшем «текстильная» обработка поверхностей сосудов становится основным критерием для выявления основ формирования финно-угров Западного Поволжья.

Глава IV

ЖЕЛЕЗО В РУКАХ ЧЕЛОВЕКА

(ранний
железный век)

У марийского народа есть легенда о Живом камне. Вот что говорится в этой легенде по записи русского писателя Н. Телешева. На берегу р. Немда возвышается утес Живой камень. В давно минувшие времена здесь были большие селения черемисского (марийского) народа, и жил среди них могучий и славный богатырь по имени Чумбулат. Человек он был простой, трудолюбивый и тихий в обычное время, но, как только неприятель угрожал нападением на родную страну, богатырь поднимался на ее защиту. Верхом на буром коне с косматой гривой, вооруженный с головы до ног, Чумбулат выступал впереди своего народа, непобедимый и грозный и всякий раз быстро сокрушал врагов и обращал их в бегство.

И умирая, Чумбулат обещал помогать своим соплеменникам, выйдя из своей могилы на призыв «Вставай, Чумбулат! Враги у ворот!». И вот настал тяжелый момент в жизни марийцев: враг начал окружать их непролазным кольцом. Обратились марийцы за помощью к Чумбулату. И дрогнула каменная круть, раскололась надвое, и появился из темной расщелины Чумбулат на своем коне, в кольчуге и шлеме, со щитом на руке, с копьём в стремени, с мечом над головой. Бросился он на чужих, колот, рубил и топтал обезумевших от страха врагов и быстро обратил в бегство неприятельское войско. А когда опасность миновала, Чумбулат, ни на кого не взглянув, молча вернулся к своей скале: снова замкнулась она за ним и проглотила его вместе с конем.

В этой легенде нас интересует вооружение Чумбулата: кольчуга и шлем, копье и меч, щит — все это вооружение эпохи железа, когда медные и бронзовые оружия уже отслужили свое. Появление железа и изготовление из него орудий труда и оружия знаменует собой начало железного века, который продолжается и сейчас.

Железо — металл, который является экономическим фундаментом современной цивилизации. В отличие от последующих эпох, начало железного века называется ранним железным веком. Он в наших местах наступил в I тысячелетии до н. э. Когда речь идет об открытии железа, имеется в виду не первое знакомство человека с железом, а начало железной металлургии и изобретение способа получения его. Железа, или железной руды, намного больше, чем меди. Как утверждает наука, земля — это железный шар, заключенный в каменную оболочку. Сама каменная оболочка на 4,5% состоит из железа. Земная кора содержит 755×10^{15} тонн железа. Однако железо человек открыл намного позже, чем медь. Дело в том, что оно в чистом виде в природе не встречается, а находится в соединении с кислородом, т. е. в виде окиси. Чистое железо на землю попадало только из межпланетного пространства в виде метеорита. Многие древние народы железо называли «небесным камнем» (на языке коптов «би-ни-пат» — небесный; по-гречески «зидейрос» — звездный; по армянски «ярк-кат» — капнувший с неба).

У железа выше, чем у меди или бронзы, и температура плавления. Медь плавится, как мы уже отметили, при температуре 1084° , а бронза — при $700\text{—}900^\circ$, температура плавления железа 1530° . Такую температуру древние металлурги не могли получить не только на открытом огне (костре), но и в усовершенствованном медеплавильном горне. Поэтому они получали железо не в жидком, а тестообразном виде и вещи из него не отливали, а отковывали. Такой процесс получения железа называется сыродутным. Термин «сыродутный» возник в XIX в., когда при дутье стали применять горячий воздух, ускорявший плавление. До того в горн вдували холодный, «сырой» воздух. Сыродутный горн — это печь, сложенная из камней, обмазанная глиной, иногда целиком глиняная, с отверстиями по бокам, в которые

вставлялись глиняные трубки-сопла, а на сопла надевались кожаные меха, нагнетавшие воздух. Горн засыпали древесным углем и железной рудой. Горение отнимало у руды кислород, и получалось железо. Правда, оно содержало некоторое количество шлаков. Затем эту губчатую массу железа проковывали молотками и получали так называемую крицу, которую кузнецы использовали для дальнейшей обработки и изготовления орудия.

Установив способ получения железа сыродутным путем, археологи поставили перед собой задачу: получить железо в настоящее время этим способом, повторив этот процесс с возможно максимальным приближением к древним условиям. Иначе это называется физическим моделированием сыродутного процесса производства железа. Такой опыт был проделан известным советским археологом и металлургом Б. А. Колчиным. Сыродутная печь и весь производственный комплекс были построены на открытом воздухе на территории раскопок Новгородской археологической экспедиции. Тип печи был выбран древнерусский, хорошо известный археологически и этнографически. На Руси они назывались домницы. Это были наземные глинобитные сооружения с шахтой высотой в 50—80 см, круглой в поперечном сечении и диаметром нижней горновой части в 20—40 см. В нижней части этих печей всегда имелся горновой выем для дутья, выпуска шлака и выема крицы. А в более древние времена для выема железной массы разбирали горн сверху. И этот опыт Новгородской экспедиции удался.

Кроме опытов, проведенных в последние годы по получению железа, наука располагает еще данными этнографии о сыродутном процессе. Интересные примеры приводит С. Кулик, корреспондент ТАСС в Восточной Африке, который был свидетелем того, как получали в недавнем прошлом железо африканцы. Дело было в Замбии, в стране, где не знали медно-каменного и бронзового века. Народы одного из самых богатых медью районов земного шара вступили из века каменного в век железа. Вот описание этого процесса: на краю деревни, под единственным на всю деревню деревом, — камышовый навес, а чуть поодаль догорают костер, разложенный еще вечером,... там всю ночь заго-

тавливали древесный уголь для плавки. Таинственность плавки металла соблюдается и здесь. Прежде чем разрешить чужому человеку подойти к костру, часана (кузнец) просит его оставить все металлические вещи, потому что неизвестно, в каких отношениях находится покровитель сделавшего их мастера с Макумба (покровитель племени ауша и его изображение похоже на изделия, которые делает здесь часана). В яму полуметровой глубины, обмазанную илом — это удерживает тепло и мешает загрязнению металла, — свалили древесный уголь. С помощью примитивных мехов — кожаного мешка, к которому приделаны две палки, — раздули огонь и бросили в него несколько клочков леопардовой шкуры (леопард — главный враг болотного кабана — тотема старейшины. Чтобы умилостивить кабана, перед началом плавки ему в жертву всегда приносили целого леопарда. Теперь же ограничивались несколькими клочками).

Пока старики произносили какие-то заклинания над потрескивавшей в огне шерстью, подмастерья вытащили из-под навеса тростниковые корзины, доверху наполненные черной, тускло поблескивавшей породой. Скорее всего это была болотная руда, богатая закисью железа. Подмастерья побросали черные глыбы руды в раскаленную яму и начали работать мехами. Старый часана при этом ходил вокруг печи, время от времени испуская какие-то гортанные звуки. Около полудня, подняв валявшуюся в луже палку, он подцепил в яме пышущей жаром розово-огненный кусок, пару раз постучал по нему камнем и приказал подмастерьям оттащить мехи в сторону. С помощью палок они втроем извлекли спекшуюся крицу наружу. Когда она потемнела, большими угловатыми камнями разбили ее на несколько частей. Это были комья из восстановленного железа, застывшего шлака и прилипшего к ним угля. Положив кусок на плоский камень, старик пару раз ударил по ним другим камнем. Потом недовольно зачмокал языком, сплюнул и приказал вновь побросать всю крицу в яму. В железе осталось слишком много шлака и угля, такое железо нельзя ковать. Надо опять прокалить и удалять шлак.

Снова загудели мехи и забубнил свои заклинания часана. Когда крицу вновь извлекли на поверхность ее

уже не оставили на земле, а на кольях сразу же оттащили под навес. Там на большом отполированном времени камне, служащем наковальней, подмастерья завершили таинство превращения куска болотной руды в металлическое орудие. Вместо молота им служит каменный брусок, перевитый буйволовыми сухожилиями-держакими. Взявшись за них обеими руками, кузнец ковал металл. Полученная тестообразная крица содержала кристаллы чистого железа, перемешанные со шлаком. При каждом ударе каменного молота шлак выдавливался, а кристаллы железа спрессовывались, сваривались. Так нагревали комок металла несколько раз и снова ковали. Поздно вечером, уже при свете костров, часана протянул черный наконечник стрелы. Так получали железо мастера — ауши. Но часана был убежден, что железо дает им великий Макумба.

Описанный процесс получения железа, очевидно, самый древний. До появления сыродутных печей в виде шахты все племена пользовались ямой. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в памяти народов «волчьи ямы» — это не что иное, как ямы для получения железа.

Однако процесс получения железа был настолько сложен, что, несмотря на все преимущества железа перед бронзой, потребовалось еще несколько сот, а в лесных районах около тысячи лет для его повсеместного распространения. Период соперничества железа с бронзой иногда называют еще «полужелезным веком». Недаром во всех археологических памятниках раннего железного века встречается много бронзовых изделий, а некоторые типы их достигают наибольшего совершенства именно в это время. Одной из особенностей этого периода является не только совместное распространение бронзовых и железных орудий труда и оружия, но и бытование биметаллических предметов. Например, в наших краях встречаются железные кинжалы с бронзовыми рукоятками.

Начало изготовления оружия и орудия труда из железа привело к технической революции, к техническому перевороту, намного расширило власть человека над природой. Железный топор и соха с железным лемехом позволили значительно увеличить площади обрабатываемых земель как в безлесных, так и в лесных местностях. Новый металл не только расширил практиче-

ские возможности людей в материальном производстве, он привел к значительным изменениям социального порядка. С увеличением производительности труда в руках людей стали накапливаться излишества. Они, в свою очередь, приводили или к развитию обмена, позднее торговли, или же становились добычей более агрессивных соседей. Сначала набеги с целью захвата носили случайный характер, затем, с ростом количества произведенного продукта и товара, они стали превращаться для отдельных племен в постоянный способ захвата добычи: ценностей и пленников. Так родилась война, в течение многих веков являвшаяся средством обогащения для небольшой группы лиц, принадлежащих к верхушке общества, и проклятием для всего остального человечества.

Опасность частых и неожиданных набегов требовала создания оборонительных сооружений на поселениях: так возникают городища, укрепленные валами и рвами поселения. Чаще делались земляные укрепления, иногда дополняемые деревянными конструкциями в виде срубов под земляной насыпью или стенами из вертикально врытых по верху вала плахами. Для создания городищ древними людьми выбирались естественно защищенные места. Это, прежде всего, высокие мысы по берегам рек, особенно часто при их слиянии. С двух или даже трех сторон такой поселок был надежно защищен крутыми склонами берега и водой речек, а с «напольной» стороны возводились искусственные укрепления — рвы и валы. Высота вала от дна рва, расположенного всегда с внешней стороны, достигает 6—8 м.

Городища, как правило, имеют культурный слой. Однако, встречаются и без слоя. Это — городища, где скрывались люди лишь в момент опасности.

Эпоха железа в разных местах начинается в разное время. Однако эта разница небольшая: одно — два столетия. Считается, что железо в Европу проникло с Востока, возможно, из Египта. Отдельные железные предметы, найденные в Европе, относятся к концу II тысячелетия до н. э. В Марийском, и в Среднем Поволжье в целом, как и в Прикамье, железо появляется в конце IX века до н. э., а с VIII в. мы можем уже говорить о начале железного века. Племена, жившие в

Среднем Поволжье в это время, известны как племена дьяковской, городецкой и ананьинской культур. Они являются современниками воинственных скифов, упоминаемых впервые еще в знаменитой «Илиаде». Памятники этих культур сохранились до нас с тех эпох, когда возводились скифские, так называемые царские, курганы: Куль-Оба, Чертомлык, Солоха, Келермес и др. В это же время по берегам Черного моря возникали греческие города-полисы, это время, когда Александр Македонский создал «мировую империю».

Наиболее хорошо изученными памятниками раннего железного века в Марийском крае являются памятники ананьинской культуры. Ананьинские племена расселились на широкой территории от Камы до Ветлуги. Название эта культура получила по впервые изученному могильнику у с. Ананьино на Каме. Он был открыт еще в XIX веке отцом выдающегося русского художника И. В. Шишкиным, который по просьбе казанского профессора К. И. Невоструева осмотрел окрестности Елабуги, где он жил, а затем переслал К. И. Невоструеву несколько бронзовых вещей, найденных близ с. Ананьино. Однако основные исследования ананьинской культуры были осуществлены уже советскими археологами.

По многочисленному археологическому материалу ананьинские племена предстают перед нами крупным культурным и этническим объединением, являющимся, как считает А. Х. Халиков, основой пермской и волжской групп финно-угорских народностей Восточной Европы. Следовательно, они являются предками современных удмуртов, марийцев, мордвы. В таком случае очень важным является вопрос о происхождении ананьинцев. По-разному предлагали археологи решить этот вопрос и до сих пор нет единого мнения. В связи с значительными успехами Марийской археологической экспедиции в изучении ананьинских памятников в Ветлужско-Вятском междуречье стало возможным поставить вопрос о происхождении ананьинских памятников Нижней Камы, Средней Волги и Ветлуги. А. Х. Халиков, много занимающийся ананьинскими материалами, пришел к выводу, что «Нижнее Прикамье следует рассматривать как основной центр формирования ананьинского ядра». А базой для сложения ананьинской куль-

турной общности служили племена приказанской культуры, испытавшие в начале I тысячелетия до н. э. сильное восточное, зауральское влияние.

Если Нижнее Прикамье считать основным центром формирования ананьинцев, то требует своего объяснения появление их на Ветлуге, Средней Волге, Вятке и Верхней Каме. Появление ананьинцев на Вятке и Верхней Каме объяснить легче: просто они поднимались по этим рекам вверх, заселяя прибрежные зоны. А наиболее вероятным исходным центром ананьинской колонизации Ветлуги, судя по характеру керамики, был бассейн р. Вятки. На Средней Волге ананьинцы появились, расселяясь на запад от места первоначального обитания.

В связи с нашими задачами нас прежде всего будут интересовать ананьинские памятники Марийского края по Ветлуге, Средней Волге и Вятке. Эти три области имеют свои особенности. Если на Волге известны и хорошо изучены как городища, так и могильники ананьинцев, то на Ветлуге и Вятке известны только городища.

Как на Вятке, так и на Ветлуге городища изучались еще до революции. Однако более основательное изучение их проведено в советское время.

На Ветлуге городища изучались в 20-х годах нашего века Антропологической комплексной экспедицией Московского университета под руководством Б. С. Жукова. Археологический отряд этой экспедиции в 1925 г. провел маршрутное обследование по рекам Ветлуге и Унже. Были проведены и раскопки на Одоевском, Богородском, Русенихинском и Чертовом городищах (О. Н. Бадером, Е. И. Горюновой и А. Е. Алиховой). Впоследствии О. Н. Бадер полностью опубликовал материалы этих работ в статье «Городища Ветлуги и Унжи», а М. В. Воеводский описал керамику с этих городищ. Эти же городища изучались в 1958 году Марийской археологической экспедицией. В результате мы располагаем большим материалом по истории Поветлужья в ананьинскую эпоху.

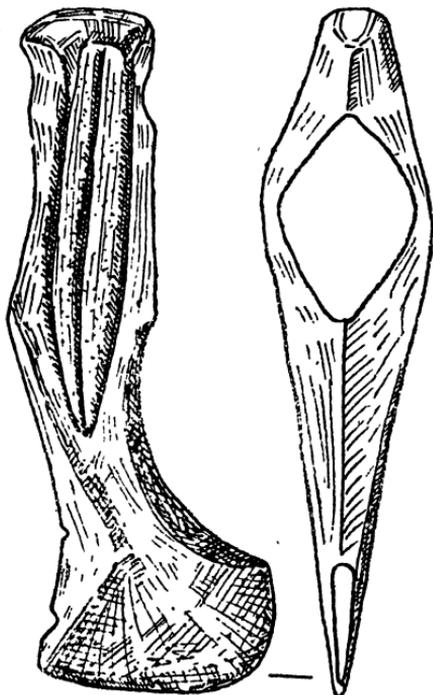
На Вятке ананьинские городища и селища изучались также еще до революции. Большой вклад в изучении ананьинских памятников Вятки и Камы сделан советским археологом А. В. Збруевой. В 1956 году наша

экспедиция вела раскопки нескольких ананьинских городищ («Ройский шихан», Мальковское).

На некоторых городищах ананьинской культуры на Средней Волге велись небольшие раскопки и до работ Марийской экспедиции. Дополнительному изучению подверглись такие укрепленные поселения, как Малахайское, Копаньское, Токаревское, Юльяльское и др. Малахайское селище, расположенное у подошвы высокого коренного берега Волги, рядом с Малахайским городищем, раскопано практически полностью.

Одной из особенностей расположения ананьинских поселений является их групповое размещение вдоль реки по 2—4 в каждой группе. Размеры городищ сравнительно небольшие — 750—2400 кв. м, лишь Мальковское городище на Вятке имеет площадь более 10000 кв. м.

Существуют значительные промежутки и между локальными группами ананьинских памятников. Эти незаселенные пространства можно рассматривать как пограничные необитаемые межплеменные зоны, характерные для эпохи первобытнообщинного строя. Так, самый западный памятник ананьинской культуры на Средней Волге — Васильсурское I городище расположено в 120 км от наиболее восточного городища — Хвощевского городища. Расстояние более 50 км отмечается и между самым восточным ананьинским Антоновским городищем средневожской группы и самым западным городищем «Гремячий ключ» нижекамской

Бронзовый топор. Малахайское поселение.

группы ананьинской культуры. Северными соседями средневожского населения являлись племена Поветлужья. Расстояние между наиболее южным памятником Русенихинским городищем на Ветлуге и Копаньским городищем на Средней Волге равно около 100 км. Такие же значительные промежутки наблюдаются к северо-востоку и юго-западу.

Локальные группы ананьинских памятников на Вятке и Каме также имеют между собой значительные незаселенные пространства.

Мы уже отмечали, что укрепленные поселения в эпоху раннего железа появляются повсеместно; причем их расположение мало отличается друг от друга. Как же в таком случае можно определить культурную принадлежность того или иного городища? Как всегда, археологам на помощь приходит керамика, обыкновенные битые горшки и другого типа глиняная посуда. Определяющими чертами керамики ананьинской культуры являются: преобладание сосудов, изготовленных из глины с примесью толченых раковин; круглодонность и чашевидность форм сосудов; орнаментация лишь верхней половины сосуда; орнамент состоит из элементов ямочных, зубчатых, шнуровых и резных вдавлений в различных сочетаниях, причем преобладает шнуровой орнамент; расположение орнамента горизонтальными зонами. Наряду с общими чертами керамики каждая локальная группа ананьинских памятников имеет свои существенные своеобразия. Так, например, для средневожского варианта характерно совместное бытование двух типов сосудов — ананьинских с примесью толченых раковин в тесте и городецко-дьяковских с примесью песка в тесте и преимущественной «текстильной» обработкой поверхности. Такое сочетание керамики наблюдается и в Поветлужье, т. е. там, где ананьинские племена соседствуют с племенами других культур. Отличия керамики наблюдаются и в ряде других деталей (форма венчиков, наличие или отсутствие «воротника», или бортика по краю венчика, в преобладании или отсутствии некоторых видов орнамента и т. д.). Определенные различия могут быть и в металлических изделиях, особенно ярко проявляющиеся в инвентаре могильников разных групп.

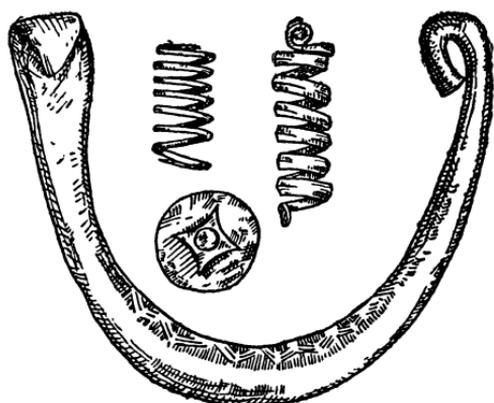
Несмотря на значительное число раскопанных анань-

инских поселений, мало пока открыто жилищ. На Ветлуге и на Вятке они вообще не известны. На Средней Волге В. С. Патрушев в 1970 г. изучил остатки двух жилищ на Малахайском селище. Это были прямоугольные в плане наземные сооружения шириной 4,7—5,1 м (длина не сохранилась) с углубленным на 15—20 см полом из горизонтально положенных бревен, скрепленных по углам столбами. Потолок, или крыша, представляли, очевидно, наклонный скат, обмазанный для тепла глиной. Внутри жилища помещался длинный очаг в виде корытообразного углистого пятна мощностью до 25 см. Одно из жилищ имело с северной стороны вход. Рядом с ним лежали плитки известняка, образуя округлую площадку диаметром 135 см. Исследователь предполагает, что это мог быть жертвенник.

Значение открытия и изучения наземных срубов у населения Марийского Поволжья заключается в том, что можно сделать вывод о существовании наряду с городищами неукрепленных поселков постоянного и длительного характера. Надо отметить, что остатки древних наземных сооружений трудно обнаружить при раскопках, этим, может быть, объясняется и небольшое число открытых археологами ананьинских жилищ.

Другого типа ананьинское жилище было раскопано в 1934—1936 гг. на Каме в устье реки Чусовой на Конецгорском селище. Приведем для сравнения описание этого жилища, данное А. В. Збруевой. Это было большое полуподземное коллективное жилище. Длина его свыше 40 метров, ширина от 4 до 6 метров. Пол углублялся в землю на 80 сантиметров. Жилище было вытянуто с северо-востока на юго-запад и, по-видимому, имело два выхода. Стены были, очевидно, деревянные. Крыша двускатная, опиралась краями на невысокие стены. По средней линии жилища, примерно через равные интервалы, были расположены девять очагов, состоявших из скоплений угля, золы, мелкой обожженной гальки и небольших камней. В очагах и вокруг них находилось большое число обожженных и необожженных костей животных и обломков глиняной посуды, кости рыбы. Здесь же лежали костяные орудия и их обломки, точильные камни и полировальные плиты и т. п.

А. В. Збруева считает возможным сопоставить это жилище с длинными домами североамериканских ин-

Височные подвески, на-
грудные украшения.
Акозинский могильник и
городище «Ройский ши-
хан».

дейцев из племени сенека — ирокезов. Но жилище Ко-
нецгорского селища, очевидно, продолжает более древ-
ние местные формы жилищ: остатки таких же длинных
домов, относящихся к эпохе бронзы, были раскопаны
здесь же, на Чусовой, археологической экспедицией
Пермского университета.

Ананьинскую культуру на Средней Волге, в Марий-
ском Поволжье, наиболее ярко характеризуют два мо-
гильника — Акозинский в правобережье Волги близ
д. Акозино у с. Малый Сундырь и Старший Ахмылов-
ский в левобережье Волги у д. Коротни в Горномарий-
ском районе.

Акозинский могильник известен с 1952 года, когда
Р. В. Чубарова, в то время сотрудница Марийского
научно-исследовательского института, при раскопках
стоянки эпохи бронзы, обнаруженной в 1930-х годах
местным учителем А. М. Ониковым, выявила следы
могильника эпохи раннего железа. В 1956 и 1958 годах
наша экспедиция провела широкие раскопки как стоян-
ки, так и могильника. Всего за эти годы вскрыто 65
погребений, да около 10 захоронений было разрушено в
1952 году. Позже, в 1971 и 1972 годах, В. С. Патрушев
продолжал изучение этого памятника и вскрыл еще 38
погребений. Таким образом, общее число изученных
погребений составляет 103, не считая тех 10, которые
были разрушены раньше. А число захороненных намно-
го больше, так как некоторые могильные ямы содержа-

ли несколько костяков. В раскопанных в 1956 и 1958 годах в 65 погребениях было 107 костяков. Основной погребальный обряд — трупоположение.

Могилы располагались по краю невысокой террасы (подшвы коренной террасы) и никаких признаков на поверхности не имеют. Могильные ямы располагались более или менее четкими рядами по краю террасы. Глубина их различная: 10—30 и 35—75 см. Возможно, как считает А. В. Збруева, захоронение в мелких могильных ямах были совершены в зимнее время, когда трудно было рыть мерзлую землю, а захоронения в глубоких ямах — в летнее.

Характерными для Аюозинского могильника следует считать следующие черты в погребальном обряде: расположение могильника у реки и преимущественная ориентация погребенных ногами к реке; вытянутое положение костяков; расположение могильных ям в ряд по краю террасы; наличие углей и охристой краски в некоторых могилах. Это наиболее общие признаки погребального обряда. Могильник характеризуется частичными, вторичными, вводными, парными и коллективными захоронениями.

Частичное захоронение заключалось в том, что в небольшие округлые ямы помещались отдельные черепа в сопровождении вещей. Этот обряд связан с обычаем расчленения костяков. Захоронения отдельных черепов известны и в Ананьинском могильнике на Каме. А. В. Збруева считает, что это погребения племенных вождей.

Вторичные захоронения представляют собой остатки погребенных человеческих костей, расположенных в беспорядке, т. е. с анатомически разрушенной структурой. Это не случай насильственного расчленения костей, а захоронения умерших после того, как мягкие части тела, — соединительные ткани и сухожилия, — уже сгнили. Предполагается, что первоначально умерших погребали на открытом воздухе, на деревьях или под особыми срубами, а затем уже вторично погребали в могильной яме. Такой обряд для нас кажется непривычным, сейчас он не встречается. Но сохранилось много этнографических, фольклорных, письменных источников о существовании подобного обряда у ряда народов Среднего Поволжья, в частности, в мордовском фольклоре.

В древности такой обряд был у племен срубной культуры эпохи бронзы, неоднократно отмеченный исследователями срубных захоронений П. П. Ефименко, П. Н. Третьяковым, Н. Я. Мерпертом. Очевидно, этот обряд характерен для северной группы племен срубной культуры. Точно так же захоронения частей заранее расчлененного трупа (черепов) находят аналогии в срубных памятниках. А. Х. Халиков предполагает, что вторичные и частичные захоронения в Аkozинском могильнике могут быть пережитком погребальных традиций срубных племен или других племен эпохи бронзы, испытавших срубное влияние.

Вводные или впускные захоронения представляют собой обычай одновременного погребения нескольких умерших в одной общей могиле. Этот обычай известен и в других ананьинских могильниках. А. В. Збруева объясняет это тем, что каждая патриархальная семья имела свое место на родовом кладбище. Существование больших патриархальных семей документируется коллективными семейными могилами. В Аkozинском могильнике в одной такой яме было 16 костяков. К коллективным же можно отнести и парные захоронения, чаще всего погребения мужчины и женщины. Иногда в коллективных могилах были жертвенные кости коровы или бычка.

В. С. Патрушев отмечает интересный случай погребения в Аkozинском могильнике. Под группой из 6 захоронений было ладьевидное сооружение (6,8x2,6 м), имевшее округлое дно. Глубина этого сооружения достигает 1 м. В центре выделялось красноватое пятно прокаленной глины. Возможно, ладьеобразное сооружение было сожжено еще в древности в момент захоронения, как это делалось в средневековье в Скандинавии. Каменная ладья над могилой была в Ананьинском могильнике. В таких могилах лежали лишь черепа, сопровождаемые всеми видами оружия и орудий труда, многочисленными украшениями и костями домашних животных. А. В. Збруева считает, что это захоронения военных вождей или старейшин.

Еще более сложный и разнообразный обряд наблюдается на Старшем Ахмыловском могильнике VIII—VI вв. до н. э. Открытие этого интереснейшего памятника связано с учащимися Ахмыловской школы. В 1960 году

группа учащихся представила в г. Йошкар-Олу 5 бронзовых предметов (2 кельта, наконечник копья, браслет и ажурная плоская бляха) на слет туристов Марийской АССР. Познакомившись с этими вещами, мы с П. Н. Старостиным пришли к выводу, что эти вещи могут быть из разрушающегося могильника. Раскопки на месте этих находок были начаты нами в 1962 г. и продолжаются по настоящее время. Сейчас известно уже 925 погребений. Это самый большой могильник эпохи раннего железа в Восточной Европе.

В погребальном обряде могильника встречаются все те виды, которые известны в Аюозинском. Сверх того здесь известны еще кенотафы, вещевые погребения и комплексы. Последние совершались в небольших открытых ямах, нередко в коробах, в отличие от частичных без костяка. Такие захоронения известны только в Ахмыловском могильнике.

Как особый погребальный обряд представляют захоронения в «домах мертвых». Название такое дано условно по аналогии с этнографически известными обрядами захоронения. При раскопках, естественно, не все детали этих сооружений можно проследить. До вскрытия конструкции в распаханной почве прослеживались интенсивные углистые включения, зубы лошади. Конструкции «домов мертвых» очерчивались на уровне древней почвы в виде длинных и узких канавок, заполненных гумусно-углистой массой. По этим остаткам можно предположить наличие в древности наземных построек. На могильнике в настоящее время известно 13 «домов мертвых». По конструкции и форме они делятся на 3 типа: 1) длинные, разделенные на камеры (№№ 1, 2, 3, 12, 13). Все они вытянуты с запада на восток. Например, «дом мертвых» № 13 имел размеры в длину 16 м, ширину — 1,7—3,2 м, глубину 60—105 см. По длине он разделен на 8 неравных камер шириной 0,75—1,4 м. В верхних горизонтах одной из камер было частичное захоронение с сосудом-чашей ананьинского типа и бронзовым кельтом аюозинско-меларского типа. В «домах мертвых» №№ 1, 2, 3 погребальные комплексы располагались беспорядочно, что создает картину разрушения захоронений. Исследователи предполагают, что погребенные в «домах» с вещами помещались на нарах, затем после разрушения «домов» свалились вниз. Череп и вещи при

раскопках найдены компактно, что может быть последствием частичных захоронений. Внутри «дома» №1 таких захоронений было двадцать, «дома» № 3—шесть.

К «домам мертвых» первого типа примыкали одиночные грунтовые захоронения или же «дома-склепы»;

2) «Дома-склепы», или «камеры-склепы». Это «дома» с одиночными (реже парными) погребениями в виде наземных склепов, возведенных над могилами и соединенных друг с другом. «Дома-склепы» вытянуты с юга на север в одну линию или параллельно основному ряду близлежащих погребений. Очертания менее четкие, размеры меньше, конструкция иная: почти во всех случаях «склепы» делались над отдельной могильной ямой;

3) «Дом мертвых» наземного типа округлых очертаний. Известно пока одно сооружение этого типа (№ 11). Размеры его по внешним контурам 4,8х4,1 м. Стены в виде углисто-гумусной полосы шириной 15—32 см прослежены на глубине 30—45 см. К стенам примыкали 12 столбовых пятен диаметром 15—28 см. Внутри этого «дома» было 18 частичных (черепа) и вещевых (без костей) захоронений.

Деревянные сооружения на Ахмыловском могильнике были характерными чертами погребального обряда. Кроме вышеописанных «домов мертвых», в одном из погребений (№ 756) в могильной яме размерами 2,1х1,1 м обнаружена деревянная камера меньших очертаний (1,6×0,4 м), включающая захоронение подростка в сопровождении налобных украшений из бус и пронизок. Над камерой выявлены остатки черепа второго подростка. В другом случае (погр. 620) можно предположить наземное сооружение типа навеса. При раскопках были обнаружены следы столбовых пятен по углам диаметром 10—15 см, расположенных выше дна могильной ямы на 15 см и закопанных во время засыпки могилы. В некоторых случаях могли быть простые оградки.

«Дома мертвых» и другие деревянные конструкции на могилах в Старшем Ахмыловском могильнике представляют уникальное явление для памятников ананьинской культуры. Естественно, возникает вопрос, где можно найти аналогии подобному обряду? Знакомство с археологической литературой дает немного подобных примеров, да и то отличающихся существенными деталями. В 1930-х годах П. Н. Третьяков полностью раскопал

Березняковское городище V—VI вв. н. э. в Ярославском Поволжье. Здесь и было открыто своеобразное погребальное сооружение — «домик мертвых». В этом домике были обнаружены остатки 5—6 захоронений с обрядом трупосожжения. П. Н. Третьяков этот ритуал погребения сопоставил с боршевскими (славянскими) курганами IX—X вв. Позднее Е. И. Горюнова в своей монографии «Этническая история Волго-Окского междуречья» (1961 г.) привлекла более широкий материал по этому вопросу. Она пришла к выводу, что «домики мертвых», «теремки», «домовины» отражали общечеловеческие представления определенной исторической эпохи о «загробной жизни» и что они были широко распространены на обширной территории Европы. Эти «дома мертвых» строились из дерева, из камня, в зависимости от местных условий. Такие примеры можно привести и из области погребальных обычаев финно-угорских народов. Они известны у мордвы, марийцев. Марийцы Козьмодемьянского района, по свидетельству И. Н. Смирнова, говорили, обращаясь к покойнику: «Вот мы делаем тебе избу, не сердись, если сделали не по нраву».

Деревянные навесы («линет»), устроенные на четырех столбах, известны и у удмуртов.

Из археологических материалов о «домах мертвых» можно отметить открытый в 1960-х годах Ю. А. Красновым остаток такого «дома» с нарами-полками на памятниках дьяковской культуры.

Для всех ананьинских могильников характерны захоронения ногами к реке. А. В. Збруева это объясняет тем, что у ананьинцев было представление о переходе из «страны живых» в «страну мертвых» по воде, по «реке смерти». Но в старшем Ахмыловском могильнике в северной части его большинство погребений, совершенных так же, как и остальные, в групповых ямах вытянутых форм, имеют ориентацию, не связанную с рекой: преобладает ориентация головой на запад, хотя погребальный инвентарь в этих могилах не отличается от инвентаря южной части могильника. Возможно, это объясняется родовыми различиями погребенных. Например, у мордвы, как и при жизни, люди после смерти группируются по родам. Каждый новый пришелец в «страну мертвых» присоединяется к своему роду. Возможно, изменение ориентации костяков на западное свя-

зано с приходом населения с запада. Л. Я. Штернберг отмечает, что некоторые народы ориентацию погребенного связывают с воспоминаниями о прежнем местожительстве своих предков.

Мы специально остановились более подробно на погребальном обряде Акозинского и Старшего Ахмыловского могильников, чтобы подчеркнуть большое разнообразие. Обряд погребений всегда является наиболее устойчивым этническим признаком. Многообразие его может быть объяснено сложным этническим составом населения, оставившего эти памятники.

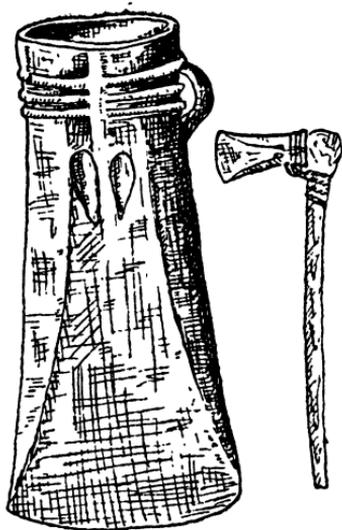
Такое же разнообразие наблюдается и в погребальном инвентаре этих могильников. Вещи в могилах представлены оружием, орудиями труда и украшениями. Характерным является почти полное отсутствие оружия в женских могилах и, наоборот, обилие его в мужских захоронениях. Да и орудий труда в женских могилах немного — это, в основном, мелкие вещи: железные ножи, глиняные напярсла, каменные скребки и металлические шилья. Мужчин же нередко сопровождают массивный кинжал или меч, железный или бронзовый наконечник копья и топор-кельт, т. е. почти полное снаряжение воина. Обилие оружия, возможно, свидетельствует о началах формирования отношений военной демократии.

Другой особенностью, или характерной чертой, могильников является большое число железных вещей, нередко изготовленных на высоком технологическом уровне. Из железа были изготовлены наконечники копий, клинки кинжалов и ножей, топоры-секиры, удила, оковки для деревянной посуды и т. п. Для изготовления этих изделий требовалась большая сноровка и многолетний опыт не одного поколения кузнецов. Можно сделать вывод на конкретном материале о том, что в средней полосе Восточной Европы, и в Марийском крае, добыча железа и производство из него изделий возникают довольно рано, может быть на рубеже II и I тысячелетий до н. э.

И третья характерная черта — это бедные и богатые погребальным инвентарем захоронения, свидетельствующие о происходящей в родовом коллективе имущественной дифференциации.

Одним из наиболее выразительных предметов анань-

инской культуры являются втульчатые бронзовые кельты. Встречаются они и у других племен эпохи раннего железа лесостепной полосы Евразии, но форма их в разных районах различна. Например, к востоку от районов Средней Волги и Нижнего Прикамья распространены плоские кельты с линзовидным, овальным или шестигранным сечением втулки. Их принято называть ананьинскими кельтами. К западу от указанных районов, вплоть до территории скандинавских стран, широко представлены кельты с трубчатой втулкой удлинённых пропорций и с одним ушком с боку втулки.

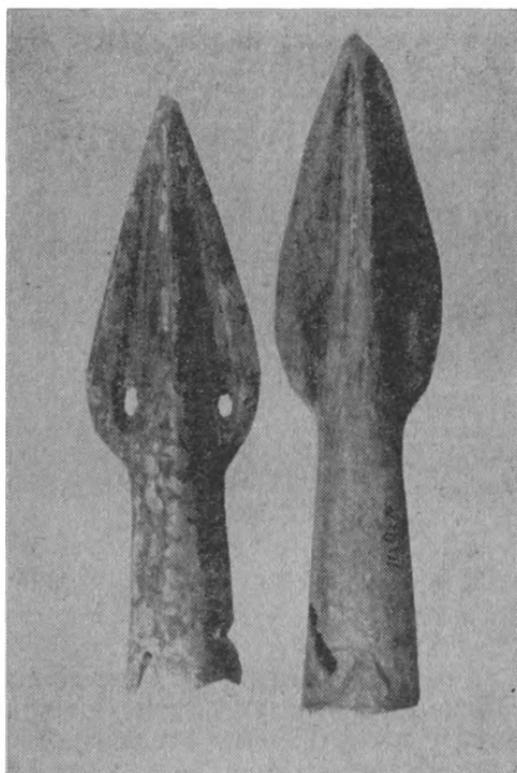

Бронзовый кельт и способ крепления.

Такие кельты получили название «меларских» по западному образцу. Но обилие их в Акозинском могильнике позволило А. Х. Халикову назвать их кельтами акозинско-меларского типа. А в Марийском крае бытуют обе эти формы кельтов.

Характерно, что кельты этих типов совместно в одной могиле, за редким исключением, не встречены. В недавно опубликованной статье (1975 г.) В. С. Патрушев указывает 349 кельтов с территории нашего края. Сейчас уже несколько больше, так как кельты найдены и в 1975 году. А в Акозинском могильнике был найден железный кельт, аналогичный скифскому кельту из «Частых курганов» у г. Воронежа.

Другим, также часто встречающимся оружием, являются втульчатые наконечники копий из бронзы и железа. Бронзовые копья имеют иногда прорези на боковых перьях. Наконечники стрел, кроме металлических, встречаются из кремня и кости. Стрелы, очевидно, носились в колчанах, в могилах были найдены дужки от колчана. Изредка встречаются железные боевые топоры типа клевца.

Бронзовые наконечники копий. Акозинский могильник.

Старший Ахмыловский могильник дал несколько уникальных железных кинжалов с бронзовой рукоятью. В 1971—72 годах уникальный кинжал был найден и в Акозинском могильнике. Он имеет плоскую бронзовую рукоять, украшенную по широким поверхностям резными параллельными полосками и зигзагами. На вершине рукояти имеются изображения двух направленных друг к другу головок фантастических животных. Другой кинжал из этого же могильника имел также бронзовую рукоять с прорезными выступами по боковым краям. Эти кинжалы были найдены в богатых мужских захоронениях. В первом случае кроме кинжала с костяком были железный стилет (орудие с острым концом), наконечник дротика, железный нож, однокольчатые удила, трехдырчатые псалии и бронзовая гривна. Аналогии

Женский костюм. Реконструкция. Акозинский могильник.

многим из этих предметов можно найти на Северном Кавказе. Очевидно, связь племен раннего железного века Марийского Поволжья с племенами Кавказа установилась по Волге и Каспию. Причем эта связь была в наиболее ранний период, до VI в. н. э. А с конца VI в. до н. э. степи Нижней Волги и Подонья были захвачены скифо-савроматами, преградившими путь между Средним Поволжьем и Северным Кавказом. И с этого времени чувствуется влияние скифов на племена Волго-Камья.

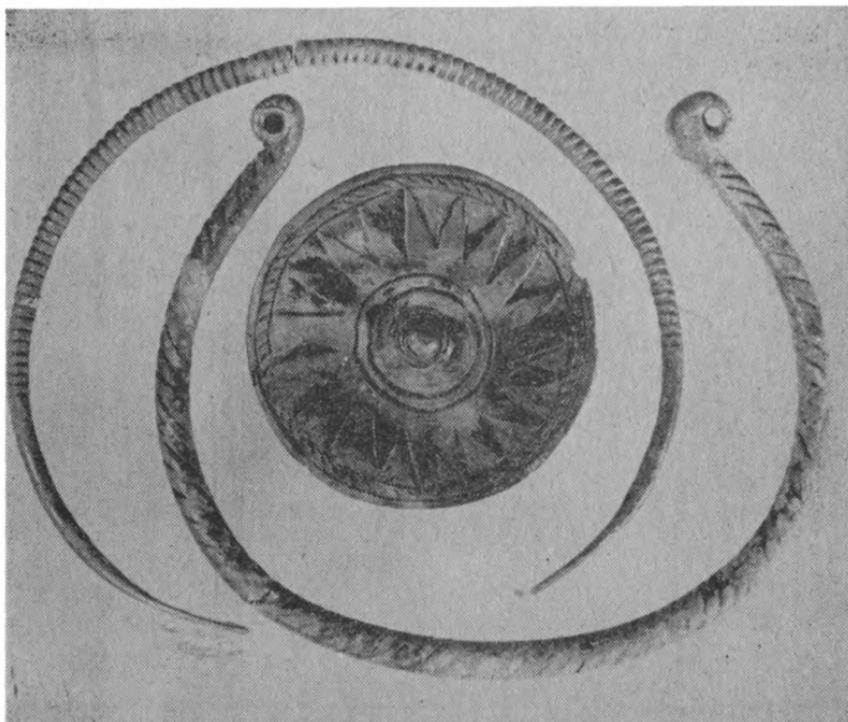
Богатый материал дают могильники для реконструкции украшений женского и мужского костюмов. Укра-

шались головной убор и голова, шея, грудь, рукава и пояса. Из головных украшений наиболее интересными являются налобные венчики, особенно богато оформленные у женщин. Вот один из них. В погребении 62 Акозинского могильника основой сложного составного венчика была кожаная полоса шириной в 4—4,5 см. Общая длина всего убора свыше 60 см. Центр убора составляла крупная медная полуовальная бляха, пришитая к кожаной основе. От нее симметрично в обе стороны располагаются следующие составные части: по одной широкой пластинчатой обойме и по 2 узких медных пластин; затем 5 свернутых из медных полос трубочек, очевидно, нанизанных на нить, концы некоторых крепились к кожаной основе; по концам венчика были широкие крупные медные пластины с округленным одним концом. Все детали украшений пришивались к основе. Этот венчик один из наиболее ранних в могильнике и может быть отнесен к VIII—началу VII вв. до н. э.

Описанный тип венчика можно считать характерным для населения Марийского края в эту эпоху. Подобные были и в Старшем Ахмыловском могильнике. Интересно, что еще П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков отмечали большое сходство абашевских украшений женских головных уборов с ананьинскими. Они писали: «весьма вероятно, что убор абашевских женщин, состоящий из бронзовых бляшек и подвесок, послужил одним из компонентов ананьинского убора, также изобилующего металлом». Далее они отметили, что абашевские традиции в ананьинской культуре оказались очень устойчивыми, приведя в качестве примера именно женский головной убор в виде венчика, являвшийся одним из характерных элементов материальной культуры народов Поволжья в конце I тысячелетия до н. э. и в I тысячелетии н. э. Этот вывод, сделанный указанными исследователями по материалам абашевских могильников Чувашии, может быть подтвержден и материалами абашевских курганов Марийской АССР, в том числе и Горномарийского района (Виловатовские и другие курганы, о чем было сказано выше).

Встречаются менее сложные, а иногда даже очень простые, состоящие лишь из одной бляхи, украшения головных уборов.

Иногда бляхи, пластинки на венчике имеют орна-

Бронзовые гривны и нагрудная бронзовая бляха. Акозинский могильник.

мент в виде точек, выпуклин. Эти украшения сделаны из местных медных листов. А в Старшем Ахмыловском могильнике на венчиках были медные накладки с изображением животных. Например, на налобном венчике из погребения 840 была накладка с изображением крупа, ног и хвоста лошади. В верхней части крупа нанесен резной рисунок солнечного круга с расходящимися лучами. Все тело лошади покрыто чеканным орнаментом из пунктирных линий. На накладке другого конца венчика изображены задние тонкие ноги в движении и мохнатый хвост какого-то другого животного. Нижняя часть обеих накладок украшены спиральными и крестовидными узорами. Можно предположить, что эти накладки вырезаны из одной привозной пластины. Чеканные узоры и спирали характерны для северо-кавказских изделий.

На некоторых пластинах головного венчика изображены фантастические хищники. В погребении 800 найден сложный составной венчик обычного типа, здесь были и две накладки подтрапецевидной формы. На концах одной из них нанесен чеканный узор в виде 4-х попарно расположенных двурогих подсвечников, завершающихся концентрическими кружочками с тремя язычками пламени. В центре расположено изображение крылатого льва в прыжке. Лев имеет человеческую голову. На голову одета корона с небольшими выступами. Образ крылатого льва с человеческой головой в короне можно сопоставить с ассирийскими образцами.

Изображение хищника дано еще на одной пластине налобного венчика из погребения 362 этого же могильника. Образ дан четкими рельефными контурами. Хищник как бы застыл перед прыжком: выгнутая спина, широко раскрытая пасть, хвост, поднятый вверх в виде стрелки, напряженные полусогнутые ноги. Рисунок в целом стилизован, однако все части тела можно легко определить. По технике исполнения рисунок напоминает изделия Северного Кавказа. Образ зверя заключен в рамку, вписанную в большой квадрат с точечными выбитыми наколами.

Отметим еще изображения рыб и рачьевидных существ на бронзовых накладках налобного венчика из погребения 218 Старшего Ахмыловского могильника. Рыбы изображены двояко: одна из них имеет массивную голову с глазами в виде двух концентрических кругов, массивный хвост, а по ним нанесены точки. Рачьевидные существа изображены не полностью. Их изогнутые «хвосты» и «тулова» покрыты поперечными насечками. Между ними покрытый одним рядом точек лапообразный отросток.

В отличие от женского мужской головной убор намного беднее: украшения его состояли из одной бляхи на шапке и височных спиральных подвесок. В Акозинском могильнике у височных подвесок концы расплющенные и завитые, а в Ахмыловском они простые, но сделаны из толстой проволоки. У мужчин шейное украшение — гривна — тоже простая без орнамента; женщины носили разнообразные и орнаментированные гривны, кроме того у них были и ожерелья из бус. Мужчины не имели нагрудных, наручных и других украшений, но

богато украшен был пояс различными накладками и иногда привесками. Женщины же не имели поясных украшений, но украшали грудь, иногда руки. Из нагрудных украшений некоторые имеют аналогии в древностях Северного Кавказа (бронзовая фибула кобанского типа без иглы, массивная бронзовая бляха).

Ряд вещей из погребального инвентаря, относящийся к орудиям труда, свидетельствует о занятиях населения земледелием и скотоводством. Это железные серпы, мотыжки, зернотерки, остатки льняных и шерстяных тканей, кости животных и т. п. Особо остановимся на вопросе о металлообработке бронзы населением Марийского края в связи с тем, что в последнее время были проведены спектральные анализы цветного металла в лаборатории Института археологии АН

СССР в г. Москве. Анализы проведены С. В. Кузьминых. В ананьинских памятниках найдены в значительном количестве объекты и предметы, связанные с литейным делом: ямы-очаги для плавки металла, тигли, льячки, литейные формы. Глиняные тигли и льячки найдены в Старшем Ахмыловском могильнике, Васильсурском, Копаньском городищах, Сиухинском и Малахайском поселениях. По подсчетам в реконструированных тиглях Копаньского городища можно было в среднем расплавить от 250 до 750 г меди, в тиглях Малахайского поселения — от 700 г до 1,2 кг; в тиглях Сиухинского поселения — 1,5—2,2 кг и т. д. Особый интерес вызывают литейные формы. Они найдены в Копаньском городище,

Мужской костюм. Реконструкция. Акозинский могильник.

на Сиухинском и Малахайском поселениях. Самым важным для нас является находка литейной формы для отливки кельта аозинско-меларского типа в культурном слое ананьинского времени городища Казанка I в Татарии при раскопках П. Н. Старостина. Таких форм на других волго-камских памятниках пока не известно. Находки литейных форм для отливки кельтов аозинско-меларского типа известны лишь у населения с так называемой текстильной керамикой. И сами кельты этого типа встречаются лишь в памятниках с подобной керамикой. При описании городищ Марийского Поволжья мы уже отмечали, что особенностью их является сочетание керамики двух типов — «текстильной» и ананьинской. Сочетание типов вещей двух культурных областей мы видим и на примере кельтов.

В памятниках Марийского Поволжья найдены и формы для отливки бронзовых наконечников копий — это Сиухинское поселение и Ардинское городище. В материалах Копаньского городища и Малахайского поселения имеются формы для отливки круглого в сечении дрота различного диаметра. Из таких дров могли изготавливать гривны, браслеты.

Судя по данным памятников раннего железного века нашего региона, мы можем говорить о дальнейшем совершенствовании литейной техники; усложнение этой техники требовало большого мастерства и навыков от литейщиков. При обработке отлитых изделий нередко необходимо было использовать различные кузнечные операции. Поэтому литейщик одновременно был и кузнецом. Очевидно, произошло и социальное обособление кузнеца-литейщика. Об этом свидетельствуют стандартные изделия и захоронения кузнеца-литейщика с набором соответствующего инвентаря. В Старшем Ахмыловском могильнике литейщик сопровождался в одном случае обломком тигля, в другом — плоскодонными тиглями. Захоронения кузнеца-литейщика известны и в других ананьинских могильниках.

Развитие производящих отраслей хозяйства, скотоводства, обработки металлов — бронзы и железа, — усиление в связи с этим межплеменных связей, — все это приводило к росту имущественной дифференциации внутри родовых общин и к возвышению отдельных родоплеменных вождей. И Аозинский и Старший Ахмы-

ловский могильники отчетливо констатируют эти явления. Показателем в этом отношении являются наличие богатых и бедных захоронений. А. В. Збруева также отметила несколько социальных групп людей в ананьинском обществе: вожди, родовая верхушка и свободные члены рода составляли полноправных людей рода. Допускается еще наличие немногочисленных рабов и неполноправных членов. Таким образом, в каждом роде существовали пять-шесть различных групп, погребения которых сопровождалась различными по количеству и качеству вещами. Конечно, погребальный инвентарь не может отразить всей сложности социальных отношений в обществе, но основные черты их все же можно проследить.

Прежде чем расстаться с ананьинцами, попытаемся определить роль и место их в дальнейшей истории края. Необходимо отметить, что на Средней Волге ананьинские памятники относятся к ранней поре существования ананьинской культурной общности, к VIII—VI вв. до н. э. После V в. до н. э. они здесь исчезают. Лишь на самой западной окраине Среднего Поволжья во 2 половине I тысячелетия существовали Васильсурское II, Малахайское городища. Но эти памятники относятся уже больше к городецкой культуре. А. Х. Халиков это объясняет тем, что в силу увеличившейся концентрации ананьинского населения на Нижней Каме в связи с тенденцией к образованию племенных союзов, они покинули Марийское Поволжье. А на Ветлуге, как отмечают исследователи, ананьинское население жило до начала нашей эры.

Выше мы отмечали, что ананьинцы появились в Поволжье и на Средней Волге в VIII—VII вв. до н. э. До появления ананьинцев на Ветлуге жили племена с «сетчатой» керамикой. Причем «сетка» представлена наиболее ранними комплексами, характерными рубежу II и I тысячелетий до н. э.—VIII в. до н. э. «Сетчатая» керамика Богородского городища, по мнению руководителя раскопок 1958 г. В. Е. Стоянова, имеет аналогии с керамикой селища «Бычки» у Галичского озера. А по наблюдениям М. Е. Фосс керамика селища «Бычки» генетически связана с более ранней местной керамикой. Таким образом, мы можем говорить о непрерывном генетическом развитии местных племен в Поволжье. В

Настоящее время можно считать, что на Ветлуге было население, близкое (или родственное) населению Костромского Поволжья и стоянок Галичского озера. Как известно, на Верхней Волге в эпоху раннего железа формируется дьяковская культура. Очевидно, и на Ветлуге можно было ожидать такой же путь развития, если бы не вторжение ананьинских племен. Ананьинцы господствовали на Ветлуге вплоть до первых веков нашей эры, когда здесь заселяются городецкие племена правобережья Волги. И с этого времени вся последующая история Поветлужья развивается как история городецких и их потомков древнемарийских племен.

Волжское правобережье вплоть до устья р. Камы уже в середине и второй половине I тыс. до н. э. занята племенами городецкого типа. В это время появляются такие памятники со смешанной культурой, как Чурачикский могильник на р. Цивиле, раскопанный В. Ф. Каховским.

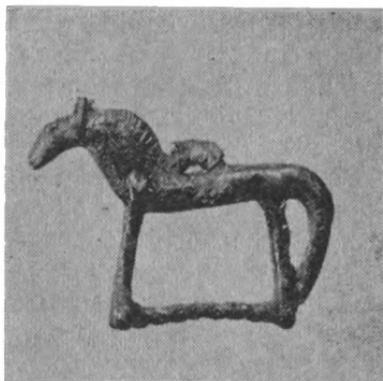
В отличие от Поветлужья, на Средней Волге ананьинские племена в своей культуре имели больше городецких и дьяковских черт. О смешанном характере ананьинских памятников Средней Волги неоднократно писали А. Х. Халиков и В. С. Патрушев. Если подойти строже к оценке материала памятников раннего железа Средней Волги, то можно лишь условно отнести их к ананьинской культуре. Во всяком случае пребывание ананьинцев на Средней Волге и Ветлуге было эпизодом в истории этого края. Поэтому пока еще нельзя считать, что в основе последующих культур Средней Волги лежит ананьинский, или послеананьинский субстрат. Если говорить о субстрате, то ананьинцы сами в Марийском крае имели не прикамский, а средневолжский субстрат.

На Нижней Каме ананьинская культура перерастает в пьяноборскую культуру, или, как назвал ее в последнее время В. Ф. Генинг, чегандинскую (III в. до н. э.—II в. н. э.). Памятники этой культуры неплохо изучены на Каме, а на Ветлуге и в Марийском Поволжье их пока нет. Создается впечатление, что в это время Средняя Волга в пределах Марийского края приходит в запустение. Но это может объясняться недостаточными пока поисками памятников или же какими-то серьезными преобразованиями в развитии общества, которые пока археологами не улавливаются.

Глава V

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ МАРИЙЦЕВ

(раннее средневековье)

Период после раннего железного века и до начала средневековья (это время от II в. до н. э. до V в. н. э.) в истории Марийского края был периодом дальнейшего развития производительных сил, периодом интенсивного этнического процесса, периодом активных контактов различных племен. К сожалению, мы очень мало знаем о II и I вв. до н. э., так как археологические памятники этого времени не известны. Более или менее хорошо изучены послеананьинские памятники в Прикамье. В Камско-Бельском междуречье возникает Чегандинский племенной союз в результате интенсивной концентрации здесь населения ананьинского времени. Период чегандинской культуры (III в. до н. э.—II в. н. э.) известен еще как пьяноборская эпоха. На Средней Волге в пределах Марийского края мы пока не знаем такого племенного союза. Ананьинское население, как уже отмечалось, постепенно исчезает, уступив место городецким племенам. Последние еще не сформировались в племенной союз, так как в отличие от ананьинцев, которые сосредотачивались в союзы, продолжали расселяться по Волге, занимая довольно большие пространства, что не давало возможности создать подобные чегандинцам союзы. То есть здесь мы имеем примеры разных исторических процессов в двух соседних областях, отвечающим конкретным условиям. Поэтому, возможно, археологи и не находят столь яркие археологические памятники, как Аозинский и Старший Ахмыловский могильники. А история шла своим чередом. Следы пребывания городецких племен в Марийском Поволжье мы

наблюдаем на городищах (Васильсурское II, Малахайское и др.).

Поиски памятников рубежа I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э. привели нас к открытию такого интересного памятника, как Писеральские курганы. Летом 1958 г. Марийская экспедиция приехала в д. Писералы Горномарийского района для раскопок курганов, известных у местного населения под названием «нагорный дом» и расположенных в 400 м к юго-западу от деревни на краю высокого правого берега р. Большая Юнга, впадающей в Волгу. Первоначально мы заметили 3 четко заметных всхолмления и 3 сильно распаханных; затем, присмотревшись, заметили еще 2 еле заметных возвышения на пашне. Решено было раскопать все 8 курганов. Но 3 из них оказались простыми, очевидно, естественными всхолмлениями, а на трех нераспаханных курганах были многочисленные ямы кладоискателей, свидетельства и любознательности, и не совсем правильного понимания значения археологических памятников для изучения древней истории края. Местные жители рассказали нам, что их односельчане дважды, в 1929 и 1957 гг., проявили такой интерес к курганам. Но, к счастью, не все было разрушено и мы получили ценный материал по одному из интереснейших периодов истории края.

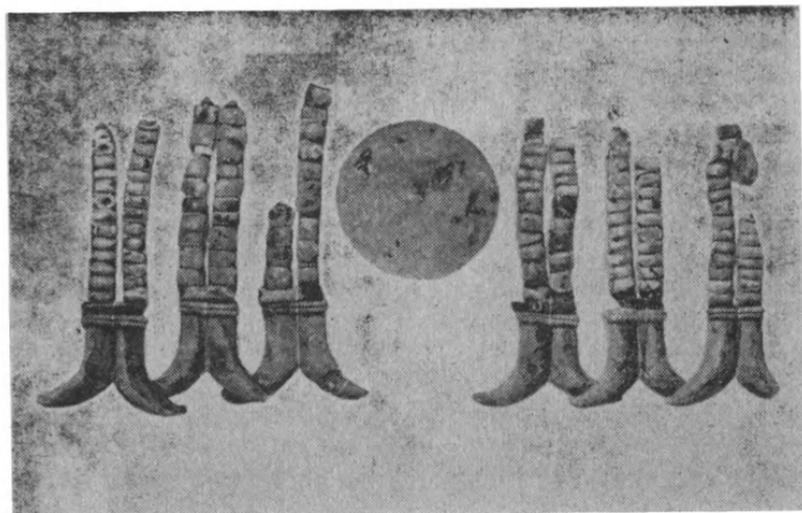
Раскопано, таким образом, пять курганов. Курганы эти занимали довольно компактную площадь 160x80 м. Как выяснилось раскопками, курган № 2, расположенный в центре группы, был самым большим по числу захоронений — их было 10. По 4 захоронения имели курганы №№ 1 и 4. А под курганами №№ 3 и 8 было по 2 захоронения. Естественно, нас больше всех может заинтересовать курган № 2 в центре группы. Здесь под насыпью одно из центральных мест занимало мужское погребение № 10. К сожалению, именно это захоронение и оказалось жертвой столь нежелательных раскопок школьников в 1957 году. Школьники нам рассказывали, что погребенный лежал в деревянном гробовище и был ориентирован головой на восток. И еще раз остается только сожалеть, что значительная часть вещей была утеряна. Но и то, что сохранилось и о чем удалось выяснить у наших «предшественников по раскопкам», школьников, можно с полным правом считать это по-

гребение одним из наиболее богатых мужских захоронений Писеральского могильника. При костяке были золотая серьга (судьбу ее не удалось выяснить), остатки ожерелья из более чем ста различных бус; железный двулезвийный меч, на нем сохранились остатки деревянных ножен; длинный железный наконечник копья; массивная железная пластинчатая поясная застежка; обломки двух бронзовых фибул (застежек), железный наконечник стрелы и др.

Остальные захоронения под этим курганом намного беднее, часть их разрушена или же очень плохо сохранилась.

Вероятно, не менее богатым было мужское захоронение № 1 под курганом № 1. Здесь, как и в погребении 10 кургана № 2, умерший мужчина был положен в большое и длинное гробовище. Костяк лежал головой на восток. Покойник был при украшениях и вооружении. Из украшений сохранились остатки ожерелья из различных стеклянных бус и бронзовая сюльгама-застежка ворота шерстяной рубахи. Намного больше было оружия. В районе таза — остатки кожаного пояса с медными накладками и железной пряжкой, к поясу справа на кожаном ремешке с медными накладками и проилями был подвешен железный кинжал с деревянной рукояткой, вложенный в кожаные ножны, конец которых окантован медными обоями, а к середине ножен с внешней стороны была прикреплена круглая бляха из белой бронзы; с левой стороны к поясу на ремне с круглой железной пряжкой был подвешен железный двулезвийный меч, вложенный в деревянные ножны, вероятно, окрашенные в красную краску и имевшие в нижней части, ближе к середине, украшение из крупной бляхи белой бронзы. На рукояти и лезвийном конце меча лежали три наконечника стрел, вероятно, вложенные в несохранившийся колчан. Несколько непонятным является железный стержень длиной в 34 см, составленный из двух массивных перевитых дров и заостренный на конце. Он лежал на правой тазовой кости. А. Х. Халиков предполагает, что это жезл военачальника. Может быть это и так, но утверждать с полной уверенностью об этом нельзя.

Когда раскапываются курганы, археологов интересует, кроме всего прочего, характер курганной насыпи.

Нагрудные украшения. Писеральские курганы.

В Писеральской группе удалось обнаружить, что первоначально небольшие насыпи были над каждым из погребений и лишь затем создавалась общая насыпь. Можно наметить и порядок захоронений. Вначале, очевидно, выделяющийся своим положением умерший погребался в могильной яме, над которой сооружалась небольшая насыпь. Другой умерший, также выделявшийся своим положением в обществе, погребался в некотором отдалении по такому же обычаю. Затем умершие родственники этих знатных людей погребались поблизости от него и также имели небольшие возвышающиеся насыпи. И так шло дальше. Под конец насыпали общий курган. Таким образом под насыпью погребения оказались расположенными вокруг центрального захоронения.

Наиболее характерными украшениями костюма в Писеральских курганах можно считать нагрудные украшения, нашитые на ткань и состоящие из круглой бляхи в середине и так называемых сапожковидных привесок на шнурках, нанизанных медными обоймочками. Другой тип этих украшений состоял из бронзовой литой ажурной бляхи четырехугольной формы с тремя выступающими шляпками по узким краям и железной

иглой с бронзовым приемником на задней стороне. Такую бляху с некоторой разновидностью у других экземпляров можно считать характерной для населения, оставившего Писеральские курганы.

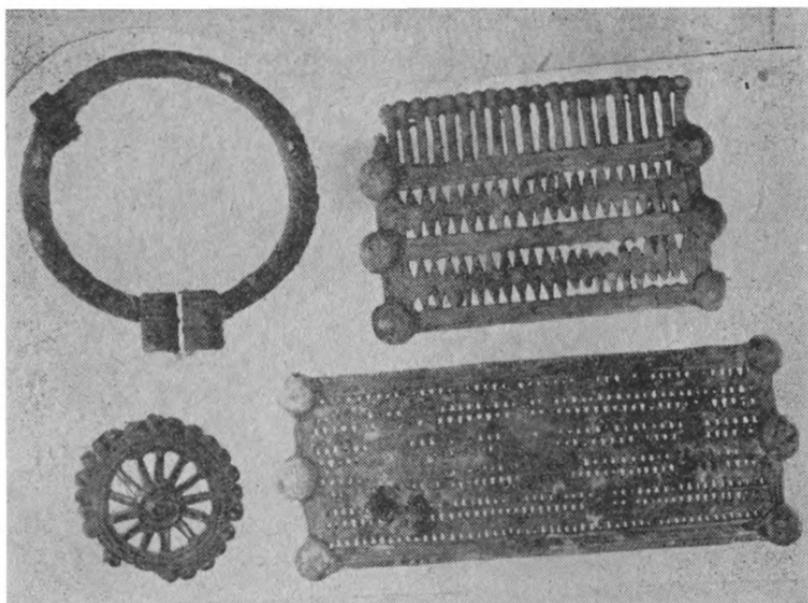
Довольно распространенными были сюльгамы-застежки, служившие не только украшением, но и в качестве застежки ворота рубахи.

Часто встречающимися находками являются пояса. Они представлены ремнями, украшенными конусовидными бляшками со жгутовым оформлением по краям. От ремня свисали на ремешках, нанизанных бусами, сапожковидные подвески. Застегивались ремни железными пряжками.

Обращает внимание отсутствие украшений рук, обуви.

Писеральский курганный могильник как по погребальному обряду, так и инвентарю является единственным в нашем крае. Вообще курганы не характерны для Марийского края I тысячелетия н. э. Есть курган в Кировской области у д. Большой Яснур Советского района. В 1956 году мы осмотрели его. В середине кургана была большая яма от кладоискательских раскопок. Местные жители нам рассказывали, что при этих раскопках были найдены железные вещи, одна из них была похожа на наконечник копья. На кургане росли довольно большие березки и раскопки мы не производили. Но исследование, проведенное позднее И. Стефановой, оказалось безрезультатным. Летом 1961 года курган был разрушен траншеей. Возможно, этот курган относился тоже к началу I тысячелетия н. э. и мог быть похожим на Писеральские. Интересно, среди местного населения курган был известен под названием «Человек-гора», где, якобы, похоронен марийский вождь. По другой легенде под курганом спрятаны сокровища разбойников.

Более близкой аналогией к Писеральским курганам является Андреевский курган, входящий в состав курганной группы из четырех насыпей, расположенный у с. Андреевки Ичалковского района Мордовской АССР. В 1963 и 1964 годах П. Д. Степанов раскопал один курган. В виду особой важности этого памятника для понимания характера Писеральских курганов подробно остановимся на материалах раскопок Андреевского кургана. Как и в Писералах, в Андреевском кургане

Нагрудные украшения. Писеральские курганы.

выделяется своим богатством и особенностями обряда захоронения центральная могила № 25, где, как полагает П. Д. Степанов, захоронен племенной вождь. Умерший был положен на невысокий деревянный помост в центре могилы. Из украшений имелось ожерелье из стеклянных золоченных бус. Ремёнь был украшен бляшками, литыми из бронзы, по форме напоминающие две развернутые носками сапожки («сапожковидные»). Племенной вождь — прежде всего воин и его сопровождало вооружение: кольчуга, шлем, копье, сулица (короткое метательное копье, состоявшее из древка и металлического наконечника, напоминающего копье), меч, кинжал и колчан со стрелами. Были здесь и железные удила. В этой же яме лежали останки сопровождавших в загробную жизнь дружинников и слуги-рабы.

Вооружение сопровождало и другие костяки. Многочисленны были и украшения. Многие их типы имеют аналогии в Писеральских курганах. На это обстоятельство обратил внимание и П. Д. Степанов. Он писал, что «необычайная близость андреевских вещей к

писеральским находкам заставляет считать оба памятника, входящими в круг одной культуры»... Кроме того, тот же П. Д. Степанов указал на аналогичные вещи из городища Пичке-Сорче в Чувашии.

Анализ вещевое инвентаря позволил исследователю выделить 3—4 компонента: городецкий, пьяноборский и сарматский. Четвертый компонент—древнемордовский, выделенный П. Д. Степановым, можно отождествить с городецким. В целом Андреевский курган является памятником, продолжающим традиции городецкой культуры и легшим в основу мордовской материальной культуры и этноса. Курган датируется I—III веками н. э. Появление курганов Андреевского типа (известен еще раннее изученный Сергачский курганный могильник) в Мордовии П. Д. Степанов склонен объяснить продвижением на север более южных племен. Этим же потоком можно объяснить и появление Писеральских курганов.

Существует две точки зрения относительно этнической принадлежности Писеральских и Андреевского курганов. А. Х. Халиков считает, что они оставлены пьяноборскими племенами, продвигавшимися на запад. П. Д. Степанов истоки культуры Андреевского кургана находит в местной, городецкой среде. Очевидно, ближе к истине П. Д. Степанов. В. Ф. Генинг в своей монографии о Чегандинской культуре также пришел к выводу, что в правобережье Волги в пьяноборское время (III в. до н. э.—II в. н. э.) существовала своя яркая культура, синхронная чегандинской на Каме, и что памятники типа Андреевского и Писеральских курганов, городища Пичке-Сорче освещают заключительный этап развития этой культуры. Мы еще вернемся в конце главы к этой проблеме. А сейчас рассмотрим памятники последующих веков.

Эти памятники связаны с азелинской культурой, сформировавшейся в основном на Вятке на базе предшествующих культур пьяноборской эпохи. Основным исследователем азелинских памятников является В. Ф. Генинг. Он еще в 1963 году выпустил книгу «Азелинская культура III—V вв.». Основная территория, занятая азелинцами, ограничена Волго-Вятским междуречьем до р. Пижмы на севере. Лишь один могильник—Вичмарский—находится за Вяткой и два памятника—Сюкеевский могильник и Елховское городище—за Вол-

гой. До 1968 года наиболее западным азелинским памятником был Мари-Луговской могильник в Звениговском районе нашей республики у д. Мари-Луговая. Открытие в 1968 году Уржумкинского могильника также в Звениговском районе у д. Уржумка, напротив г. Новочебоксарска, отодвинуло границу азелинцев еще на запад. Таким образом, и на территории современной Марийской АССР жили азелинские племена.

Азелинская культура, как считает В. Ф. Генинг, уходит своими корнями к востоку, на р. Каму у впадения в нее р. Белой, где, как мы уже говорили, сосредоточивались в свое время ананьинские племена и где на их базе возник Чегандинский союз племен. Сравнительно мирная жизнь чегандинских племен во II в. была нарушена вторжением кочевников. Очевидно, произошло крупное столкновение с пришлыми кочевниками (на одном из городищ — Чеганда I отмечен слой пожара), в результате чегандинцы вынуждены были покинуть свое насиженное место. Уходили они двумя путями: по Вятке, где позднее сосредоточились в основном в пределах современного Уржумского и Малмыжского районов Кировской области, и по Волге на запад. Часть чегандинцев, очевидно, осталась на месте и ассимилировалась с пришлыми племенами.

Такая судьба одного из союзов племен на Каме. Племена, которые обосновались на Вятке и Волге, В. Ф. Генинг назвал азелинскими, по названию одного из наиболее широко изученных могильников. Первоначально азелинская культура была настолько похожа на предшествующую чегандинскую (пьяноборскую), что некоторые до сих пор ее считают последней стадией пьяноборской (чегандинской) культуры. Время существования памятников азелинской культуры ограничивается III—VI вв. н. э. На самой Вятке продолжение этой культуры пока не прослеживается. В. Ф. Генинг считает, что в V—VI вв. прикамское население начинает осваивать водоразделы и небольшие реки. Поэтому можно допустить, что азелинцы ушли на р. Каму и Кильмезь, левые притоки Вятки, где известен пока один памятник — упомянутый уже Вичмарский могильник. Возможно, они приняли участие в формировании удмуртского народа.

Судьба азелинцев, обитавших по Волге (Мари-Лу-

говской и Уржумкинский могильники), кажется более ясна. Мы можем проследить четкие следы их в древнемарийской культуре. Поэтому нас больше будут интересовать азелинцы поволжские.

Мари-Луговской могильник известен еще с 1914 года, когда местный помещик и земский начальник Тилле приказал произвести раскопки на месте находок древних вещей. В 1925—1926 и 1928 годах здесь копались местные школьники. Вещи с этих «раскопок» исчезли бесследно. А в 1929 году были проведены впервые научные раскопки Е. И. Горюновой. Из открытых ею 14 захоронений 7 оказались относящимися к IV—VI вв.

Эти материалы она опубликовала в 1934 году. Широкие археологические работы на памятнике были проведены в 1956 году Марийской экспедицией и вскрыто 45 погребений I тысячелетия н. э.

Погребения располагались рядами, хотя строгой системы не наблюдается. Интересно, что наиболее богатые из них лежали в первом ряду, т. е. ближе к краю террасы, или к реке, лишь одно богатое погребение было во втором ряду, остальные два ряда содержали погребения бедные. В этом можно усмотреть отражение процесса имущественной дифференциации.

Большинство умерших похоронены по одному в обычных ямах. Несколько погребений отличается от общепринятых. Это, во-первых, коллективное захоронение 39—40. Здесь были мужской, женский и два детских костяка, причем детские костяки лежали несколько выше. В погребении 40 в небольшой нише ямы были остатки берестяного короба с украшениями. Второй особенностью являются погребения с конем. Кости лошади

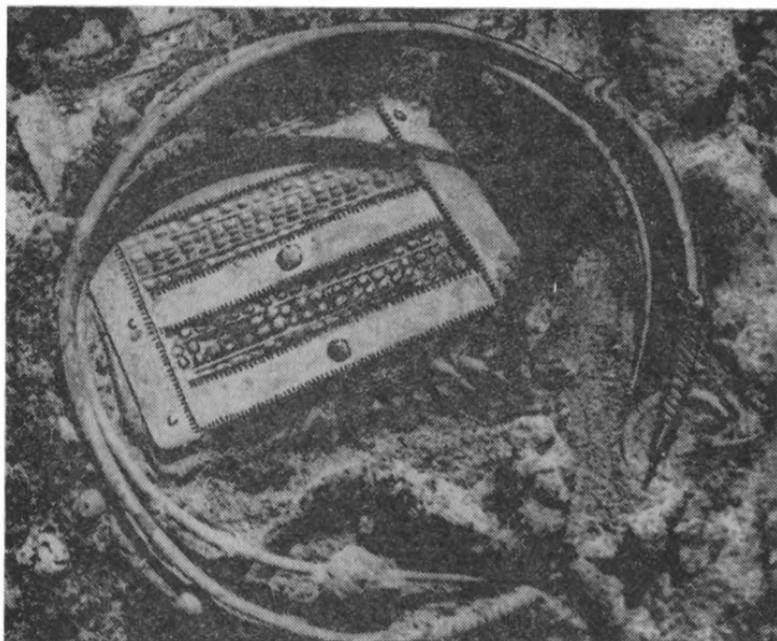

Нагрудные украшения. Мари-Луговской могильник.

были и в коллективном погребении 39—40 при мужском и женском костяках. В другом случае (погребение 14) слева от мужского костяка лежали кости ног жеребенка. Во всех случаях в могильных ямах находились лишь череп и кости ног.

Уржумкинский могильник занимал возвышения между жилищами эпохи бронзы. Погребения изучались вместе с раскопками жилищ. За 3 года (1968, 1970 и 1973) вскрыто 35 захоронений. Костяки лежали в основном на спине, иногда на подстилке из луба, бересты или досок. Три мужских костяка были на правом боку с подогнутыми ногами. Обычай этот не характерен для племен Марийского Поволжья. Появление его можно объяснить влиянием южных кочевнических племен. Как и в Мари-Луговском могильнике, два захоронения сопровождались черепами лошади в могильной яме. Черепа коней лежали в ногах, а в одном из этих погребений (№ 8) в области живота были две кости животных. Интересным является расположение двух черепов коня не в могильной яме, а в между ними. На одном из них крест на крест лежали две ключицы коня. Здесь же были железные удила.

По давно установившейся традиции у финно-угорских племен (Среднее Поволжье, как известно, было занято финно-уграми с древнейших времен) азелинцы имели богатый украшенный костюм. К сожалению, от одежды сохраняется очень мало. Так, нами в Уржумкинском могильнике найдены остатки меха и шерстяной ткани вместе с кожаным ремнем с медными накладочками. Есть одна особенность у медных или бронзовых изделий: они окисляются, образуя зеленоватый налет. Окислившиеся вещи лучше сохраняются. Недаром все изделия из меди и бронзы имеют лучшую сохранность, чем железные. Эта особенность меди помогает и археологам. Покрытые медной окисью части одежды иногда сохраняются до наших дней. Так было и в случае с Уржумкинским могильником. Благодаря существующему обычаю, в древности хоронили умерших в лучшей одежде (иногда, правда, встречаются и с заплатками) со всеми украшениями. Надевали и верхнюю одежду, в частности, из меха. Нередко она подпоясывалась ремнем. А поскольку на ремне всегда имеются медные или бронзовые украшения, то окисью меди покрываются и

Гривны и нагрудные украшения, Уржумкинский могильник.

части одежды. Остатки одежды иногда сохраняются и под другими медными украшениями.

Мы не имеем возможности восстановить характер одежды азелинцев, но можем определить типы украшений. По некоторым деталям известно, что азелинцы имели шапочку, обшитую медными узкими бляшками с тремя выпуклинами. Эти бляшечки скорее всего нашивались на ремешок шириной до 2 см. Такой ремешок получил название венчика, нашитого на край шапочки. Иногда медные бляшки округлых или других форм нашивались и по верхней части шапочки. Остатки таких шапочек были изучены В. Ф. Генингом.

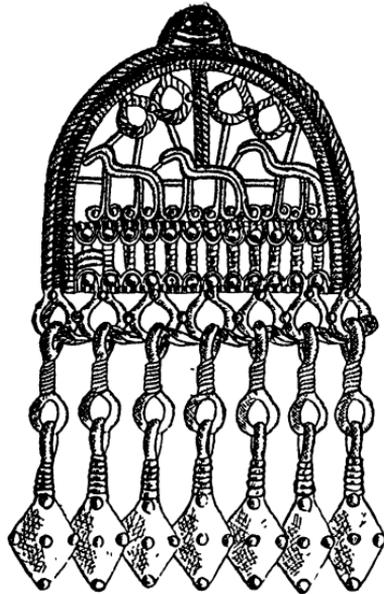
К украшениям головы относятся и так называемые височные подвески. Они опускались от шапочки или от волос по вискам с обеих сторон. В Мари-Луговском и Уржумкинском могильниках основным видом женских височных украшений являлись привески из шерстяных нитей или жгута с нанизанными на них спиральевыми пронизками, иногда бусами, оканчивающиеся бронзовы-

ми кольцами с тремя утолщениями по кольцу. Такие кольца являются специфичными для азелинцев. В Уржумкинском могильнике встречены небольшие круглопроволочные кольца без утолщения. В вятских азелинских могильниках были височные украшения в виде конических привесок. В наших же краях такие подвески найдены только в одном погребении Уржумкинского могильника. В целом, надо отметить, что украшения головы азелинцев Марийского Поволжья беднее, чем азелинцев Вятки.

Шея украшалась металлическими гривнами в основном двух типов—круглопроволочных и четырехгранных в сечении. Иногда гривна обматывалась тонкой медной проволокой вперемежку с нанизанными бусами. Большой любовью азелинцев пользовались разноцветные бусы. Они входили в состав ожерелья и нагрудных украшений. Ожерелья являлись украшениями женских и подростковых костюмов.

Из других украшений наиболее характерными являются рамчатые прямоугольные нагрудники. Они изготовлены из медных (бронзовых) пластин, образующих прямоугольную рамку. Внутри рамки горизонтально располагались такие же пластины и между ними нанизанные на шерстяную нить разноцветные бусы. По нашим наблюдениям, эти рамчатые нагрудники являлись украшениями кафтана. В. Ф. Генинг их нашел на передниках в захоронениях Азелинского и Суворовского могильников. Рубаха, очевидно, украшалась бусами, нашитыми на лоскуток ткани.

Очень популярными у азелинцев были украшения с изображениями коней в профиль. Одни из них литые, с петелькой в спинной части для подвешивания. Передние и задние ноги стреножены вместе. Ни один азелинский могильник не обходится без такой подвески и нигде больше такие коньки не встречаются. Изображения коней имеются и на других литых нагрудных украшениях. Эти вещи более сложные, они изготовлены из медной проволоки и представляют так называемую арочную основу (низ горизонтально-прямой, верхняя часть округлена и имеет петельку для подвешивания). На этой арочной основе имеются изображения коней, идущих друг за другом. Как правило, основа имеет привески на цепочках. Этот тип нагрудного украшения из-

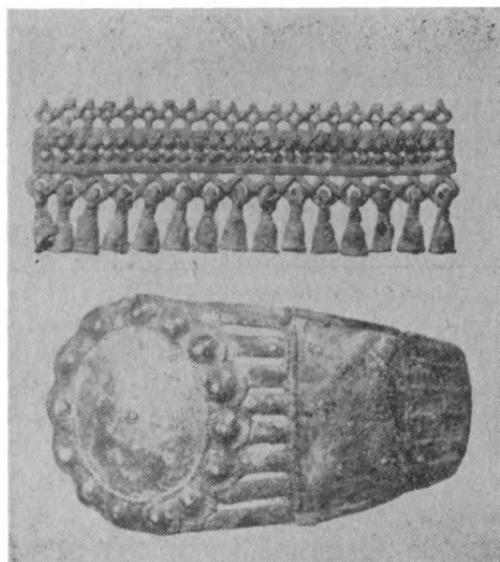
Арочная коньковая подвеска. Уржумкинский могильник.

вестен только в азелинских памятниках. Судя по тому, что и коньковая подвеска, и арочное украшение довольно массивны и при погребенных всегда находятся в верхней части, т. е. выше остальных нагрудных украшений, они являются принадлежностью верхней одежды.

Учитывая многочисленные находки украшений с образами коней, можно утверждать, что у азелинцев сильно был развит культ коня, сохранившийся у многих финно-угорских народов до недавнего времени.

Описанными типами не ограничиваются нагрудные украшения. Многочисленными являются украшения, имеющие еще и практическое назначение. Это, прежде всего, ажурные застежки в виде сьюльгам (кольцо с иглой) или в виде круглых блях (литых и штампованных). Ажурные застежки и сьюльгамы довольно разнообразны и служили для застегивания ворота рубахи. Круглые штампованные бляхи из бронзовых дисков с концентрическими кругами в центре также имели небольшое отверстие и иглу, но эти диски скорее всего являлись только украшениями.

Вообще в Мари-Луговском и Уржумкинском могиль-

Нагрудное украшение и эполетообразная застежка. Мари-Луговской могильник.

никах нагрудные украшения отличаются наибольшим разнообразием.

Сравнительно мало украшений рук. Браслеты довольно простые: из круглопроволочного дрота с несомкнутыми концами или витые из двух тонких проволок. Наиболее характерным украшением пальцев являются проволочные перстни, имеющие щиток из трех парных горошин.

Как уже было отмечено выше, неотъемлемой частью как женского, так и мужского захоронения являются пояса, причем мужские и женские отличаются между собой. Наиболее богатым, как можно догадаться, были пояса женщин. Они изготовлены из кожаного ремня шириной до 7 см. Застегивались при помощи больших (до 20 см длиной) застежек, имеющих вид эполет царских времен. Они и называются эполетообразные застежки. По всей длине ремня имелись накладки в виде узких медных пластин. Иногда на ремне были большие диски из халцедона. Мужские пояса намного скромнее. Во-первых, они уже, застегивались чаще всего железной пряжкой круглой или овальной форм. На ремне также имелись медные пластины в виде вытянутых ром-

бов с закругленными концами. Очевидно, от основного ремня спускались ремешки с медными пластинчатыми наконечниками.

Этнографам было бы интересно знать, какую обувь носили азелинцы? При раскопках Мари-Луговского и Уржумкинского могильников остатков обуви не было, но были металлические украшения ее и пряжки. Их назначение можно определить по аналогии обуви из Азелинского и Суворовского могильников. Как удалось установить В. Ф. Генингу, кожаная обувь стягивалась от пятки к подъему кожаным ремешком с медной или реже железной пряжкой. На носках были прикреплены медные пластинки, а иногда вместо них шумящие подвески с привесками в виде гусиных или утиных лапок, какие были найдены в Уржумкинском могильнике.

Как могли заметить по вышеизложенному женскому или мужскому костюму, характерным в нем является большое количество металлических украшений с привесками на цепочках, на шерстяных или кожаных шнурах. Эти украшения при малейшем движении шумели, издавали иногда довольно мелодичный звук. Отсюда и в археологической литературе эти украшения называются шумящими. Наличие таких подвесок — характерная черта финно-угорских племен почти на всем протяжении их истории. Вспомните недавние марийские женские костюмы, посмотрите экспозиции музеев, и вы убедитесь в справедливости этих слов. Но здесь мы должны отметить, что все эти шумящие украшения с изображением различных животных, птиц имеют свой смысл, отражая мировоззрение народа. Это же относится и к украшениям глиняных сосудов, различных поделок из кости, металла и другого материала всех эпох. Мы позднее несколько подробнее остановимся на этом интересном вопросе. А по существу, исследование древнего искусства, его идеологии и мировоззрения нуждается в специальном занятии. К сожалению, такого рода работ у нас еще нет.

В. Ф. Генинг определил характер хозяйства азелинцев, их общественного строя по многочисленным остаткам орудий труда и оружия, по погребальному обряду азелинских памятников Вятки. В Марийском Поволжье меньше набор железных орудий и оружия, но то, что есть, может дать нам представление о занятии населе-

ния. Основным видом орудий труда являлись железные топоры. Азелинская эпоха положила начало широкому распространению таких топоров. В Мари-Луговском и Уржумкинском могильниках их найдено 20 экземпляров. В эту эпоху появляются уже проушные топоры наряду с раннеизвестными втульчатыми (типа пешни). Железные топоры играли большую роль при подсечно-огневой форме земледелия, когда надо сначала подсекать деревья, чтобы они высохли, затем валить их и сжигать. Мы в предыдущих разделах уже отмечали, как растет производительность топора при переходе от каменных к металлическим, в частности медным и бронзовым. Железный топор был намного производительнее бронзовых топоров.

Еще больше было железных ножей. Это орудие в то время могло быть универсальным. Им мог пользоваться и охотник, и скотовод, и земледелец, и домохозяйка. Ножи встречаются как в мужских, так и в женских могилах.

В обработке дерева и шкур животных мог использоваться железный двуручный скобель, найденный в Уржумкинском могильнике. Многочисленные мелкие бытовые предметы (шило, проколка, пряслица, точила, кресала и др.) характеризуют быт и домашнее занятие жителей азелинских поселков.

Азелинская эпоха, как и предшествующая ананьинская, судя по находимым оружием, была отнюдь эпохой не мирной. Происходили, очевидно, и военные столкновения. На вооружении азелинцев были мечи, кинжалы, копья, лук со стрелами. Часть воинов была конниками — найдены удила.

Все необходимые оружия и орудия труда изготовлялись азелинцами. Среди них были кузнецы, литейщики, гончары и другие специалисты. Например, в Азелинском могильнике была могила кузнеца с полным набором кузнечных инструментов: клещи, молоток, напильник, наковаленка, небольшой нож для гравировки по меди и бронзе. Медные изделия, в основном украшения, могли изготовляться и обрабатываться женщинами. В Суворовском могильнике в одном женском захоронении был интересный набор инструментов для обработки медных изделий. Здесь небольшой ювелирный молоточек и железная наковаленка, сланцевая литейная форма для

отливки мелких украшений, заготовки меди и олова, много проволочек, пластинок и пр. Несомненно, те разнообразные украшения, которые мы наблюдаем у азелинцев, являются продукцией местных мастеров. Свидетельства литейного дела имеются и в Мари-Луговском могильнике (глиняная льячка). Обработка кожи, изготовление ткани, изготовление деревянных бытовых и производственных предметов — все это довольно развитые виды ремесла. Шкуру азелинцы получали от скота, который составлял один из источников существования населений. Очевидно, азелинцы жили в то время, когда «произошло второе крупное разделение труда: ремесло отделилось от земледелия». (Ф. Энгельс). А это привело к социальным сдвигам в сторону дальнейшего разложения родового строя, к имущественной дифференциации, к выделению родовой верхушки, вызвавшее обострение отношений и борьбу между отдельными членами рода и, в конечном счете, гибель всего родового строя.

В начале главы мы отметили, что первая половина I тысячелетия н. э. является периодом интенсивных этнических процессов. И это действительно так. Для удобства характеристики мы отдельно описывали памятники городецкого и азелинского типов. На самом деле, эти памятники не представляют чисто городецкий или чисто азелинский тип. Да этого и не могло быть. Как уже отмечено, ананьинские памятники также являются памятниками смешанного характера. Почему это так получается? Как объяснить такое явление? Дело в том, что любая археологическая культура (да и культура более поздних эпох) имеет центр своего развития, где наиболее ярко проявляются специфические черты этой культуры. И чем дальше ее граница от центра, тем больше вероятности отличия некоторых черт ее или в силу слабой связи с центром, или в силу воздействия других культур, соседствующих с ней. Последнее нередко играет решающую роль, и мы видим на периферии смешанную культуру. И, как правило, на периферии, в зоне контакта возникает новая культура, впитавшая в себя элементы этих культур.

Подобная картина прослеживается и в Марийском Поволжье, в Марийском крае в целом. Основными компонентами, составными частями этого процесса были

городецкие и азелинские племена. В настоящее время общепризнано, что азелинские племена сложились на основе племен пьяноборской (чегандинской) культуры и являются прямыми продолжателями культуры ананьинцев и чегандинцев. Материальная культура азелинцев определяется чисто прикамской без примеси других культур финно-угорских племен. Правда, В. Ф. Генинг и в большой степени А. Х. Халиков отмечают влияние тюрко-язычных племен с эпохи великого переселения народов. Однако, нельзя, как нам кажется, чрезмерно преувеличивать роль тюркского (и угорского) населения в Прикамье. Для определения характера азелинских памятников надо учитывать следующее. Территория, занятая азелинцами, довольно велика. И в эпоху бурных этнических процессов, происходящих с начала I тысячелетия, разные группы азелинцев испытывали влияние разных культур и племен. Следует согласиться с П. Н. Старостиным, что в истории азелинцев Нижнего Прикамья большую роль сыграли более южные, земледельческие в основном, племена так называемой именьковской культуры. В отношении азелинцев Марийского Поволжья важно учитывать роль городецко-дьяковских племен. Казалось бы, что вятские азелинцы не испытывали больших влияний других племен. Однако это не совсем так. Исследования С. В. Ошибкиной Тюм-Тюмского могильника на Вятке вскрыли 66 азелинских захоронений. В этом могильнике среди типично азелинских вещей встречаются украшения, характерные для памятников городецко-дьяковского круга. Это различные круглые подвески, бутыльчатые привески, ажурные застёжки и т. п. В свое время, еще в 1930-х годах М. Г. Худяков отметил ряд параллелей и аналогий некоторым украшениям из Вичмарьского могильника (он расположен на Кильмези, в левобережье Вятки, в отличие от всех остальных, расположенных в правобережье), в могильниках рязанского течения Оки (т. е. городецких). К ним он отнес бронзовый браслет, налобный венчик, бронзовую сьюльгаму, нагрудную ажурную бляху.

Большее количество вещей западного облика имеют азелинские могильники нижнекамского региона. Здесь в последние годы П. Н. Старостин раскапывает несколько могильников азелинского типа. Особенности погребального обряда и вещевого комплекса этих памятников

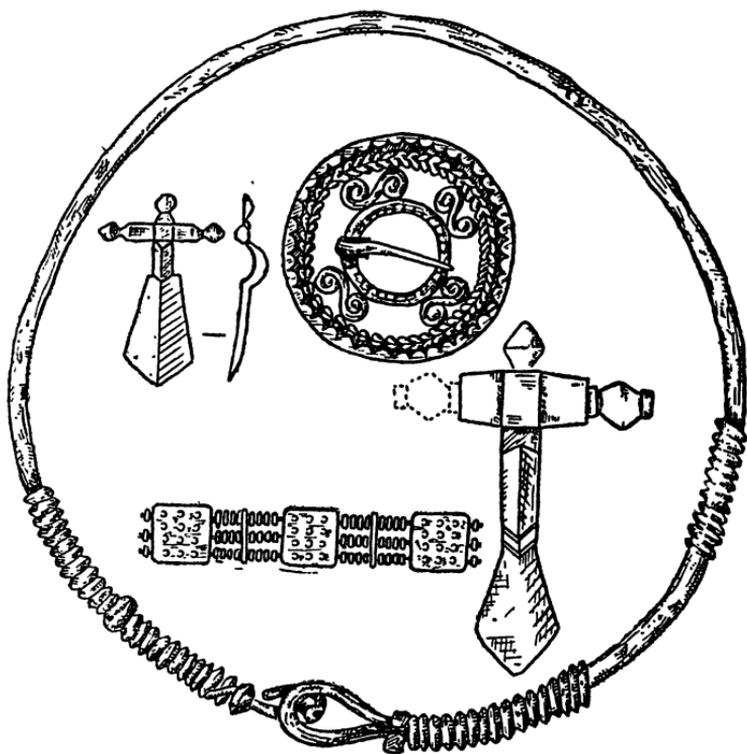
настолько значительны, что позволили исследователю считать их локальным вариантом памятников азелинского типа. В нижнекамских могильниках вещами западного происхождения являются головной жгут и височное кольцо со втулкой муромского типа; кольцевая застежка с тремя привесками, характерная больше для древностей мордвы; глиняный сосуд с плоским дном (а на Каме вплоть до XIV века сосуды круглодонные). Плоскодонные сосудики-чаши были в трех погребениях на могильнике пьяноборской эпохи Ныргында П. В. Ф. Генинг предполагает, что плоскодонные чаши свидетельствуют о включении в местную чегандинскую среду выходцев из Поволжья, по всей вероятности, через установление брачных связей между этими племенами.

Можно назвать еще немало вещей западного типа, в основном из украшений женского костюма. Есть даже одна ажурная подвеска с гнездами для эмали (типа Межонис), аналогия которой есть в Прибалтике и на западе европейской части СССР.

Еще более значительный материал городецко-дьяковского облика имеется в азелинских памятниках Марийского Поволжья (Мари-Луговской и Уржумкинский могильники). А. Х. Халиков отмечал, что «основной особенностью Мари-Луговского могильника является близость его погребального инвентаря к материалу могильников Западного Поволжья Кошибеевского типа». Эта же черта характерна и для Уржумкинского могильника, наиболее западного памятника азелинской культуры. Можно отметить гривны с напускными бусами и обмотанные медной проволокой, застежки-сюльгамы с несомкнутыми завернутыми концами, ажурные круглые застежки с привесками и без привесок, пирамидальные привески.

В погребальном обряде разбираемых нами могильников отличительным от азелинских могильников Вятки являются захоронения с частями коня. В Мари-Луговском могильнике, как уже отмечалось, части коня были в трех захоронениях, два погребения были в Уржумкинском могильнике и здесь же два черепа коня между могильными ямами.

Как известно по исследованиям В. Ф. Генинга и в последние годы С. В. Ошибкиной, в азелинских могильниках на р. Вятке нет захоронения с конем или с частя-

Головной венчик, гривна и нагрудные украшения.
Младший Ахмыловский могильник.

ми туши коня, не считая единственного случая в могильнике «Атамановы кости». Но захоронения частями коней были в азелинских могильниках Нижней Камы, причем в Нармонском могильнике кости лошади лежали в таком же порядке, как и в Мари-Луговском.

При публикации материалов Мари-Луговского могильника А. Х. Халиков писал, что части лошадиных туш «следует скорее всего рассматривать как южные позднесарматское влияние». Один из исследователей сарматской культуры И. В. Синицын отмечал, что «обычай класть в могилу кости коня (череп с копытами) типичен для позднесарматских погребений. При этом положение костей коня является ритуальной особенностью».

стью не только для мужских, но и для женских погребений». Кроме сарматских аналогий можно отметить захоронения коня в известном уже нам Андреевском кургане. Из раскопанных П. Д. Степановым 56 погребений этого кургана части коня были в трех захоронениях. Исследователь не указал истоки появления этого обряда в Андреевском кургане. В памятниках Мордовии, хронологически предшествующих кургану, нет этого обряда. П. Н. Старостин появление этого обряда в азелинских могильниках Нижнего Прикамья объясняет сильнейшим кочевническим воздействием на местный финно-угорский мир.

Сарматское влияние на племена Марийского Поволжья можно отметить и по некоторым другим деталям погребального обряда. Так, в Мари-Луговском могильнике Е. И. Горюнова отметила два погребения со скорченными костяком на правом боку. Еще два подобных захоронения на этом могильнике были вскрыты нами в 1956 году. Как известно, скорченные костяки характерны для степных кочевников от эпохи бронзы до сармат.

К сарматским же аналогиям можно отнести и обряд помещения в могильные ямы остатков мясной пищи. У кочевников подобный обычай встречается с эпохи ямной культуры. Кости животного (овцы?) были в Мари-Луговском могильнике.

Таким образом, мы можем считать, что в погребальном обряде азелинцев Марийского Поволжья имеется немало черт, сходных с деталями обряда сарматского мира. Это свидетельствует о значительном влиянии сармат на финно-угорский мир. Сарматское влияние наблюдается и в вещевом комплексе. П. Д. Степанов в инвентаре Андреевского кургана выделил комплекс вещей сарматского типа, немало сарматских вещей имеется в мордовских могильниках II—IV вв. н. э., раскопанных М. Р. Полеских. О поздних сарматских заимствованиях в марийском и мордовском языках пишет и марийский ученый языковед Ф. И. Гордеев.

Длительный контакт между племенами городецкими и азелинскими (а корни, истоки этого контакта идут далеко вглубь веков — к ананьинской эпохе и еще дальше) при значительном влиянии более южных кочевнических племен привел к процессу взаимоассимиляции, к так называемому процессу интеграции, в результате

чего появляется новая культура как синтез всех этих компонентов. Эта новая культура носит черты всех компонентов, принимавших участие в этом процессе. Формирование новой культуры отразилось и на археологическом материале. Наиболее яркими памятниками этой эпохи являются Младший Ахмыловский могильник и Кубашевское городище.

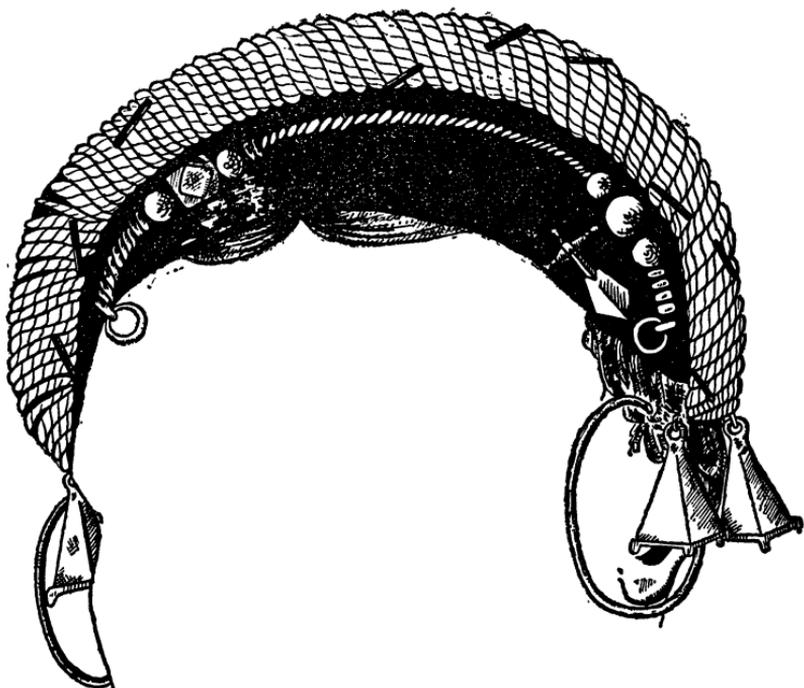
Младший Ахмыловский могильник находится на том же месте, что и Старший Ахмыловский, и открыт он в 1962 году. К настоящему времени в 70 могильных ямах вскрыто и изучено 75 захоронений, из них два — парные и одно коллективное, остальные — одиночные. В этом отношении погребальный обряд более однообразен, чем обряд предшествующих могильников. Но здесь есть обряд, который до сих пор в Марийском Поволжье не встречался — это трупосожжение (кремация), и оно составляет 26,6% от общего количества погребений. Судя по большому количеству вариантов (а их 5), обряд кремации не является еще устоявшимся. Один из вариантов имеет могильную яму обычных форм и размеров, характерных для обряда трупоположения (ингумация). Только вместо костяка по всей длине ямы размещались пережженные кости, украшения и вещи в таком порядке, в каком они находились при жизни (т. е. в порядке ношения).

Близок к этому варианту захоронение в яме обычных форм с размещением пережженных костей в северной ее половине и вещей в порядке ношения.

Другой вариант кремации можно назвать смешанным. В этом случае костяк обожжен только частично (чаще всего это череп). Следующие два варианта по своему характеру ближе друг к другу. Здесь пережженные кости лежат в одной или двух кучах с небольшим количеством вещей. Могильная яма при этом уже не подчетырехугольной, а овально-вытянутой или округлой форм.

Кремация производилась, очевидно, в специальных ямах без украшений и других сопровождающих вещей. Одна большая яма с золой и пережженными костями была на территории могильника.

Обряд ингумации довольно однообразен. Костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями. Руки были вдоль тела или иногда слегка согнуты в локтях. Голо-

Украшения головы, Реконструкция, Младший Ахмыловский могильник.

вой, как правило, ориентированы на север, иногда с небольшим отклонением на запад или восток.

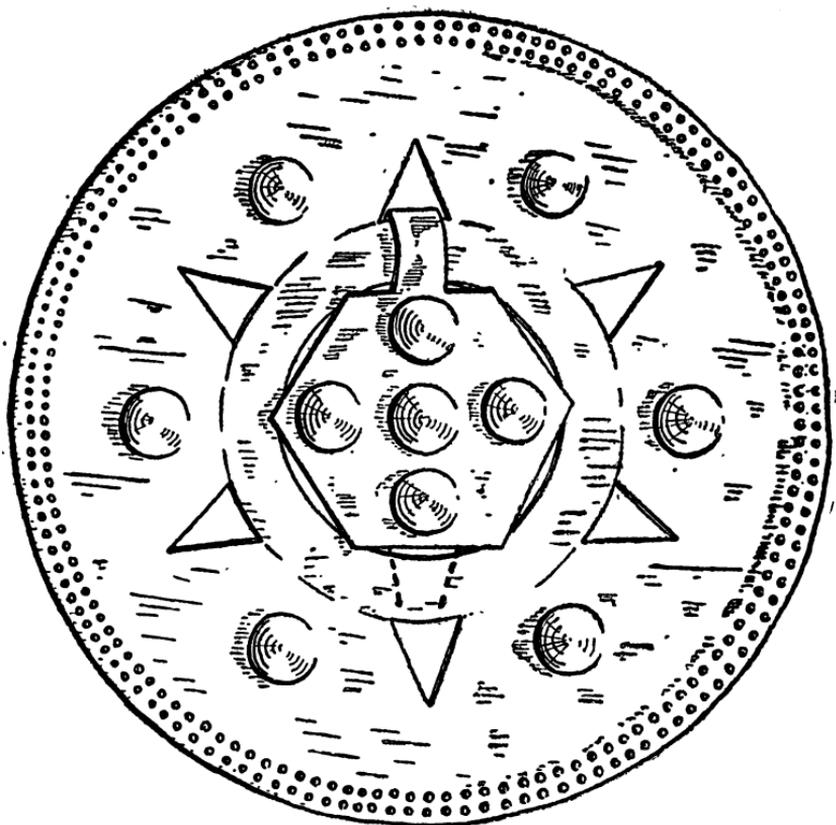
В могильных ямах, как при кремации, так и ингумации были, очевидно, подстилки из дерева (досок) или луба.

Погребальный комплекс Младшего Ахмыловского могильника по типам делится на две группы: вещи, аналогичные вещам могильников муромского, рязанского течения Оки и бассейнов рек Цны и Мокши (Мордовия), и украшения, по аналогии и по происхождению связанные с памятниками типа Азелинского могильника. Самым интересным и важным при этом является факт сочетания в одном и том же погребении украшений двух культурных областей. Например, в погребениях 91, 45 и 122 были головные уборы муромского, т.е. западного типа, а нагрудные украшения в погребении 91 азелинского типа, в погребении 45 азелинского типа пояс с

Эполетообразной застежкой и т. п. Такое сочетание свидетельствует о сильных взаимоассимиляциях и синтезе двух культур, приведшие к формированию новой культуры.

Периодом Младшего Ахмыловского могильника завершается начальный этап формирования древнемарийской культуры и этноса. В этом отношении мы можем говорить о могильнике, как об одном из ранних марийских памятников I тысячелетия н. э. Можно привести еще много примеров украшений как городецкой, так и азелинской культур. Отметим некоторые из них. Височные кольца с трапецевидными привесками встречаются на Оке, но здесь же есть кольца с бутылочными привесками азелинского типа. Городецкими или мордовскими являются гривны с напускными бусами и спиральками, застегивающиеся при помощи петелек на концах или концами, соединенными круглыми «жоробочками». В то же время найдены простые гладкопроволочные гривны азелинского типа. Нагрудная бляха с крышкой, аналогичная подобной рязанских могильников, соседствует с характерными для азелинцев нагрудными украшениями с изображением коней на медной пластинке или на ажурной арочной основе с привесками. Сюльгамы-застежки «с усиками», перстни в виде спирального кольца в несколько оборотов, крестовидные фибулы и ажурные застежки с лопастями проникли в Марийское Поволжье из бассейна Оки. А перстень в виде кольца из проволоки с двойными и тройными S-образными завитками и шариками зерни по краям были модны у азелинских женщин. Орнамент на сюльгаме в виде треугольников, расположенных основаниями друг к другу, широко распространен на костяных предметах предков удмуртов.

Яркую картину взаимоассимиляции городецких и азелинских племен дает Кубашевское городище, изученное Марийской археологической экспедицией в 1957 и 1958 годах. Оно расположено на Большой Кокшаге недалеко от г. Санчурска. Керамика, наиболее массовый материал с поселений, по составу теста и форме делится на две группы: 1 — круглодонная, в основном чаши, без выраженного горла из плотной глины с примесью растительных остатков в тесте; 2 — плоскодонная крупная посуда с примесью мелкой дресвы (речной пе-

Нагрудная бляха. Младший Ахмыловский могильник.

сок) и шамота (толченая керамика) в тесте с заглаженной поверхностью. Первая группа керамики, как можно уже догадаться,—азелинского типа, вторая группа — городецкого, приближающаяся к керамике верхних слоев городищ на Ветлуге. Когда мы говорили об ананьинской эпохе, то указывали, что ананьинцы на Волге исчезают в VI—V вв. до н. э., а на Ветлуге просуществовали несколько дольше. Но уже с первых веков нашей эры вся керамика на Ветлужских городищах становится плоскодонной городецкого типа. На это указывали еще О. Н. Бадер и А. П. Смирнов. О. Н. Бадер находил аналогии плоскодонной керамики Поветлужья в позднедья-

ковских памятниках и писал, что «это обстоятельство приводит нас к выводу о проникновении в области волжского левобережья западного, вероятно, правобережного населения, приведшие здесь и, в частности, в Поволжье к смене культурных форм». Так же определенно писал об этом А. П. Смирнов: «...весь материал (керамика типа верхнего слоя Одоевского городища, — Г. А.) позволяет сделать заключение о проникновении племен правобережья в лесную зону левого берега Волги и ассимиляции с местным населением». Описываемый тип плоскодонной керамики имеет близкие аналогии с керамикой городищ северо-западной Чувашии, являющихся укрепленными поселениями чувашской группы городецкой культуры.

К сожалению, менее изучены городища и неукрепленные поселения азелинской культуры. Однако то, что имеется, вполне сопоставимо и аналогично с керамикой первой группы Кубашевского городища.

Интересным является вопрос: кто же был основателем городища? Городище по характеру керамики и некоторым металлическим вещам относится к IV—VI вв., т. е. к тому же времени, что Мари-Луговской и Уржумкинский, а частично и Младший Ахмыловский могильники. Это время, как мы уже знаем, интенсивных процессов взаимоассимиляции городецких и азелинских племен.

Кое-что в этом отношении может подсказать характер укрепления городища. Удалось проследить остатки деревянной ограды по западному склону площадки, где имелся мощный углистый слой. Здесь были полосы сгоревших дубовых и сосновых жердей диаметром 7—20 см, лежавших обычно горизонтально. Вместе с крупными стволами прослежены остатки тонких прутьев в 2—3 см толщиной. Здесь же отмечены следы 6 ям от столбов, расположенных по краю. Все это позволяет считать, что по западному склону площадки к земляному валу примыкала деревянная ограда, очевидно, типа плетня.

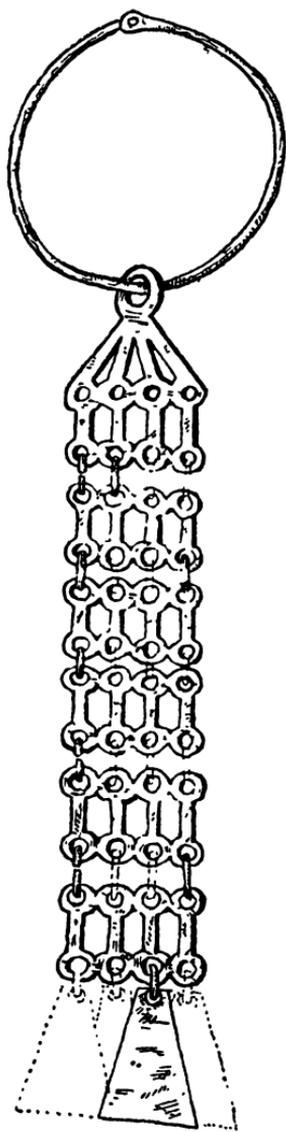
Остатки деревянных укреплений, лежавших в два яруса в виде сильно насыщенных углистыми остатками расплывчатых пятен, были на узком конце мыса. Здесь же есть и следы от вертикальных столбов, углубленных на 20—40 см от древнего уровня. Можно предположить, что это остатки деревянного укрепления, сооруженного

в виде частокола из бревен длиной не менее 2 м. Возможно, что пазы между бревнами были забиты глиной. Частокол сгорел. Но здесь же, чуть удлинив площадку путем подсыпки земли, был сооружен второй ярус укреплений. По сохранившимся остаткам можно предположить, что это укрепление было сооружено в виде однорядной стены из поперечных бревен, зажатых между столбами.

Конечно, наиболее важным в системе укрепления городища был вал. К сожалению, и здесь нас опередили любители поисков «клада», — они изрядно перекопали его. Древние перекопы, судя по обломкам гончарной глиняной посуды русского типа, обнаруженные в перекопах, относятся еще к XVI—XVII вв. Судя по всему, вал был земляной, а на валу, очевидно, шла система деревянных укреплений, обмазанных глиной. Деревянная стена на валу, как и остальные укрепления, сгорела.

Система и конструкция укрепления Кубашевского городища имеет аналогии с укреплениями городищ правобережья Средней Волги и поселениями на Ветлуге, занятыми городецкими племенами. Следовательно, предположительно мы можем считать, что укрепление на Кубашевском городище создано городецкими племенами и ими же основано само городище. Очевидно, вскоре после основания городища в IV веке в верховьях р. Большая Кокшага появились азелинцы, вошли в контакт и затем стали жить вместе на одном поселении. Азелинцы сюда пришли скорее всего с Вятки, так как р. Б. Кокшага с ней связана верховьями через р. Пижму. Вполне возможно, недалеко от Кубашевского городища со временем будет найдено поселение или могильник азелинских племен.

В связи с вопросом формирования новой культуры на базе городецких и азелинских интересные данные могут дать языковедческие материалы. Известно, что марийский язык имеет 4 наречия: луговое, горное, восточное и северо-западное. Первые три наречия соответствуют трем известным этнографическим группам. Последнее, северо-западное наречие охватывает ареал Тоншаевского, Шарангского и Яранского районов. Эта диалектная группа довольно многочисленна. В настоящее время на этом наречии говорит около 22 тысяч человек. Исследователи И. Г. Иванов и Г. М. Тужаров отмечают, что «северо-

Височная подвеска.
Младший Ахмыловский
могильник,

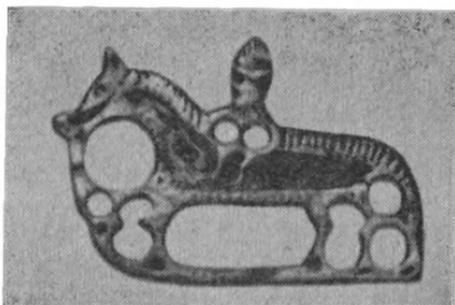
западное наречие представляет собой диалектную разновидность марийского языка, содержащую в себе целый ряд особенностей характерных как для лугового, так и для горного наречия. В какой-то степени его можно рассматривать как промежуточную ступень между этими двумя основными группами марийского населения». Далее они пишут: «Из говоров лугового наречия оно наиболее близко находится к Йошкар-Олинскому говору». «По своим языковым особенностям северо-западное наречие несколько ближе к горному наречию, чем к луговому».

Остается к этому добавить, что в области распространения северо-западного наречия расположено Кубашевское городище.

К рассматриваемому времени относится первое письменное упоминание племен, предков современных поволжских финно-угорских народов. Среди них весь, меря, мордва. Некоторые историки считают, что здесь упоминаются и предки марийцев под именем «имнискары». Речь идет о работе готского историка Иордана «Гетика». Эта работа подвергалась анализу неоднократно. И в отношении «имнискаров» высказывались различные мнения (И. Миккола, А. Л. Монгайт и др). Однако, и в настоящее время, по-видимому, нельзя считать решенным этот вопрос. Мы знаем, что письменные источники X—XI вв. марийцев называют «черемисы», «цармис».

Глава VI

ДРЕВНИЕ МАРИЙЦЫ

Теперь уже многим известно, что мари́йцы являются одним из древнейших жителей Среднего Поволжья. А ведь совсем недавно даже историки не могли назвать территорию формирования мари́йцев, не могли указать археологические памятники, оставленные древними мари́йцами. Правда, в учебниках истории можно было прочесть упоминание о мари́йцах (черемисах) в русских летописях. Это упоминание относится к XI—началу XII векам. Одно из них мы можем найти в I томе Полного собрания русских летописей, куда включена «Повесть временных лет», составленная монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1113 года. Нестор был первым древнерусским историографом, пытавшимся связать историю Руси с другими народами. В числе последних оказались и мари́йцы. Здесь же упоминаются и другие финно-угорские народы. Вот как записано в этой летописи: «На Белоозере седять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же. А по Оце реце, где потече в Волгу же Мурома язык свой, и Черемиси свой язык, Морьдва свой язык...» Эти же племена перечислены и в другом письменном источнике X в., письме хазарского царя Иосифа, а именно: «...Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн...», где соответственно имеются в виду: бургасы, болгары, сувары, эрзя, мари́йцы, вятичи и т. д.

К сожалению, среди исследователей русских летописей нет единого мнения относительно отождествления упоминаемых в летописях племен с современными народами. Но созвучие «цармис» и «черемис» (мари) при-

влекает многих исследователей к признанию истинности этих документальных свидетельств. Надо принять во внимание еще и то, что начиная с X в. черемисы упоминаются во всех последующих письменных источниках. Для примера укажем на «Слово о погибели Русской земли», написанного, как считают ученые, до 1246 года и отражающее события татаро-монгольского нашествия 1237—1238 годов на северо-восточную Русь. Приведем здесь выдержку из этого литературного произведения XIII века, где упоминаются марийцы, тем более, что оно почти не цитируется в исторических исследованиях. Там записано: «Отсюда до угор, до ляхов и чехов; от чехов до ятвягов; от ятвягов до литвы и до немцев; от немцев до корелы; от корелы до Устюга, где обитают тоймицы поганые, и за Дышучим морем; от моря до болгар; от болгар до буртас; от буртас до черемис; от черемис до мордвы,— то все покорил бог народу христианскому, все страны — великому князю Всеволоду... буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на князя великого...»

В этом отрывке «Слова» упоминаются все племена, окружающие Русь, и указывается на характер взаимоотношения Руси с соседями. Поясним названия некоторых племен: угры — венгры, ляхи — поляки; ятвяги — одно из литовских племен; корела — карелы; Устюг — город и земля по нижнему течению реки Сухоны, притока Северной Двины; тоймицы поганые — племя, жившее по течению притоков Северной Двины — Верхней и Нижней Тоймы (поганые — язычники); Дышучее море — Белое море и Северный Ледовитый океан; болгары — волжские болгары (булгары), жившие на Волге, в районе впадения в нее реки Камы; буртасы — одно из мордовских племен, жившее в районе Средней Волги и ее притока реки Суры, к юго-западу от болгар; черемисы — марийцы, мордва, племена, обитавшие в районе Нижней Оки, Волги и Суры. И далее слова «...буртасы, черемисы, вяда (очевидно, вотяки-удмурты) и мордва бортничали на князя...» следует понимать, что эти племена платили князю дань поставками меда.

Тот факт, что марийцы с X в. начали упоминаться в письменных источниках, свидетельствует о том, что они к этому времени уже консолидизировались, составляли единое племенное объединение, играющее определенную роль в политической жизни Восточной Европы того вре-

мени. А это было время, когда образуются государства, когда возникают крупные политические объединения в виде племенных союзов, когда вырабатываются определенные юридические нормы взаимоотношений разных племен. Эти взаимоотношения были очень многообразными не только в силу еще не устоявшихся принципов, но и в силу не одинакового уровня социально-экономического развития разных племен.

Для определения места и роли древних марийцев в эту эпоху надо было расширить источники познания о марийцах. Те скудные письменные источники о них явно не могли дать ответа на многие существенные вопросы, к тому же не было письменности у самих марийцев. Единственная надежда была на археологию. Но для этого надо было определить, какие памятники археологии относятся к древним марийцам. Эта задача была впервые решена крупнейшим советским археологом Алексеем Петровичем Смирновым. Он впервые связал памятники Ветлужско-Вятского междуречья с летописными и современными марийцами. Первоначально описав в 1949 году все известные к тому времени археологические памятники между Ветлугой и Вяткой, А. П. Смирнов определил их место в материальной культуре Поволжья и Прикамья. В 1951 году другой крупнейший советский археолог Отто Николаевич Бадер к марийцам отнес некоторые памятники по р. Ветлуге.

Организованная в 1956 году Марийская археологическая экспедиция особое внимание обращала на выявление и изучение памятников древних марийцев. И с 1957 года по настоящее время археологическая экспедиция постоянно изучает остатки поселений и захоронения наших предков. И в этом достигнуты немалые успехи.

Прежде всего определена территория расселения древних марийцев. Самым западным археологическим памятником марийцев являются находки женских украшений у с. Кантаурово в Горьковской области на р. Линда, левого притока Волги. Речка Линда впадает в Волгу несколько выше современного г. Горького. Эти находки, надо полагать, были из разрушенного весенними водами р. Линды древнемарийского могильника.

В 1959 году мы обследовали берега этой реки, но, к сожалению, могильника не нашли, не нашли и отдельных вещей. Местные жители указали нам примерное место этих находок. Это — излучина русла реки, которая ежегодно размывается водами.

Самыми восточными пунктами находок древнемарийских вещей следует считать находки у с. Лопъял в Малмыжском районе Кировской области. Здесь еще до революции местные жители многократно находили различные вещи: браслеты, височные кольца, шумящие подвески и др. Во время работ Марийской экспедиции мы специально осматривали окрестности с. Лопъял, расспрашивали местных жителей. К сожалению, точного места находок древних вещей нам не сумели показать, да и самих вещей больше не находили. Последний раз серебряные бляхи, лунницы, обрывки ремня и другие предметы были переданы казанскому ученому С. К. Кузнецову в 1904 году.

Подобные находки до Октябрьской революции были и в других местах Ветлужско-Вятского междуречья. Сведения о них в свое время собрал уроженец Вятки археолог академик Александр Андреевич Спицын. Ему же принадлежат исследования некоторых археологических памятников. В частности, в 1891 г. он обследовал места находок древних вещей на р. Юма (левого притока Пижмы) недалеко от железнодорожной станции Свеча Кировской области, где нашел «3 узла свечами». В 1957 году мы с В. Ф. Генингом произвели раскопки на этом памятнике и вскрыли 12 захоронений IX—XI вв. н. э. Это самый северный памятник древних марийцев.

Наконец, южная граница расселения марийцев в IX—XI вв. определяется местом находок вещей древнемарийского типа на берегу озера Борисковского у г. Казани (теперь в черте города). Здесь в 1890 году было выкопано два костяка с вещами: гривнами, браслетами, бузинами, различными привесками и пронизками и др.

В этом районе имеются и другие памятники, оставленные марийцами. Часть из них изучалась до революции, часть после Октябрьской революции, а некоторые раскапывались Марийской экспедицией.

По характеру древнемарийские памятники делятся на две категории: это — могильники и поселения. Наиболее яркую картину материальной культуры марийцев

IX—XI вв. дают могильники, отличающиеся исключительным обилием сопровождающих погребенного вещей. В этом отношении древнемарийские могильники продолжают традиции предшествующих времен, известных по памятникам ананьинского, городецкого, азелинского, Младшего Ахмыловского типов. Трудно выделить какой-либо могильник по обилию инвентаря, но Веселовский является, пожалуй, самым богатым. На этом памятнике изучено нами в 1957 и 1958 годах 30 захоронений, да 13 захоронений раскопано в 1929 году сотрудниками Ветлужского районного краеведческого музея. Всего, таким образом, изучено 43 захоронения. Могильник этот расположен на речке Малая Какша, левого притока р. Ветлуги в Хмелевицком районе Горьковской области. Название свое он получил по названию существовавшего здесь некогда хутора Веселово. Недалеко, здесь же в левобережье Ветлуги, чуть выше впадения Малой Какши в Ветлугу, в 12 км от г. Ветлуги расположен другой марийский могильник, носивший название «Черемисское кладбище». Могильник известен с 1908 года, когда здесь произвел раскопки В. И. Каменский. Мы продолжили изучение этого интереснейшего памятника в 1957 году и всего теперь известно 29 захоронений. Надо отметить, что окрестности г. Ветлуги отличались сравнительно густой заселенностью во все времена. Здесь мы уже отмечали памятники I половины I тысячелетия н. э. К IX—XI вв., кроме указанных могильников, относятся, очевидно, Ефанихинский могильник и, возможно, Спасское городище.

К Ветлужскому бассейну можно отнести и Дубовский могильник, открытый и раскопанный нами в 1963 и 1964 годах у пос. Дубовский Горномарийского района. Здесь раскопано также 30 погребений.

Свидетельством проживания марийцев на Вятке в IX—XI вв. является, кроме лопъяльских находок, Кочергинский могильник в Советском районе Кировской области. К сожалению, наши повторные раскопки этого могильника в 1957 году оказались безрезультатными. Но превосходная публикация М. В. Талицким всего материала, раскопанных им в 1929—1930 годах, пяти захоронений дает нам возможность изучить вятские древнемарийские древности.

Какие характерные черты присущи древнемарийским

могильникам? Прежде всего топография (т. е. месторасположение) могильников не имеет существенных признаков. Почти все могильники располагались по левому берегу небольших речек (является ли это случайностью, сказать трудно). Выбирая для захоронений места повыше, не затопливаемые весенними водами, наши предки останавливались на песчаных дюнах боровых террас. Погребения на изученных могильниках располагались, как правило, группами с небольшими свободными местами. В каждой группе погребений имелись как мужские, так и женские костяки, и погребенные обрядами трупоположения (ингумация) и трупосожжения (кремация). Изредка встречаются и кенотафы. Эти обряды нам уже известны по Младшему Ахмыловскому могильнику. Причем близко к последнему и процентное соотношение обрядов ингумации и кремации: от 13,3 до 26,6% в разных могильниках.

При трупоположении могильную яму рыли обычно в соответствии с ростом покойника и лишь в тех случаях, когда в изголовье или в ногах ставили ритуальные вещи, яма увеличивалась в длину. Остатков деревянных гробов не обнаружено. Однако часто дно могильной ямы застилалось досками или лубом, на которые иногда стелили мех, войлок или ткань. Можно предположить, а в некоторых случаях достоверно установлено, что были и покрытия лубом, войлоком или тканью. Как правило, умершие в яме лежали вытянуто на спине, различались лишь положения рук. Довольно устойчивым и характерным является ориентация головой точно на север, или с небольшими отклонениями на запад или восток (91,8% всех погребенных). В могильниках Ветлужского бассейна (Веселовском и Дубовском) при трупоположении были клады вещей, расположенных в ногах в берестяных коробах. Подобный обычай мы можем вспомнить по Мари-Луговскому могильнику IV—VI вв.

Обряд трупосожжения в древнемарийских могильниках даже в вариантах близок к подобному обряду Младшего Ахмыловского могильника. В ямах обычных размеров обожженные (кальцинированные) кости располагались или кучей в области предполагаемой груди, или же почти по всей яме. Вещи в первом случае располагались частью вместе с костями, частью в порядке, обычном при ингумации, а во втором — все вещи (укра-

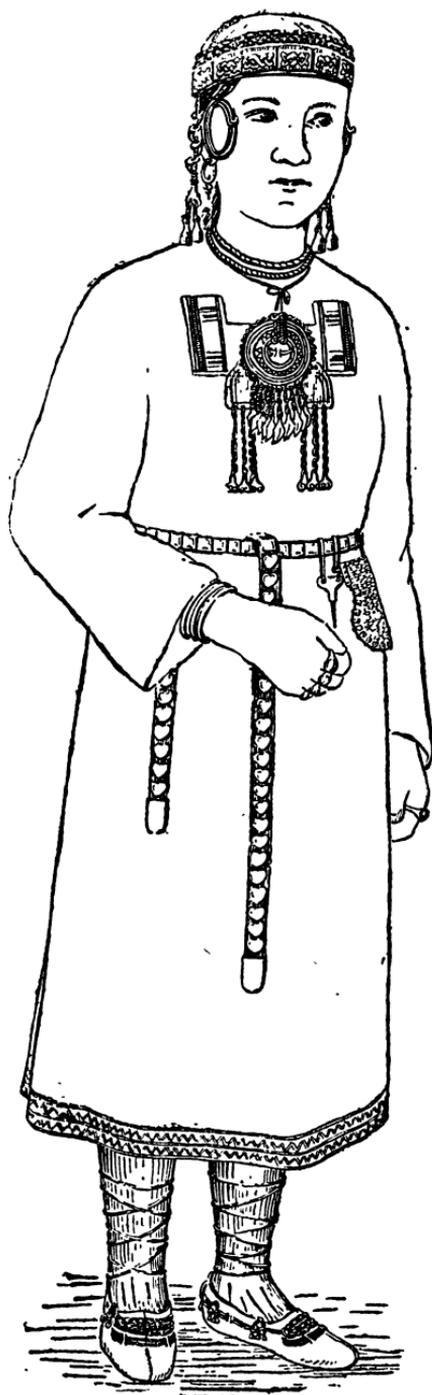
шения, оружия и орудия труда) — в соответствующих местах. Третий вариант — вещи в ямах иногда округлых очертаний располагались компактно в одной куче вместе с остатками кальцинированных костей, золы и угля и, как правило, в беспорядке.

Кремация, как и в Младшем Ахмыловском могильнике, совершалась в специальной яме без вещей и одежды. Такая яма размером 300х250 см была найдена и раскопана нами на Юмском могильнике летом 1957 года.

Своеобразен обычай захоронений только вещей, без костяка (кенотафы). В таких случаях вещи, в основном, украшения, заворачивались в одежду, завязывались ремнем и сверху прикрывались деревянной или металлической чашей. Иногда вещи клались в берестяной туюсок или деревянный бочонок; в некоторых случаях все это прикрывалось железным котлом. Объяснение этому обычаю предложил еще А. А. Сплицын, когда он нашел, как мы уже отмечали, «3 узла с вещами». Он считал их захоронениями вещей погибшего на стороне родственника или соплеменника.

Древнемарийские могильники дали не только богатый погребальный инвентарь, состоящий из различных украшений, орудий труда, оружия и бытовых предметов, но и значительный материал по характеру костюма, особенно женского. Здесь мы опять-таки обязаны консервирующему свойству окиси меди. Большинство женских украшений состояло из меди и бронзы, иногда они покрывали костюм буквально с ног до головы. Нами еще в 1959 году была сделана попытка реконструировать древнемарийский женский костюм по материалам Веселовского могильника. Использование этнографического материала для объяснения смысла тех или иных украшений позволил придти к выводу, что марийский женский костюм в основных своих частях сформировался уже к IX—XI вв.

Женский костюм рассматриваемого времени состоял из кафтана из телячьей кожи несколько короче рубашки, головного убора и кожаной обуви. В Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике в отделе археологии в витрине находится полностью реконструированный кафтан из погребения Веселовского могильника. Реконструкция произведена в лаборатории

Государственного Исторического музея в г. Москве. меховой кафтан из этого погребения был сшит из полосок телячьей (или молодой лосиной) шкуры, мездрой наружу. Длина, по-видимому, доходила до голени. В талии с обеих сторон был втачен боковой клин. Полоски кожи пришиты изнутри швом встык. По талии, подолу и бокам ниже пояса шли узоры, вышитые тонкой проволокой из низкопробного серебра. Остатки меховой одежды были найдены и в других могильниках (Кочергинском, Юмском, «Черемисском кладбище»).

Из меха же изготовлялись шапочки. Кроме нее на голове могли быть и платки. Нередко вместе с металлическими украшениями головного убора были остатки ткани, иногда шерстяной.

В некоторых погребениях неплохо сохранилась обувь. Она изготовлялась из сыромятной кожи. Удалось

Древнемарийский женский костюм IX—XI вв. Реконструкция. Веселовский могильник.

проследить форму и способ сшивания. Сначала выкраивался верх из двух частей, которые сшивались ниткой на носке и пятке. Затем пришивалась подошва. Иногда верх делался из одного куска кожи.

Уникальными являются пятипалые перчатки из хорошо обработанной кожи, найденные в Веселовском могильнике. Каждая из них сшита из цельного куска кожи, сложенного по мизинцу пополам и стаченного по линии указательного пальца. Внутренняя часть большого пальца перчатки выкроена вместе с ладонью и четырьмя остальными пальцами, а наружная выкроена и вшита отдельно. В большой палец и между всеми остальными втачены небольшие клинья (подобные современным). Сшиты перчатки очень прочным швом, который снаружи образует зигзагообразный рисунок. В нижней части перчаток, со стороны ладони, была пришита на кожаном шнурочке маленькая пуговка, свернутая из полоски кожи, а в нескольких сантиметрах от нее — петелька из такого же шнурка, служившая, по-видимому, для застегивания перчаток. Перчатки были восстановлены в той же лаборатории Государственного Исторического музея, что и вышеописанный кафтан.

К одежде, к деталям костюма нужно отнести ремни и пояса из тесьмы. Ремни, очевидно, застегивались поверх меховых кафтанов. Основа ремня состоит из толстой кожаной ленты, часто обтянутой сверху более тонкой кожей, прошитой ниткой. Ремни являлись и украшением, о чем говорят разнообразные медные серебряные с позолотой и без нее бляшки, расположенные по всей длине. От основного ремня свисали так называемые концевые ремешки, на которых также были бляшки.

Пояса из тесьмы шли, очевидно, поверх рубахи, как это известно и по этнографическим материалам. Вообще как женский, так и мужской марийский костюм немислим без пояса. К поясу нередко привешивались различные бытовые вещи: ножи, шилья и пр. А всякая мелочь, такие, как кресало (огниво для высекания огня), кремешок и трут, лежала в кожаных кошельках, пристегивающихся также к поясу. Кошельки делались различных форм и всегда украшались металлическими бляшками и зажимчиками. Сама кожа имеет тиснение различных узоров. Таких кошелев найдено 20. Можно

Серебряная накладка на крышке кошелька. Веселовский могильник.

предположить, что кошельки могли быть и из холста, не сохранившиеся до нас. Уникальным является украшение кошелька из Веселовского могильника. На крышке помещена серебряная с позолотой тонкая пластинка с изображением древа жизни и двух зверей, стоящих на задних лапах. Все поле покрывал сложный растительный орнамент.

Обычай носить кошельки или холщевые мешочки характерен для марийцев, причем больше для женщин. Марийки их носили и в недавнем прошлом. В археоло-

гических памятниках мордвы также иногда встречаются кошельки, подобные марийским. Но наиболее близкие аналогии марийским кошелькам имеются на территории Карпато-Дунайского бассейна в венгерских погребениях X в. Рисунки и фотографии их (особенно металлических пластин на крышках) можно увидеть в любом издании по древней истории и археологии Венгрии.

Ремень в том виде, в каком мы находим в древнемарийских могильниках, характерен больше для кочевников степного района. По-видимому, эти пояса впервые сложились в кочевническом мире Востока и попали в лесные районы Среднего Поволжья в IX—X вв. в связи с передвижениями кочевников. Интересно, что поясов древнемарийского типа нет в Приладожье, нет у мерянских племен, нет даже в Прикамье, где влияние кочевников было значительным. Но они есть у салтовских в основном ираноязычных племен, они найдены в некоторых могильниках мордвы. Полная аналогия марийским поясам имеется в материалах венгерских могильников X в.: Пербете, Башалом, Яношсаллаш и др. Одинаковые типы ремней и кошельков у древних марийцев и венгров свидетельствуют об общих истоках культуры этих народов.

Трудно описать все разнообразие украшений древнемарийского женского костюма, для этого потребовалось бы много места. Мы остановимся на наиболее ярких вещах, опишем украшения, характерные только для марийцев. Являясь одним из финно-угорских народов, марийцы, естественно, имеют и общие с другими народами типы украшений. Это объясняется как общими древними истоками и традициями, так и тесными культурными связями. мода на украшения была и в древности. Только в отличие от современной в древности эта «мода» имела и мировоззренческий смысл, т. е. почти каждое украшение должно было отражать отношение человека к природе, к животным, зверям. Да и сами украшения чаще всего изображали именно эти категории. По словам советского этнографа Н. И. Гаген-Торн, «возникновение стиля одежды и украшений — это не случайная мода, а творческий акт, имеющий свой закономерный внутренний смысл. В историческом процессе на него нарастают дальнейшие напластования, часто затушевывающие первоначальный смысл или хранящие рудименты его в силу

бессознательной культурной традиции». По ее мнению, украшения имеют два корня, из которых, разветвляясь и сплетаясь между собой, создаются разнообразные моды оформления одежды. Первый корень, из которого возникли девичье-женские украшения у народов Поволжья,— это предметы непосредственно с одеждой не связанные: раковины-ужовки (в древности раковины-каури—Г. А.), бусы, металл, позднее замененный монетами. Второй корень вырастает из связи с самим покроем одежды и имеют в основе утилитарное значение для оформления данного типа одежды: пряжки-фибулы, нагрудник и др. В процессе исторического развития украшения первого типа (или первого корня) перерастают в декоративную вышивку, причем последние часто перенимают и смысл того или иного металлического украшения (например, изображение коней, птиц и др.). Украшения второго типа (второго корня) сохраняются с некоторыми изменениями очень долго.

Особенности украшений дают возможность археологам и этнографам сопоставлять современные и древние типы, находить генетическую связь, проследить эволюцию тех или иных типов. Исходя из этих положений мы попытаемся в дальнейшем описать женские украшения IX—XI вв. по материалам древнемарийских могильников.

Украшение головного убора состояло из налобной повязки, имеющей берестяную основу, обшитую кожей. Повязка завязывалась сзади. Поверх кожи нашивались или заклепывались накладки преимущественно прямоугольных форм. Выше налобной повязки (венчика) шла медная многозвеньевая цепочка в 2—3 оборота, от которой сзади опускались медные полые шарики на коротких цепочках так, что затылок частично прикрывался ими. За ушами от налобной повязки на кожаных шнурках с нанизанными спиральками или другими предметами (коготки молодой рыси) привешивались подвески в виде изображения лошадей или птиц. В височной части к волосам (может и к налобной повязке) прицеплялись, как правило, парные височные кольца (серебряные или медные) с грибовидной шляпкой (или в виде «колбочки») и заходящими друг за друга концами. Иногда встречаются подкладки под них из кожи или кости с орнаментом в виде кружочков. Подобные ви-

сочные кольца являются специфически марийскими, так как соседи мари имели височные кольца с другим оформлением концов.

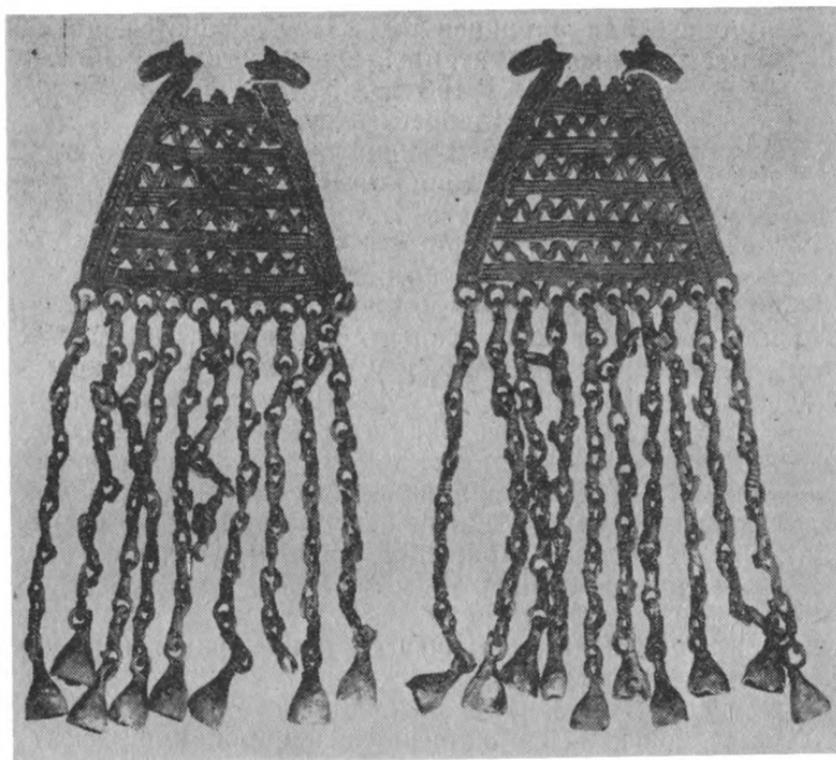
Этот тип древнего украшения головного убора можно сравнить с марийским сорока. Вот как описывает ее известный этнограф Т. А. Крюкова: «Сорока представляет собой каркасный головной убор. Ее мягкая верхняя часть надевалась на берестяную распорку, обшитую холстом. Собственно сорока (верхняя часть) состояла из налобника, позатыльни (двух прямоугольных кусков холста, сшитых вместе) и 2-х завязок, при помощи которых она укреплялась на голове. Сороки были богато, почти сплошь орнаментированы. Вышивка налобника была сплошной». Конечно, сопоставляя этнографический материал с археологическим, мы должны всегда помнить, что их отделяет время не в одну сотню лет, что при археологических раскопках многие детали не сохраняются совсем, а этнографический материал меняется со временем. Все это верно. Но верно и то, что если культура народа однажды сформировалась, она создает свои традиции, передавая их из поколения в поколение, напоминая потомкам: «так было при наших дедах». Здесь важно уловить принцип, понять смысл того или иного явления, того или иного элемента культуры. В этом отношении этнография оказывает помощь археологии и в свою очередь последняя помогает этнографии находить истоки этих явлений. Учитывая это, мы вправе сопоставлять головные уборы древних и современных марийцев, искать генетическую связь между ними.

Уши украшались различными серьгами. Характерными для марийцев следует признать круглопроволочные серьги треугольной формы, иногда с змеевидным основанием, т. е. с двумя или тремя петельками. У марийцев чаще, чем у кого бы то ни было, встречаются так называемые калачевидные серьги: верхняя часть проволочная, а нижняя расширена проковкой этой же проволоки. Серьги этого типа нередко изготавливались из серебра, так же, как и височные кольца с «колбочкой». Изредка встречаются кольцевые серьги с напускными медными бусами. Эта вещь напоминает украшения славян и может быть признана как результат контакта древних марийцев со славянами.

Мы уже отмечали, что в одежде, в частности, в оформлении пояса, чувствуется влияние кочевников. Это же можно сказать и по украшениям, в частности, по серьгам. Серьги с овальным, слегка расширенным внизу кольцом, к которому снизу прикреплена гроздевидная привеска, а в верхней части кольца — чуть сбоку — литые шарики пирамидкой, исходными формами имеют салтовские серьги. Вспомним, что и ремень у марийцев имеет аналогии в салтовских древностях.

На шее как мужчины, так и женщины имели украшения в виде гривны — металлических обручей и ожерелий. Гривна является предметом украшения костюма с древнейших времен, она встречается у многих народов. Но в этом многообразии археологи устанавливают характерные типы для того или иного народа. Для марийцев IX—XI вв. специфичными можно считать гривны так называемого глазовского типа. Они изготовлены из круглой проволоки, на которой имеется косая витая нарезка. Концы оформлены в виде многогранных головок. Нередко на одном костяке были две гривны. Они довольно массивны. Например, серебряные гривны из одного погребения Веселовского могильника весили 210,02 и 257 граммов. Собственно «глазовскими» являются гривны только из серебра. В древнемарийских могильниках встречены в большом количестве и медные гривны, а одна гривна была железная, но она плохо сохранилась. Ученые считают, что железные гривны являются продуктом скандинавского импорта.

Если гривна почти не известна по этнографическим материалам, то ожерелья у мариек сохранились до наших дней. В древности ожерелья состояли из медных спиралек и различных бус и привесок, нанизанных на кожаный шнур или шерстяную нить. Нередко в передней, нагрудной части были различные фигурки и изображения животных, птиц и зверей. Интересными из них являются изображения «всадниц». Остановимся несколько подробнее на этом типе украшения. Исследователи считают, что подобные «всадницы» изготовлялись в Прикамье в X—XI вв. Образцы подобных «всадниц» появились еще в начале I тысячелетия н. э. Большинство ученых «всадниц» считает предметом шаманского культа. Но у марийцев шаманство не было распространено. А культ коня для марийцев был характерен. Мы помним,

Коньковые нагрудные украшения. Веселовский могильник.

что изображения коней часто встречались и в азелинских памятниках. Этот культ обычно связывают с космическими представлениями. Отражением последних являются и изображения птиц.

Символом солнца и неба может быть и круглая подвеска с мелкими выпуклинами по краям, находящаяся также в составе ожерелья.

Большое разнообразие представляют украшения груди. Основной тип нагрудных украшений состоит из основы-щитка различных форм, прикрепляемой к одежде, и привесок на цепочках к ним. Щитковые шумящие подвески встречаются широко по всему европейскому северу и Среднему Поволжью, занятыми финно-угорскими племенами. Но для каждого племени характерно своеобразное оформление щитка и привесок. Специфич-

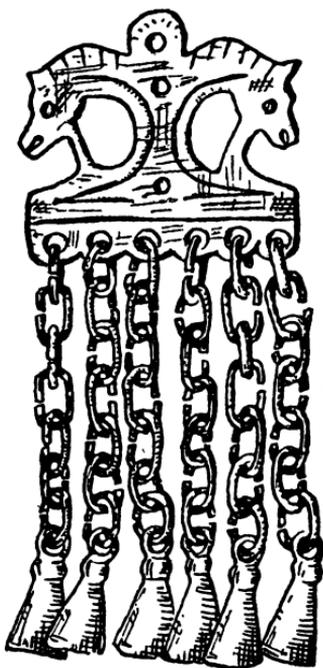
ными только для марийцев IX—XI вв. являются щитки в форме трапеции с имитацией конских головок по бокам. Кроме этого типа есть еще других форм щитки, но они распространяются шире и встречаются у других финно-угорских народов. Одни типы чаще встречаются у удмуртов, другие — у мордвы. В целом, сопоставляя нагрудные украшения, в частности, основы-щитки, можно установить культурные и этнические связи с соседними, в некоторой степени родственными племенами. Например, ажурные круглые бляхи с иглой для пристегивания можно признать характерными для мордовских племен, но они встречаются и у марийцев. А коньковые подвески, цельнолитые, двуголовые, все археологи признают предметами производства прикамского ремесленного центра. Однако такие подвески в 8 экземплярах найдены и у древних марийцев. Как правило, располагались они попарно в нагрудной части. Парное расположение нагрудных украшений вообще характерно для марийского костюма. Интересно отметить два способа ношения нагрудных украшений: а) подвески пришивались попарно к нагруднику и б) привешивались шнурами на шею. Коньковые подвески, очевидно, носились вторым способом. Иногда нагрудники (кусок ткани, меха) с украшениями пристегивались при помощи сьюльгам (кольчатые застежки с иглой).

Невозможно описать все разнообразие нагрудных украшений. Приведем несколько аналогичных этнографических примеров. У марийцев в наиболее архаичной форме сохранилась сьюльгама. Кроме простых застежек-сьюльгам встречаются и более сложные застежки, получившие название «ширкама», «почкама». У марийцев Свердловской области и Башкирии сохранились наиболее древние типы застежек — ажурные сьюльгамы с лопастями, типа застежек, найденных еще в Младшем Ахмыловском могильнике V—VII вв. н. э. Металлические фигурки коней IX—XI вв. в этнографическом материале прослеживаются в виде фигурок коней в вышивках. Образы коня, птиц связаны с космическими представлениями. И по ним можно представить мировоззрение древних марийцев, их идеологию. Можно предположить, что некоторые образы явились оберегами. Наиболее важной частью человеческого тела считалась грудь, где находилось сердце. Этим объясняется особая забота на-

ших предков по подбору нагрудных украшений. Такой же смысл, очевидно, имели и привески к основам-щиткам, имитирующие гусиные или утиные лапки, привески в виде лошадки, выточенных из кости, коготки диких зверей (рыси) и т. д.

Не забыты были и руки. На запястья надевались серебряные и бронзовые браслеты, из них характерными для марийцев являются восьмигранные в сечении с мелкими кружками на гранях и пластинчатые, также с орнаментом. Последний тип браслетов был больше характерен для ветлужских марийцев, сближающий их с финно-угорским племенем мерей. На каждой руке иногда было по пять браслетов. А на каждом пальце был перстень. Для марийцев характерным типом можно признать так называемые щитковые. Они имеют форму свернутого ивового листочка с концами из проволоки. Щитки, как правило, орнаментированы. Узоры и способ нанесения их встречаются на браслетах и перстнях марийцев XIX—XX вв. Есть и другие типы перстней и браслетов, также свидетельствующие о широких связях марийцев с другими племенами. Можно отметить типы, характерные для славянских племен.

По представлению древних марийцев умерший продолжает жить «на том свете». Следовательно, его должны сопровождать и орудия труда, оружие, бытовые предметы, т. е. все то, что необходимо было ему при жизни. Поэтому археологи при раскопках находят не только украшения костюма, но и хозяйственный инвентарь. И чем больше вещей при погребенном, тем лучше для исследователей. Орудия труда помогают реконструировать занятия населения, оружия могут дать матери-

Коньковое нагрудное украшение. Веселовский могильник.

ал об уровне вооруженности, о характере военных действий и т. д.

Как и в украшениях, среди орудий труда можно выделить характерные для марийцев типы. Прежде всего IX—XI вв.—это время появления новых типов. Например, в I тысячелетии н. э. топоры были втульчатые, по типу близкие к ним продолжают бытовать и в древнемарийский период, только угол наклона оси втулки к оси лезвия несколько увеличивается. IX век — время появления проушных топоров у древних марийцев. Встречаются много типов этих топоров. В разных районах и у разных народов имеются свои отличительные формы. Для марийцев IX—XI вв. наиболее характерными следует считать проушные топоры с двумя парами круглых щековиц и лопастным лезвием. Такие топоры встречаются лишь в двух областях — в Приладожье и Ветлужско-Волжском бассейне. Один из исследователей русских средневековых древностей А. Н. Кирпичников считает, что топоры этого типа возникли в Центральной и Северной Европе, где они известны с VIII—IX вв.

Топоры в могильных ямах располагаются преимущественно в ногах, реже у головы. Иногда их находили на левой или правой голени. Предполагается, что топоры клались с топоричами, но последние не сохранились до нас.

Наиболее распространенным орудием труда в могилах являются железные ножи. Располагались они чаще всего в области таза. При жизни, по-видимому, подвешивались к поясу слева или справа, как это делалось в недавнем прошлом у марийцев. Причем с ножом ходили не только мужчины, но и женщины. Форма ножей типичная, простая, она мало отличается от современных кухонных ножей. Но интересно, что деревянные или костяные рукояти почти всегда обматывались серебряной или медной тонкой проволокой. Почти все ножи находились в деревянных ножнах, обтянутых кожей, иногда сверху были еще декоративные серебряные тонкие пластинки. Нередко рядом с ножами лежали железные шилья в чехольчиках. Возможно, чехольчики с шильями связывались с ножнами. Судя по всему, ножи и шилья являлись повседневными и универсальными орудиями труда.

Интересными являются имитации кинжалов в нож-

нах, богато украшенных серебряными и медными пластинчатыми накладками. Это не орудие труда и не оружие, так как «кинжал» никогда не вынимался, да и кинжала как такового не было. Например, в погребении 3 Веселовского могильника ножны изготовлены из сложенных двух тонких липовых дощечек, между которыми пропущена железная тупая модель ножа с очень коротким лезвием. И все это обтянуто кожей с медными пластинами. Можно предположить, что это изделие имело какой-то символический смысл, возможно, атрибут старейшины, вождя или другого представителя выделяющейся господствующей верхушки общества.

Такие предметы, как мотыжки, скобели, ложки, формочки и льячки, пряслица и шилья являются свидетельством занятия древних марийцев соответствующим видом хозяйства. Наконечники копий, стрел, стрелы и удила, одна сабля из Юмского могильника являются вооружением наших предков. Наряду с пешими воинами были и всадники. Но в целом оружие не является массовой категорией погребального инвентаря. Наконечников копий найдено 14 экземпляров, больше наконечников стрел, но лук и стрела могли использоваться и для охоты.

Более многочисленны бытовые предметы. Огнива, или кресала для высекания огня, нередки в числе находок при раскопках. Оригинальными являются огнива с бронзовой рукоятью, схематически изображающие животных и зверей. Здесь и образы коня, медведя, птицы, человека между двумя птицами, фигуры всадников на коне. Советский археолог Л. А. Голубева опубликовала специальную статью, посвященную анализу этой категории вещей. Судя по ее статье, можно сделать вывод, что огнива с бронзовой рукоятью марийцы сами не изготавливали, а получали как от западных, так и от восточных соседей. А изображение зверей на рукоятях некоторых огнив по стилю можно сравнить с традициями так называемого звериного стиля более южных кочевнических племен. Связи с южными племенами, установившиеся еще в ананьинскую эпоху, продолжали поддерживаться и в древнемарийский период.

Если время бытования кресал с бронзовой рукоятью ограничивается IX—XI вв., то железные кресала (калачевидные с язычком, овально-удлиненные, шестиуголь-

Железный котел. Юмский могильник.

ные) использовались более длительное время. Количество железных кресала преобладают, с художественной точки зрения они не представляют интереса и являются предметами массового производства кузнеца.

Наши предки вряд ли имели какую-либо замысловатую прическу, но за волосами они ухаживали. Об этом определенно можно говорить по находкам костяных гребней и расчесок. Наиболее роскошными были расчески с футлярчиком. Односторонняя с мелкими зубьями расческа складывалась, как складной нож, в футляр, с которым она соединялась шарнирной заклепкой. На футлярчике имелся орнамент из симметрично расположенных маленьких кружочков, прочерченных линий и др. Расчески с футлярчиками можно встретить в древностях северо-запада Европы — в среде мерянских, славянских племен и в Приладожье и восточнее марийского Юмского могильника, кажется, не встречаются.

Когда речь идет о захоронениях марийцев IX—XI вв., то специалисту сразу представляется железный котел или медный котелок в могильной яме. И хотя они встречаются не в каждой могиле, можно утверждать, что наличие их вместе с костяком в яме — этнический признак

марийцев. Железные котлы сделаны из нескольких небольших листов. Дно склепано вместе с загнутыми во внутрь стенками котла. Дужка и петельки котла также железные. Дно уплощенное или округленное. Медные котелки чаще всего сделаны из одного куса тонкой листовой меди. Ушко железное. Дно плоское, закрепленное, по-видимому, спайкой.

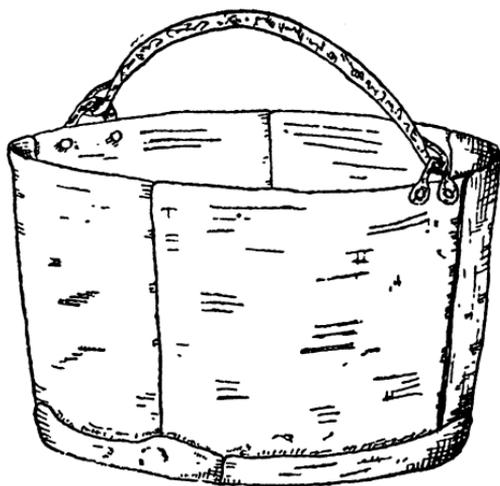
В могилах были остатки деревянной чаши, две целые металлические чаши. Деревянные чаши всегда находились в котлах. В одной из них были зерна проса. Котлы и чаши ставились в могильную яму, очевидно, с ритуальной пищей.

Для жителей лесной зоны характерны изделия из бересты. Марийцы еще недавно из нее изготовляли туески, коробы и др. Сейчас этот вид промысла возрождается для изготовления сувениров. А традиции этого вида ремесла восходят еще к IX—XI вв. Во многих древне-марийских захоронениях найдены остатки бересты от туесков и коробов. Располагались они рядом с железными котлами и нередко вместе с обрывками бересты были и медные вещи. В берестяных коробах, очевидно, хранились и ставились в могилу украшения. Кстати, это было характерно и для более ранних могильников. Вспомним погребение 40 Мари-Луговского могильника, где был найден берестяной короб с женскими украшениями.

К сосудам относятся и глиняные горшки. Однако, в отличие от котлов и котелков, их очень мало. А в целом виде мы имеем всего 9 экземпляров.

Уникальной находкой является пластинка с вырезом в середине. Длина ее 5 см, ширина около 0,9 см, толщина менее миллиметра. Это музыкальный инструмент, широко распространенный по всему земному шару. Подобные инструменты известны под названием «варган» (от греч.— орудие, инструмент). В словаре слово «варган» описывается так: «...язычковый музыкальный инструмент (обычно металлический) в виде подковы (или пластинки) с прикрепленным к ней стальным язычком». Это описание вполне подходит к нашей находке. К сожалению, у нее не сохранился язычок: он обломан. Более примитивные варганы делались из камыша, дерева, костяной или роговой пластинки, с вырезанным внутри нее узким язычком.

По свидетельству П. Н. Никифорова, среди марийцев

Медный котелок. Веселовский могильник.

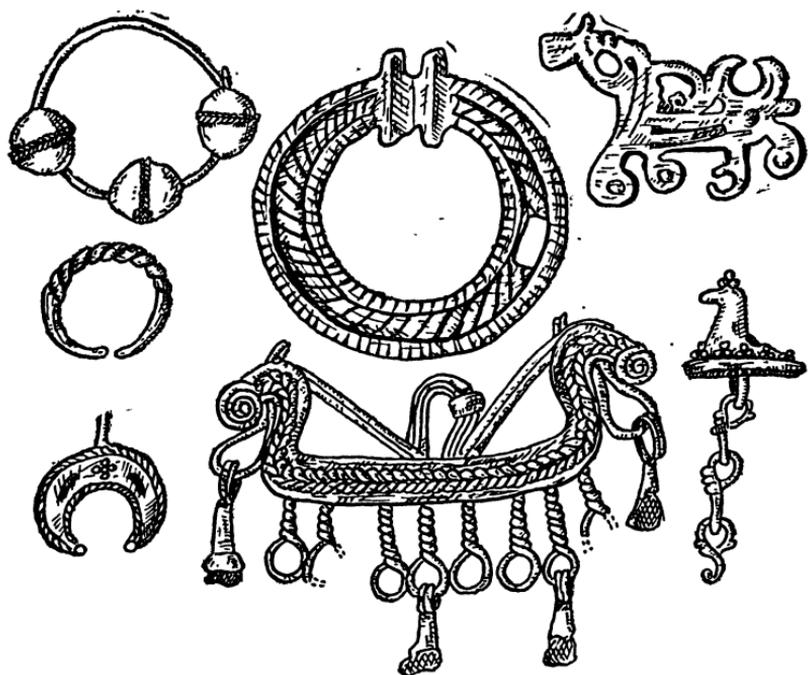
«варган» (марийское название «ковыж») распространен в некоторых северных и восточных районах Марийской республики, а также у восточных марийцев («умша-ковыж»).

Открытия марийских могильников IX—XI вв. и их раскопки дали столь обильный материал, что трудно было сразу представить, что они принадлежат именно марийцам. Ведь буржуазные ученые, даже прогрессивная их часть, писали о марийцах, как об отсталых племенах, живущих в лесах и занимающихся исключительно собирательством лесных ягод, различных плодов, да еще охотой и рыболовством. Позднее марийцы упоминались лишь в связи с политической историей Среднего Поволжья, с историей русских княжеств и Казанского ханства. Лишь после присоединения Среднего Поволжья к Русскому государству стали писать более или менее конкретно о марийцах.

Археологические раскопки намного удревели историю марийцев. Был поставлен и решен в какой-то степени вопрос о происхождении, об общественном строе древних марийцев, о занятиях и т. д. По археологическим материалам вырисовывается богатая и яркая культура марийцев, прослеживаются экономические и культурные связи с соседними племенами.

Однако долгое время, вплоть до 1969 года, археоло-

ги не могли найти памятники марийцев, продолживших культуру IX—XI вв. На XI веке история как бы обрывалась. В 1969 году по плану работ Чебоксарской археологической экспедиции Института археологии Академии наук СССР в зоне затопления Чебоксарского моря (Марийская экспедиция в этом году вошла в состав этой экспедиции в качестве Марийского отряда) решено было провести повторные раскопки на Руткинском археологическом комплексе, расположенном у Руткинского леспромпхоза на так называемой «Соколиной горе». Это место нам уже известно по описанию Руткинской стоянки волосовской культуры в главе об эпохе бронзы. Здесь еще в 1958 году было вскрыто 3 погребения, отнесенные первоначально к IX—XI вв. В то же время эти погребения по инвентарю несколько отличались от могильников типа Веселовского. И вот в 1969 и 1970 годах нам удалось обнаружить и раскопать еще 46 захоронений. Всего их стало 49. Затем, в 1971 году, Марийский отряд продолжил раскопки на р. Ветлуге, точнее на ее левом притоке речке Выжуме. Здесь раскопано на Выжумском II могильнике 6, а на Выжумском III — 24 захоронения. Причем последний могильник был найден в том же году во время раскопок Выжумского II могильника, при осмотре местности. И, наконец, в 1971 же году в Марийский научно-исследовательский институт поступило письмо от директора Горномарийского районного краеведческого музея Седова А. Ф. о разрушении могильника в д. Починок Юринского района. При проверке оказалось, что это действительно могильник и решено было тогда же произвести раскопки и здесь. Вскрыто 15 захоронений, удивительно похожих на Руткинские и Выжумские. Таким образом за три года было раскопано 94 исключительно богатых комплекса, и все они относятся к XII—XIII векам, т. е. периоду, непосредственно примыкающему к времени могильников Веселовского типа. Теперь на археологическом материале можно проследить историю марийцев на протяжении 500 лет, а если учесть, что формирование марийцев начинается в середине I тысячелетия н. э., то этот промежуток увеличится до 700—800 лет. Правда, в этой цепи наименее четко представлен VIII век, хотя стык между VII и IX веками можно обнаружить. Дело в том, что некоторые погребения Младшего Ахмыловского могильника можно от-

Височные и нагрудные украшения, перстень. Выжумский III и Починковский могильники.

нести к началу VIII века, а некоторые погребения «Черемисского кладбища» — к концу VIII века. Слабость проявления VIII века объясняется, очевидно, тем, что это время является переходным к новому этапу и этнической и, возможно, экономической жизни марийцев. К сожалению, причины и пути переходного этапа пока не нашли объяснения. Между прочим, такая картина наблюдается и в истории мордвы, на что указала в свое время археолог А. Е. Алихова. Но так или иначе, преемственность культур V—VII вв., IX—XI и XII—XIII вв. прослеживается хорошо и сомнений в этом нет.

В могильниках XII—XIII вв. продолжают, в основном, традиции предыдущих веков. В характере украшений, принципах их ношения, в наличии железных котлов и медных котелков с деревянными чашами проявляются специфические черты древних марийцев. Не-

обходимо отметить и некоторые отличия погребального обряда от обряда IX—XI вв. Это, во-первых, самое значительное отличие — отсутствие обряда кремации. Все 94 захоронения были совершены обрядом ингумации. Заметным становится преобладание северо-западной ориентации, даже с нередкими случаями западной ориентации головой. Во всем остальном обряд труположения ничем не отличается от предыдущих эпох: так же имеются подстилки на дне могильных ям, встречаются и остатки покрытия трупа сверху, такое же расположение и такое же обилие сопровождающих вещей. Все погребения одиночные. Может показаться несколько загадочным исчезновение обряда кремации. Этот обряд, как мы уже отметили, появился в V веке и существовал, следовательно, на протяжении 700 лет почти без изменения. Во второй половине I тысячелетия н. э. почти все финно-угорские, да и нефинно-угорские народы хоронили этим обрядом. Он известен у коми-зырян, у мордвы, у удмуртов, известен и у славян. Но у каждого племени были свои особенности этого обряда. Поэтому археологам приходится особенно внимательно фиксировать малейшие детали его, чтобы выделить этнический признак. Описанный нами выше обряд кремации в совокупности со всеми чертами является характерным только для марийцев. Если учесть, что погребальный обряд является одним из важнейших признаков этнической принадлежности могильников, то мы вправе говорить об особом племени, т. е. о марийцах. Причины возникновения обряда кремации еще не выяснены. Существует несколько объяснений. Одно из них связано с приданием огню очистительной силы (культ огня), другое — с появлением подсечно-огневой системы земледелия, когда огонь играет одну из важнейших ролей в подготовке почвы под посевы. Культ огня известен с ананьинского времени. Да и в эпоху бронзы в могильных ямах встречаются угольки и зола (например, у абашевцев). Подсечное земледелие, как это теперь установлено, в лесных зонах Восточной Европы появляется в I тысячелетии, т. е. тогда, когда начинают хоронить умерших обрядом кремации. Возможно, все это и явилось причиной возникновения обряда трупосожжения. Но что интересно, обряд кремации с XII века исчезает и у славян, а у коми-зырян, наоборот, становится господствующей. У мордвы,

за очень редким исключением, трупосожжение также не встречается, и параллельно с этим увеличивается число погребенных, ориентированных головой на запад. Исследователи мордовских древностей последнее явление объясняют усилением влияния русских (славянских) племен.

В целом во всем финно-угорском мире с XII века наблюдается тенденция к унификации как погребально-го обряда, так и инвентаря. Это, очевидно, связано со стабилизацией культурной и этнической истории края, с окончательным оформлением этнических признаков племен финно-угорской языковой семьи. Более устойчивыми становятся идеологические представления, хозяйственный уклад, ус perfectуются понятия и нормы взаимоотношения в коллективе, обществе.

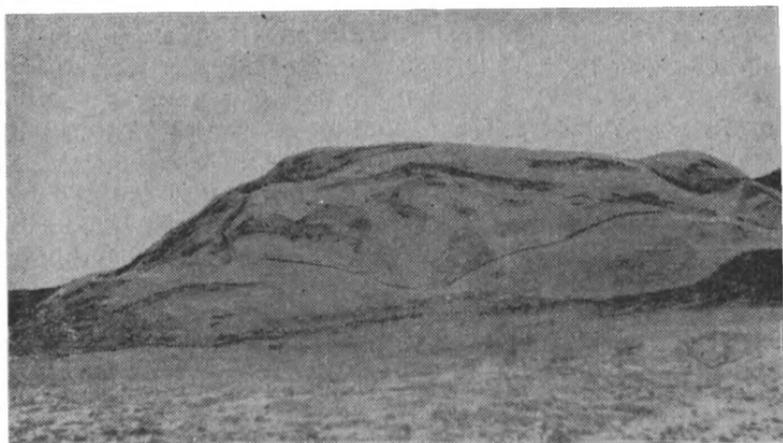
До сих пор мы вели речь только о могильниках. Как было видно, погребальные памятники дают обильный и важный материал для характеристики всех сторон жизни древних племен. Но, несмотря на это, могильники не могут всесторонне охарактеризовать жизнь и быт тех времен. Поэтому археологи постоянно ищут и раскапывают поселения как укрепленные, так и открытые. Эпоха I и начала II тысячелетий вначале была известна по материалам поселений, и прежде всего городищ. Поиски их были предприняты еще в XIX веке уже известным нам А. А. Спицыным. Он обнаружил, описал и произвел раскопки нескольких городищ. Его работы до сих пор имеют большое значение, и мы не можем обойти их. В 1893 году А. А. Спицын опубликовал большую работу «Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии», составившую I том Материалов по археологии восточных губерний России. Эта работа представляет собой полный свод всех известных к тому времени сведений о древностях Вятской губернии, среди них имеются и городища, оставленные марийцами. А многие упоминаемые в работе городища дополнительно не исследовались и их этническая принадлежность еще точно не установлена. Из описанных А. А. Спицыным нас прежде всего интересуют городища по правому берегу Вятки и в Ветлужско-Вятском междуречье. Одно из них расположено на р. Немде (притока р. Пижмы) близ д. Бурыгино Кировской области. Городище так и называется — Буры-

гинское (или Нижневоотское). Оно занимает мыс, образованный краем террасы р. Немда и оврагом, место, обычное для городищ. Местное название городища — «курган» и, по преданию, здесь жили богатыри, древнейшие обитатели края. На городище раскопки велись два раза еще в XIX в. казанскими учеными. По описаниям найденных в нем вещей можно говорить о существовании кузницы. Земляная насыпь, составляющая вал, была воздвигнута из земли, добытой со рва. В насыпи все время попадались уголь, зола, перегорелая земля и обуглившиеся кости.

В 1956 году мы побывали на этом городище, заложили небольшой шурф, но культурный слой на площадке очень слабый, и раскопки не производились.

Значительные раскопки нами произведены на другом городище, также известном еще А. А. Спицыну, Ижевском, расположенном на правом, высоком берегу речки Иж близ дер. Степинской. Раньше недалеко от городища была деревня Городище, получившая, очевидно, название по близлежащему археологическому памятнику. Раскопки на нем до революции производились дважды. А. А. Спицын отмечал, что при раскопках железных вещей было больше, чем костяных. Наши работы в 1961 году показали, что вал, имеющий в настоящее время высоту в 4 м от дна современного состояния рва, сооружался из земляной насыпи, укрепленной деревянной конструкцией типа, возможно, сруба. Такая конструкция нам уже известна по городищам городецкой культуры. Ижевское городище по бронзовым вещам датируется VIII—X вв. и может быть отнесено к древним марийцам. Для определения этнической принадлежности важно учесть наличие двух групп керамики. Первая группа более или менее однотипна — это плоскодонная горшковидной формы с четко выраженной шейкой и сосуды баночной формы. Встречаются и плоскодонные чаши. Сосуды этой группы изготовлены из глины с примесью дресвы и шамота. Аналогии к ним можно найти во всех городищах Ветлужско-Вятского междуречья I тысячелетия н. э. Такая керамика признается древнемарийской.

Вторая группа сосудов — круглодонная или с уплощенным дном. Большинство изготовлено из глины с примесью толченой раковины. Сосуды этой группы по

Еманаевское городище.

форме и орнаментации имеют некоторые аналогии с керамикой полумской и чепецкой культур Прикамья. Здесь мы наблюдаем по существу ту же картину, и это явление того же порядка, что и на Кубашевском городище IV—VI вв., описанном нами выше.

Интересно своими находками другое городище — Еманаевское, расположенное также в бассейне р. Пижмы. Оно занимает небольшой мыс, образованный оврагом и берегом р. Пижма между д. Еманаево и д. Городище (Немешурга) Кировской области. А. А. Спицын, исследователь городища в 1887 году, отметил, что самыми интересными находками на городище являются льячки. Тут же были и тигли, а также несколько формочек. Все эти вещи литейного производства. В тигельках плавил металл, черпали расплавленный металл льячками и разливали по формочкам. Многочисленность находок литейного производства свидетельствует о существовании здесь целой литейной мастерской. Найден был в значительном количестве и шлак, в некоторых кусках его замечены вкрапленные частицы меди.

Еманаевское городище было осмотрено в 1956 году Марийской археологической экспедицией, но находок не обнаружено. Очевидно, многолетняя распашка разрушила культурный слой, и он, постепенно сползая по склонам, исчез.

В пределах Марийской республики есть группа городищ без культурного слоя или с минимальными остатками его. На них в 1957 году производились небольшие раскопки Марийской экспедицией. К ним относятся Юшковское городище у с. Юшково близ г. Йошкар-Олы, Старосельское в центре д. Старое село Оршанского района, Ернурское городище в 1 км от д. Мари-Ернур того же района, Верхне-Регежское у д. Верхний Регеж Куженерского района, Мари-Бияморское в Мари-Турекском районе и Кузнецовское (Зимняцкое) у с. Кузнецово Кировской области на границе с Марийской АССР. По внешнему виду, по расположению на мысах, по наличию вала и рва эти городища ничем не отличаются от городищ с культурным слоем. Такие городища принято называть городищами-убежищами, т.е. в них люди находились в минуту опасности, скрываясь за валом и рвом.

Есть одна особенность этих городищ. Ернурское, Кузнецовское, упоминаемое А. А. Спицыным Кармановское городища в XIX веке были известны под названием «Одо-лем» (Одо илем—местожительство удмуртов). Например, местные жители рассказывали А. А. Спицыну, что Ернурское городище служило убежищем удмуртов (вотяков) на случай нападения марийцев (черемис), приходивших сюда со стороны Волги. Среди удмуртов одно время сильнейшим был Одо, по имени которого городище и названо. Но в борьбе за эту территорию удмурты были вынуждены уступить и уйти на восток. Трудно сейчас сказать, насколько верно говорится в легенде. Но можно сделать кое-какие предположения. Вспомним, что на Ижевском городище была группа керамики, аналогичная керамике бассейна Чепцы, или же полемской и чепецкой культур. Эти культуры исследователями связываются с удмуртами. А если взглянуть еще глубже, в середину I тысячелетия н. э., то можно отметить некоторые общие черты этой группы керамики с керамикой азелинских памятников. А часть азелинцев, как сейчас установлено, принимала участие в сложении материальной культуры и этноса удмуртов. Не являются ли эти легенды отголосками тех времен, когда в этих районах встретились городецкие и азелинские племена. Да и позднее, очевидно, марийцы часто встречались с удмуртами, иногда, возможно, происходили и споры за

Земляной вал. Кузнецовское городище.

ту или иную территорию. О борьбе за уголья между мари́йцами и удмуртами рассказывают и легенды, записанные в Удмуртской АССР в форме сказочного богатырского эпоса. Этих легенд довольно много. Еще в наши дни, в 1956. году, мы слышали подобную легенду о Мари-Биляморском городище. К сожалению, эта интересная страница истории края остается пока мало освещенной в исторической литературе.

Вышеописанные городища в основном относятся все же к I тысячелетию н. э., некоторые из них можно отнести к началу II тысячелетия. За отсутствием материала трудно датировать их. Но верхнюю дату можно установить точно: не позже XII в., вернее до XII в., ибо с этого времени у мари́йцев появляется керамика, отличающаяся от керамики I тысячелетия н. э. К этому времени относится ряд селищ и городищ. Одно из наиболее изученных селищ расположено у д. Носелы Горномари́йского района. Керамика с него довольно однотипна и похожа на горшки славянских племен. Отсюда их иногда называют даже «славяноидной». Такой тип глиняной посуды бытует и позже, в XIII—XIV вв.

К сожалению, пока мало известно памятников XIV—XV веков. Среди них значительные раскопки были про-

ведены на Мало-Сундырском городище. Расположено оно у с. Малый Сундырь Горномарийского района, и знают его все жители района. Местное название «Аламанер» (город на горе). Многочисленные предания связывают его с событиями времен Ивана Грозного. Основной материал по этому памятнику получен раскопками Марийской археологической экспедиции в 1958 (Г. А. Архипов) и 1964 годах (Т. А. Хлебникова). Вскрыто всего 1184 кв. м., ничтожно малая площадь по отношению к огромной территории городища. Однако и эти раскопки дают возможность раскрыть характер памятника. Прежде всего отметим остатки жилых и хозяйственных построек. Исследовательница Т. А. Хлебникова считает, что эти сооружения относятся к разному времени. Наиболее ранними являются два сооружения, очевидно, погреба. Стены землянки (погреб) изнутри поддерживались бревнами или горбылями, а выше дневного уровня представляли собой плетень, обмазанный глиной. Возможно и использование этой ямы в качестве жилья без печи. В яме была мощная прослойка угля и золы, которая могла появиться в результате существования очага с подвешенным котлом. Этнографы предполагают существование у марийцев древнего вида жилья, заглубленного в землю без печи.

Второе сооружение этого типа являлось погребом хозяйственного назначения. Вокруг ямы выше дневного уровня был плетень, обмазанный глиной.

К более позднему времени относятся еще две ямы хозяйственного назначения. Конструкция одной из них близка к конструкции второго сооружения более древнего периода. Другая яма имела, очевидно, покрытие, покоящееся на четырех столбах, типа навеса.

Наиболее интересным является сооружение, которое в полевой документации и публикации идет под № 2. Конструкция его следующая. Яма размерами 3x4 м с отвесными стенками, с уступчатостью с северо-западной и юго-восточной стороны, имела прочное деревянное перекрытие. Оно представляется полом обитаемого наземного сооружения, от которого сохранились лишь слабые вертикально вбитые столбы в юго-восточном углу на уровне его дневной поверхности. Т. А. Хлебникова считает возможным сопоставить это сооружение с марийскими клетями в два этажа. В верхнем хранились

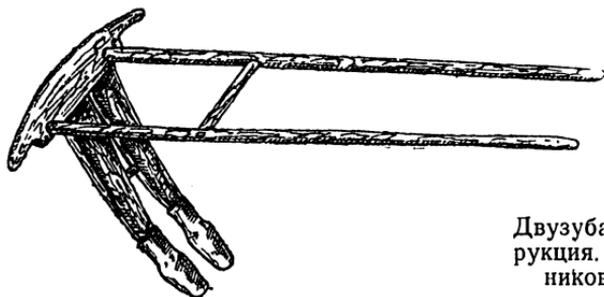
одежда, непортящиеся продукты питания. Эта часть клетки использовалась в качестве летнего жилища. Нижняя, заглубленная в землю, служила для хранения скоропортящихся продуктов.

Существование зимнего жилища с печами может быть подтверждено лишь косвенными данными. Вполне вероятно, что на городище были деревянные дома наземного типа с печами. К этому можно добавить, что в раскопках были найдены железные скобы для скрепления бревен в постройках. Они могли использоваться и в строительстве наземных зимних домов.

К сожалению, мало находок с этого городища. Из имеющихся вещей можно отметить железные ножи, цилиндрические замки. Те и другие по своим формам относятся к XIII—XV вв. Были и бытовые предметы (шило, часть оси весов, обломки ручек, дуг и оковок от ведер). Замки и весы свидетельствуют о развитии частнособственнических отношений, торговли и обмена. Интересным и важным для определения этнической принадлежности памятника являются фрагменты медного кованого сосуда, изготовленного из нескольких кусков листовой меди, соединенных медными же заклепками. Ручка и ушко у сосуда железные. По сохранившейся верхней части сосуда близок к найденным в древнемарийских могильниках медным котелкам.

На Мало-Сундырском городище впервые найдена серьга из медной проволоки в виде знака вопроса с насаженной на нее бусиной. Этнографам, да и людям старшего поколения, хорошо известны такие украшения. Появляются же они во второй половине XIII в. Они были характерны для народов Среднего Поволжья золотоордынского периода, например, близкие по типу серьги были найдены в болгарских памятниках в слое 2 половины XIII—начала XV в. Известны они для этого времени и на Кавказе.

Более многочисленны находки обломков глиняной посуды. Здесь надо отметить два типа горшков: одна группа по форме, фактуре глиняного теста близка к древнемарийской керамике, известной нам по материалам городищ типа Ижевское городище и других. Другая группа керамики состоит из горшков, изготовленных уже на гончарном круге и имеющих форму, близкую к славянской. Т. А. Хлебникова считает возможным говорить

Двузубая соха. Реконструкция. Находки сошников у д. Пекоза.

об изготовлении их русским населением по традициям мастеров северо-восточных районов Руси.

По характеру Мало-Сундырское городище так же относится скорее всего к типу городищ-убежищ. Культурный слой очень слабый, к тому же он имеется лишь на одной третьей части площади городища, здесь и жило немногочисленное население. Если учесть, что городище имело сильное укрепление в виде высокого вала и глубокого рва, то наше предположение может быть и правильным. Основное же население в то время жило в неукрепленных поселениях, типа селища Носелы III. Были и другие открытые поселения сельского типа вокруг этого городища.

Если Мало-Сундырское городище было поселением-убежищем с очень небольшим числом постоянных жителей, то другое городище XIII—XIV вв. в Горномарийском районе у д. Сиухино было центром кузнечного ремесла. Здесь найден полный набор инструментов кузнеца, много изделий из железа и отходов кузнечного дела (шлаки, крицы и др.). Появление таких городищ—свидетельство развитого ремесленного производства, выделения кузнецов в особую категорию специалистов, изготавливающих изделия на широкую округу. Кузнечное ремесло было известно еще в более раннее время, в IX—XI вв., как об этом свидетельствуют материалы могильников. Археологические материалы опровергают мнение некоторых историков, считающих, что марийцы вплоть до присоединения их к русскому государству были в большей степени дикими рыбаками и охотниками. Следует остановиться несколько подробнее на уровне развития хозяйства марийцев в IX—XI веках. Судя по

археологическим материалам, хозяйство марийцев в это время было комплексным и включало развитое земледелие, металлургию, ремесла, охоту и другие виды деятельности, связанные с переработкой сырья в домашних условиях. Земледелие было подсечным. Этот вид земледелия тесно связан со скотоводством. Дело в том, что после вырубki леса образовывалась «подсека», которая зарастала травой и превращалась в пастбище и сенокосные угодья, или, как называлась в документах XIX в., «сенокосную кулигу». Под сенокосом кулига оставалась от 4—5 до 15 лет. Затем выкорчевывали оставшиеся пни. На следующий год пеньки и корни зажигались и спаливались дотла. Слой золы, заключающий калийные соли, являлся и удобрением.

Очевидно, с XI в. начинает развиваться пашенное земледелие. Находки сошников у д. Пекоза в Марийской АССР можно отнести к типам русских сошников XI—XIII вв. А в Малмыжском лесничестве у д. Шамоки в 1925 году был найден сошник вместе с полицей. Появление сохи с перекладной полицей, которые агрономы определяют как переходное орудие от рыхлящих к пашущим орудиям плужного типа, имело большое значение в развитии земледельческой техники лесной полосы.

Для уборки урожая применялись как серпы, так и косы-горбуши. Найдены они у д. Пекоза (вместе с сошником), на Еманаевском, Сиухинском, Юльяльском городищах. Судя по остаткам ткани из льна и конопли, можно сделать вывод о выращивании этих технических культур. Продукты скотоводства представлены остатками одежды из шкуры (телячьих, коровьих), шерстяных ниток и тканей. В погребениях еще IX—XI вв. были железные ножницы для стрижки овец. О коневодстве говорят и железные кольчатые удила и т. д. Многочисленные кости лошади, свиньи и коровы были найдены на Еманаевском городище; кости свиньи, лошади, кабана были и на Ижевском городище. Природные условия Ветлужско-Вятского междуречья благоприятствовали развитию скотоводства не менее, чем леса для подсечного земледелия. На территории, занятой древними марийцами, протекали такие реки, как Вятка, Пижма, Немда, Ярань, Большая и Малая Кокшаги, Ветлуга и др. Все эти реки имели широкие поймы и заливные луга.

Коса и серп. Находки у д. Пекоза.

По оценке лугов конца XIX в. по р. Пижме сенокосная площадь составляла свыше 6000 десятин. По р. Немде луга считались лучшими во всем районе. А пойма Волги (луговая терраса) только в пределах современной Марийской АССР имеет в среднем ширину 3—5 км, являясь прекрасными лугами и пастбищами как в древности, так и в настоящее время. Заготовка сена косой-горбушей предполагает стойловое содержание скота.

Охотились марийцы прежде всего на пушных зверей: бобров и куниц. Кости этих зверьков составляют немалую долю среди костей других диких животных. В письменных источниках позднейших времен часто упоминаются «бобровые гоны». Этим особенно отличалось Поветлужье.

Рыболовство и охота были большим подспорьем в хозяйстве марийцев. Бортное пчеловодство считается у марийцев традиционным. «Бортные ухажаи» были своего рода естественной пасекой. Они имели нередко постоянный характер. На бортяных деревьях, по-видимому, уже в то время ставились знаки собственности—«бортные знаки» («тистэ»).

Мы уже отмечаем свидетельства металлургического производства, прежде всего кузнечного ремесла. При постановке вопроса о металлургии возникает проблема сырьевой базы. В этом отношении Ветлужско-Вятское междуречье находится в благоприятном условии. Здесь много болотной руды. Это бурый железняк, лимонит. Славяне его звали болотной рудой; а англичане—луговой. В болотах и мокрых лугах, а то и просто во влажной почве из подземных источников возникают земляные ржаво-рыжие катышки, похожие то на коконы бабочек, то на мелкие птичьи яйца, а то и на сосульки.

Это и есть легкоплавкая окисная руда. Причем качество руды вполне приемлемо для обработки. Болотная руда практически была неисчерпаема. Например, в Моложском уезде Костромской губернии близ р. Волги и оз. Арининского, по свидетельству Евг. Дюдюх, на площади «длиною на 3, шириною на 1 версту и толщиною на поверхности земли находится небольшими глыбами от 4 до 6 вершков; когда она вся выберется, то на этом месте лет через 10 опять наплывает до такого же количества».

Из изделий кузнеца в древнемарийских могильниках есть вещи различной сложности и приемов изготовления. Наиболее простыми по изготовлению, как установлено академиком Б. А. Рыбаковым, были ножи, дужки для котлов, гвозди, серпы, косы-горбуши, скобели, долота, шилья, кочедыки и др. Все эти предметы требовали лишь простой обработки куска металла при помощи молотка.

Вторая группа вещей изготовлялась при помощи сварки: цепи, железные кольца от поясов и сбруи, удила, кресала, остроги, пружинные ножницы; сварка требовала большой сноровки от кузнеца, а иногда и участия его помощника.

Следующий технический прием состоял в применении зубила при работе. Зубилом разрубали железо. Здесь кузнец один не мог обходиться и привлекал помощников. Зубило применялось при выработке ушков для котла, тесел, мотыг. При помощи пробойников пробивались отверстия на втулках ножей, на пластинках для котлов.

Наиболее сложно было изготовление топоров, ножей, молотков. Топор выковывали из длинной уплощенной полосы, которую сгибали посередине, затем в сгиб просовывали железный вкладыш для формовки проуха для топорща, а соприкасающиеся концы полос сваривали вместе и получали лезвие топора. Копья ковали из большого треугольного куска железа. Основание треугольника закручивали в трубку; в нее вставляли конический железный вкладыш и после этого сваривали втулку копья и выковывали острие. Одним из сложных приемов для древних кузнецов была клепка железных котлов из отдельных листов.

Изделия, в основном украшения, из цветного металла изготовлялись местными литейщиками и ювелирами. Кузнецы-ювелиры знали литье, ковку и волочение про-

волоки. Широко практиковалась у марийцев и чеканка изделий. Распространена была позолота серебряных и медных предметов. Из материалов, служивших для изготовления украшений, особенно почиталось серебро. Недаром в марийском фольклоре много эпитетов «серебряный», много сравнений с серебром («Серебряная Пампалче», серебряная Роза, «серебробузбая» и т. д.).

Такие виды домашнего ремесла, как изготовление одежды, обуви, утвари, некоторых видов земледельческого инвентаря широко развивались среди древних марийцев. Прядение и ткачество находились в руках женщин. А кожевенное дело было уделом мужчин. Мы уже описали вещи, изготовленные марийцами из кожи, меха, шкур, шапочки, кафтаны, обувь и др.

В лесных районах население широко пользовалось различной деревянной утварью и инструментами. Плотники находили применение своих сил в строительстве укреплений, домов и хозяйственных построек. Деревянные сохи, бороны, мотыги, лук, капканы и другие приспособления являются продукцией плотников. В большом почете и употреблении были изделия из бересты и луба (туески, коробы).

Изделия косторезов представлены гребнями, рукоятками ножей, шильев, костяными тупиками и ложилами для обработки кожи, различными мелкими украшениями в виде лошадок, уточек и т. д. Навыки и традиции обработки кости складывались еще в I тысячелетии до н. э. во времена городецких и ананьинских племен. Советские археологи сейчас хорошо изучили технологию обработки кости. Художественная резьба, гравировка при помощи резцов — вот те приемы украшения многочисленных костяных изделий.

И, конечно, самым распространенным занятием женщин было изготовление глиняных горшков и других поделок. Но уже с появлением гончарного ручного, а затем и ножного круга гончарство превращается в ремесло и становится делом мужчин. Гончары-ремесленники иногда ставят уже свои знаки на днищах глиняных горшков.

Более трудным для археолога является реконструкция общественного строя древних племен. Не имея письменных источников, располагая лишь отрывочными данными о характере поселений, об идеологии, археологи все же пытаются решать и этот вопрос. В настоящее

время советская историческая наука к решению этой проблемы подходит комплексно, т.е. учитывает данные археологии, этнографии и пользуясь сравнительным методом. Исходя из имеющихся материалов, можно предположительно говорить о том, что средневожские финно-угорские народы в I тысячелетии находились на стадии интенсивного разложения родового строя и, как считает А. П. Смирнов, «к X—XI вв. все угро-финское население Среднего Поволжья стояло на пороге классового общества». Период Младшего Ахмыловского могильника является периодом военной демократии, являющимся переходным этапом к-классовому обществу. К концу I и началу II тысячелетия н. э. среди марийцев возникают территориальные, или соседские общины, где объединяются люди по принципу соседства, а не родства. С появлением пашенного орудия из среды общины начинают выделяться отдельные хозяйства и малые семьи. В дальнейшем развитии общественных отношений большую роль играли вовлечение марийцев в сферу влияния и общественной жизни северо-восточных княжеств Руси, связи, хотя и слабые, с волжской Булгарией. В контакт с соседними феодальными государствами прежде всего вступали представители знати, господствующей верхушки марийского населения. Они, получая поддержку соседей-феодалов, укрепляли свое господствующее положение, усиливая зависимость большей части трудового народа, углубляя начавшееся расслоение общества на господствующих и зависимых, приведших к возникновению классовых отношений.

В некоторых работах историков встречается недооценка уровня развития социально-экономического развития марийского народа дооктябрьского периода, особенно это касается общественных отношений. При том не учитывается, что марийцы, хотя и не имели своего государства, были вовлечены в систему феодальных отношений с русскими княжествами и казанским ханством.

Эпоха XV—XVI вв. почти не представлена археологическими памятниками. Эта эпоха не может быть изучена и по письменным источникам. В 1956 году под руководством Н. Ф. Калинина раскапывалось Ашиязское городище в среднем течении р. Ашит у с. Кубяны Атнинского района Татарской АССР. Это городище — сильно укрепленное поселение марийцев XV века не имело по-

стоянного населения и служило городищем-убежищем. Появление его связано, очевидно, с необходимостью защищать свою территорию от посягательств Казанского ханства. Рядом с городищем изучено несколько кладбищ XIV—XV вв., которые показали картину ассимиляции мариЙцев татарами. В погребениях этого кладбища встречаются захоронения, совершенные как по мусульманскому, так и древнемариЙскому обряду. Булгаро-татарскому магометанскому населению XIV—XV вв. относится могильник у д. Мари-Луговая в Звениговском районе. Но в этом же могильнике имеются пережитки финского погребального обряда. Несколько ранее здесь была, очевидно, небольшая торговая фактория волжских булгар.

Однако в целом мариЙцы мало восприняли мусульманский обряд и магометанство. Они сумели сохранить чистоту своей культуры и идеологии, и даже в период расцвета Казанского ханства татары не распространяли свое религиозное влияние на мариЙцев.

Глава VII

ПАМЯТНИКИ МАРИЙЦЕВ XVI—XVIII ВЕКОВ

История мариетцев после XVI века изучается в основном по письменным источникам. В середине XVI в., как известно, мариетцы, как и народы Среднего Поволжья в целом, вошли в состав русского государства. Поэтому дальнейшая история мариетцев тесно связана с историей России.

Для периода истории мариетцев XVI—XVIII веков археологические материалы представлены в основном кладбищами. В настоящее время известно около 60 кладбищ этого времени только в пределах Марийской АССР. Кроме того, мариетские кладбища имеются и в соседних областях и республиках (Горьковской и Кировской, Татарии). На некоторых из них были произведены раскопки как в дореволюционное, так и в советское время. Значение материалов этих памятников заключается в том, что они дают возможность установить аналогии, параллели в типах украшений, их орнаментации, в некоторых чертах погребального обряда с погребальными памятниками более раннего времени. К сожалению, археологи еще не занялись специальным изучением этих материалов. А между тем в них есть много любопытного.

Работая в фондах Государственного Эрмитажа в г. Ленинграде, нам удалось встретить коллекции из мариетских могильников, раскопанных еще до Октябрьской революции. В 1908 г. П. П. Ефименко, позднее, в советское время, крупнейший археолог, специалист по палеолиту и средневожской археологии, произвел раскопки

на двух кладбищах в бывшем Ветлужском уезде (в настоящее время эти кладбища находятся в Кировской области). Одно из них, Тоншаевское, по монетам Алексея Михайловича датируется XVII в. Второе, Больше-Ошкарское, монетами Екатерины II и Павла I чеканки 30-х годов XVIII в. датируется XVIII в. В Тоншаевском кладбище больше сопровождающих вещей в могилах, чем в Больше-Ошкарском. В последнем часто встречаются медные кресты — свидетельство христианизации. А по христианскому обычаю вещи в могилы не клались. К сожалению, в фондах Эрмитажа нет описания погребального обряда. Инвентарь же захоронений состоит из стеклянных бус от ожерелья, многочисленных простых пластинчатых сюльгам с несомкнутыми концами, из накосников и назадников. Из других вещей были многочисленные железные ножи, кресала, топоры, скобы для топоров, редко наконечники стрел. В Больше-Ошкарском кладбище сбоку при погребенных были кожаные кошельки, в которых лежали медные монеты. Здесь же найдены остатки шерстяного пояса бурокрасного цвета, к нему были подвешены на трех шерстяных шнурах полушаровидные полые медные подвески, на шнурки насаживались трубочки из свернутых медных пластин. В нескольких случаях встречены медные котлы.

Интересна почти полная схожесть с древнемарийскими железными ножами в деревянных ножнах, обтянутых медными проволочными кольцами. Ножны висели на цепочке из тонких медных колечек. Цепочка была прикреплена, по-видимому, к медной бляхе на поясе. При сравнении этих вещей даже не специалисту становится ясно, что истоки многих типов вещей погребального инвентаря марийцев восходят к древнемарийскому периоду IX—XI вв.

В 1926 году Средневожская экспедиция раскопала 18 могил у с. Токари близ д. Кукшелида на р. Сундырке Горномарийского района. Инвентарь состоит из серег в виде знака вопроса (вспомним подобную серьгу из Мало-Сундырского городища XIV—XV вв.), сюльгам, браслетов, накосников (ўпине), топоров, ножей, огнив (кресал), наконечников стрел. Здесь же был найден медный клепанный котел, точно такой же, как и IX—XI, XII—XIII вв. Могильник датируется монетами XVI—XVII веков. Подобный же инвентарь был и в Кады-

шевском кладбище XIV—XVI веков Горномарийского района. Четыре могилы этого кладбища было изучено в 1932—1933 годах. В 30-х годах Е. И. Горюнова вела раскопки Шойбулакского и Аксаркинского кладбищ в Медведевском районе. Результаты этих раскопок она опубликовала в специальной статье.

Знакомство с материалами раскопок марийских кладбищ XVI—XVIII вв. подсказало сотрудникам Марийской археологической экспедиции необходимость изучения памятников этого типа. И в 1956 году, в первом же году работы экспедиции, были проведены раскопки на трех кладбищах, взяты на учет еще около 20.

Русско-Луговское кладбище, расположенное на месте неолитической стоянки у д. Русская Луговая (сейчас в черте г. Волжска), было открыто при раскопках стоянки. На площади раскопанной части стоянки было 12 могил, из них 2 мужские, 4 женские, 5 детских и 1 неопределенная. Костяки лежали в дубовых гробовищах. При женских погребениях были височные подвески, скульгамы, остатки назадняка, составленного из подвесок с синими и белыми стеклянными бусами вперемежку с медными или латунными трубочками. Это украшение напоминает известное этнографически «ўпине» луговых мариек. Такие поясные украшения были и в Большепольском (XVI в.), Шойбулакском и Аксаркинском могильниках XVII—XVIII вв. В мужских погребениях встречены железные топоры, ножи, медные котлы и ведра, железные пряжки, бронзовые пуговицы и серебряные монеты в кожаном кошельке у пояса. Монеты чеканены от имени Петра I. По этим монетам и датируется кладбище концом XVII—началом XVIII веков.

Еще в XIX в. было известно кладбище у починка Александровского Мари-Турекского района под названием «Биляморского». В 1956 году было решено раскопать еще 6 погребений. Среди них мужскими оказались 3, женскими 1 и детскими 2. Погребальный инвентарь отличается от инвентаря Русско-Луговского кладбища. Здесь не оказалось ни топоров, ни медных котлов и ведер, не было и ўпине. По найденным монетам с именем царя Алексея Михайловича погребения датируются серединой и второй половиной XVII века.

По погребальному обряду близко к Биляморскому Тюм-тюмское кладбище середины XVIII века в Мал-

мыжском районе Кировской области. Но, в отличие от того же Биляморского кладбища, здесь больше вещей: в могильных ямах были обнаружены железные ножи, топоры, кочедыки, кресало, бронзовые и серебряные сьюльгамы, височные подвески, бляшки, стеклянные бусы и монеты 1735 и 1738 годов.

Поздние кладбища марийцев, по предварительным данным изучения материалов, делятся на несколько групп по характеру погребального обряда и инвентаря. Локальные особенности этих могильников говорят о разделении марийского населения XVI—XVIII вв. на этнографические группы. Соответствуют они в основном луговым и горным марийцам. Так, Биляморское и Тюм-тюмское кладбища отличаются от более западных (Шойбулакское, Аксаркинское) отсутствием в женских погребениях украшений типа «ўпине», очень редким употреблением древесной обкладки могильных ям и отсутствием в мужских захоронениях шейных сьюльгам. Русско-Луговское кладбище по погребальному обряду и особенно по инвентарю мужских могил (медные котлы, железные топоры) и остаткам женского головного убора типа горномарийского шарпана приближается к кладбищам горных мари XVII—XVIII вв. Еласовское, Картуковское и Пайгусовское, исследованным Е. И. Горюновой в 1928 году.

Выяснение соотношения особенностей марийских кладбищ XVI—XVIII вв. с этнографическими группами марийцев поможет решению вопроса о происхождении горных и луговых марийцев, в частности, как происходило формирование древних марийцев: были ли марийцы вначале единой народностью, или же с самого начала горные и луговые сформировались отдельно. Высказанное нами в 1965 году на научной сессии по этногенезу марийского народа мнение о существовании вначале единой народности и разделение ее на луговых и горных после XII века, завершившееся к XV—XVI вв., получило поддержку лингвиста Д. Е. Казанцева, посвятившему этому вопросу на этой же сессии специальный доклад «К вопросу о разделении мари на горных и луговых. Общая и отличительная лексика горного и лугового наречий марийского языка». Первое письменное свидетельство о горных и луговых марийцах относится к XVI веку, когда автор «Казанской истории» записал: «Две бо

черемисы бе в Казанской области...; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словоет горная; луговая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наречит луговая...»

И еще одно немаловажное значение имеет изучение поздних марийских кладбищ. В исторической литературе до недавнего времени иногда можно было встретить мнение об упадке хозяйства марийцев. Могильники же, раскопанные Марийской экспедицией, дают целый набор вещей (железные топоры, ножи, коса-горбуша, кресало, медные котлы и ведра, искусно сделанные серебряные и медные украшения т. п.), свидетельствующих о развитом ремесленном производстве у марийцев в это время. Да иначе и не могло быть. Мы уже описали выше, что еще в IX—XI вв. у марийцев все основные виды хозяйства (земледелие, скотоводство, различные ремесла и промыслы) были на высоком уровне развития. Естественно, навыки и традиции, приобретенные за многовековую историю, совершенствовались и развивались дальше. Речь может идти лишь о более или менее замедленных темпах развития, или, наоборот, о быстром, скачкообразном усовершенствовании орудий труда, технологии и способов их изготовления и т. д.

Поселения XVI—XVIII вв. специально археологами не изучались. Но во время полевых работ нами зафиксированы сведения о некогда существовавших марийских селениях. Они, как правило, известны под именем основателя этого поселения. Например, в Моркинском районе у д. Чеве́рнур нам указали место, известное у местного населения под названием «Трипон это» (Поле Трифона) или «Земля Яра-мари». По свидетельству старожилов, помнящих, что говорили «их деды», можно сделать вывод, что марийские селения были небольшими, нередко всего в 2—3 дома. Располагались они в удобных местах: это или на водоразделе на опушке леса, или, чаще всего, у небольших речек. Лес и водоемы (озера, реки) — излюбленные места жительства марийцев. В письменных источниках XVII—XIX веков (например, записки Г. Ф. Миллера о марийцах) также указываются небольшие селения (илемы) марийцев.

К памятникам марийцев XVI—XVIII и даже XIX вв., отражающим их духовную культуру, относятся мольбища. В настоящее время они безмолвствуют и выделя-

ются на открытом месте в виде небольшой рощи, реже они находятся в лесу. У народа известны под названием «күс ото», иногда «Ага пайрем арка» и др. Известный казанский этнограф И. Н. Смирнов писал, что для праздничных жертвоприношений избирается определенное время и место. Он отмечал, что первоначально марийцы молились в лесу, избирая и очищая в нем определенное место. Лишь позднее появляются специальные рощи — күс ото. Причем выбирались места с подходящими по породе и росту деревьями. Эти священные рощи считались неприкосновенными, иногда они огораживались забором и имели ворота.

В настоящее время эти рощи не имеют своей таинственности. В археологическом и этнографическом отношении они почти не имеют никакого значения. Иногда, правда, на деревьях рощи можно обнаружить тамги, зарубки, сделанные топором. Тамга — одна из форм проявления частной или родовой собственности. В этом отношении они могут представить определенный интерес. К сожалению, до сих пор мы не имеем монографического исследования марийской тамги. Хорошее начало в этом деле положено Г. Н. Айплатовым. Он опубликовал в № 3 журнала «Советская этнография» статью «Марийские «знамена» XVII века как историко-этнографический источник». В ней он отмечает тамги семейные и личные. Для объяснения смысла и формы знаков автор привлекает сельскохозяйственные орудия труда и др. Очевидно, марийцы, не зная письменности, широко пользовались тамгами для выражения многих сторон своей жизни.

Самым интересным является то, что мольбища, подобные мольбищам XVIII—XIX вв., были и в более раннее время. Еще А. А. Спицын во время разведки по р. Юма в связи с осмотром местного Юмского могильника у д. Ивки нашел марийское мольбище, синхронное могильникам IX—XI вв. Правда, сам А. А. Спицын не смог в то время отнести этот памятник к культовому объекту марийцев, но назначение его, как религиозного обрядового характера, он определил правильно. В 1957 году в связи с изучением Юмского могильника мы заложили раскоп на месте этого культового памятника, который еще А. А. Спицын назвал «Ивкинским костыщем». В результате наших раскопок

выяснилась картина, очень близкая описанной И. Н. Смирновым. Он писал, что в лесу перед деревом устраивался стол в виде рассадника, вышиною около аршина. На стол ставили всякие явства (мед, мясо, хлеб, ковши и т. д.). В XVIII в. над столом устраивался навес: на некотором расстоянии от стола в землю врывались столбы и покрывались деревянной кровлей. И в Ивкинском (Юмском) мольбище XI в. было такое же сооружение. При раскопках выявлены следы от столбов как от стола, так и от навеса. Рядом со столом стояли и другие столбы. Кроме того, была яма, где найдены кости животных и несколько железных предметов (ножи, в частности).

Изучение этого интересного памятника свидетельствует о глубоких исторических корнях религиозных верований, бытующих в недавнем прошлом среди марийцев. Усилия археологов, этнографов, социологов и атеистов могли бы дать конкретный, практический результат как в изучении религиозных воззрений марийцев, так и, что особенно важно, в преодолении проявления этих воззрений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тридцать тысяч лет, когда впервые появился человек в Марийском крае, очень незначительный период в истории человечества, насчитывающий, по последним данным, около 2 миллионов лет. Однако созидательная работа истории двигала вперед развитие производительных сил и самого человека. Во все времена кипела работа, трудились мастера, создавая не только необходимое для жизни, но и произведения искусства. Человек, природа, история, искусство — вот четыре категории, которые всегда находятся во взаимодействии. Во взаимодействии с природой человек создает историю и искусство, и он является главным действующим лицом на мировой арене: человек живет, работает и творит. Творение его рук создает цивилизацию, которая составляет историю человечества. Дела и история — так можно кратко сформулировать путь человечества, пройденный со дня его становления. Декабрист Федор Глинка писал: «Поникает величие держав, меркнет блеск славы, молва звучит и затихает. Роды и поколения людей преходят, как тени, по краткому пути жизни. Что же остается за ними в мире? — Дела! Кто хранит их для позднейших столетий? — История!»

Марксистская историография считает, что каждый народ, даже небольшой и отсталый, вносит и внес что-то свое в мировую сокровищницу культуры. Это касается и области материальной культуры — типы построек, покрой одежды, техника промыслов и пр., и народного искусства — художественная промышленность, орнамен-

тика, народная музыка, танцы и пр., и некоторых народных знаний и т. д.

Археология изучает древнейший период истории человечества. Она позволяет углубить и расширить наши знания о зависимости образа жизни от природы и о покорении человеком природы. Археология помогла многим современным народам заглянуть в прошлое своих предков. Мы можем пронаблюдать, как расширились наши знания по истории края. Интерес человека к истории своего народа и края всегда велик. История как наука возникла еще в древности. «Отцом истории» называют греческого историка и географа Геродота. Однако ему ничего не было известно о «северных» народах. Он знал страну Скифию, где пробыл некоторое время. Находясь, в частности, в Ольвии, Геродот собрал сведения и о соседних народах. К северу и востоку от Скифии Геродот помещал невров, андрофагов и меланхленов. А к северу от всех этих племен, по сообщению Геродота, лежат «необитаемые от холода пустыни». Но далее на северо-восток от «пустыни» Геродот поместил тиссагетов и иирков, которых ученые считают народами Приуралья и Прикамья.

Как видно из перечисленных известных Геродоту племен, нет ни одного, обитавшего в Волго-Вятском бассейне. А ведь во времена Геродота (V век до н. э.) этот край был густо населен ананьинскими и городецкими племенами, а они, как мы отметили, торговали со скифами.

Первое упоминание финно-угорских народов под именем «феннов» принадлежит римскому историку I—II вв. н. э. Тациту, описавшему западные группы финских племен. Писал о финнах и Птоломей, живший во второй половине II в. н. э., но он пользовался трудами географа I в. Долгое время финские племена представлялись Риму единым племенем, о котором было известно крайне мало.

В VI появляется упоминание финских племен в труде аланского монаха Иордана. Перечисляя народы, подчиненные готскому королю Германариху («царство Германариха»), он отметил чудь, мерю и мордву. Трудно предположить, что эти племена входили в готское царство, т. к. готы здесь не были, но имена мери, мордвы и черемис могли попасть на страницы средневековых

письменных документов. Археологические материалы свидетельствуют о культурных взаимосвязях племен Оки и Средней Волги с прибалтийскими племенами. От последних и могли стать известными готам финно-угры Поволжья и Оки.

Финно-угорские народы находились в тесной связи с славянскими племенами. С X—XI вв. в русских летописях нередко упоминаются и поволжские финны. Однако до работ археологов никто не мог охарактеризовать материальную культуру и быт этих племен. А. А. Спицын впервые дал археологическую характеристику финно-угорских народов, но он еще не связывал памятники археологии с определенным народом Поволжья. В 30-х годах нашего столетия академик Готье более конкретно решил этот вопрос. Финно-угорские народы Поволжья и Прикамья исследователя своих древностей нашли в лице А. П. Смирнова. После его работ развернулись широкие археологические раскопки во всех автономных республиках Волго-Уральского региона. Образование постоянно действующей Марийской археологической экспедиции в 1956, году положило начало систематическому исследованию древностей Марийского края. За 20 лет полевых работ экспедиция проделала огромную работу по выявлению и изучению археологических памятников края. Эта работа продолжается и по сей день.

Литература

- Архипов Г. А., Халиков А. Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1960.
- Архипов Г. А. Древнемарийский женский костюм IX—XI вв. н. э. Труды МарНИИ, Йошкар-Ола, 1961, вып. XVI.
- Архипов Г. А. Ижевское городище. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1962, вып. XVII.
- Архипов Г. А. Дубовский могильник. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1964, вып. XIX.
- Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.). В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- Архипов Г. А. К вопросу об этногенезе марийцев. Краткие сообщения Института археологии. М., 1968, вып. 113.
- Архипов Г. А. Шукшиерский курган абашевской культуры. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1971, вып. XXIII.
- Архипов Г. А. Памятка краеведа по археологии. Йошкар-Ола, 1972.
- Архипов Г. А. Марийцы IX—XI вв. н. э. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973.
- Жебелев С. А. Введение в археологию. Петроград, 1923, ч. I и 2.
- Железный век Марийского края. Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1962, т. II.
- Кар Лукреций. О природе вещей. М., 1945.
- Третьяков В. П. Майданская стоянка волосовской культуры. Советская археология, 1970, № 3.
- Халиков А. Х. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МарАЭ. Йошкар-Ола, 1960, т. 1.
- Халиков А. Х. Юнга-Кушергинская палеолитическая стоянка. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1961, вып. XVI.
- Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР. В кн.: Абашевская культура в Среднем Поволжье. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1962. № 97.
- Халиков А. Х., Лебединская Г. Б., Герасимова М. М. Пепкинский курган. Йошкар-Ола, 1966.
- Хлебникова Т. А. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 гг. Труды МарНИИ. Йошкар-Ола, 1967, вып. XXII.
- Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.

О г л а в л е н и е

Предисловие	3
Глава I. Заселение края человеком (палеолит и мезолит)	7
Глава II. Расселение древних людей (неолит)	15
Глава III. Первые металлурги (бронзовый век)	32
Глава IV. Железо в руках человека (ранний железный век)	61
Глава V. Начало формирования марийцев (раннее средневековье)	89
Глава VI. Древние марийцы	117
Глава VII. Памятники марийцев XVI—XVIII вв.	156
Заключение	163
<i>Литература</i>	166

Геннадий Андреевич Архипов

**МАРИЙСКИЙ КРАЙ
В ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ**

Рисунки автора

Редактор Г. М. Пирогов

Художественный редактор В. В. Домбровский

Технический редактор Е. М. Данилова

Корректор И. И. Филипова.

Сдано в набор 2 июля 1976 г.

Подписано к печати 22 декабря 1976 г.

Формат 84×108/32. Физ. печ. л. 5,25. Усл. печ. л. 8,82. Учетно-изд. л. 8,65.

Тираж 3000. Заказ № 2664 (76). Бумага типогр. № 3. Цена 65 коп.

Э-03099.

Марийское книжное издательство, 424025, г. Йошкар-Ола, ул. Карла Маркса, 43. Марийская республиканская типография, 424700, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112.

65 коп.